

*Прости нас
за наши грехи*

VK.COM/FASHIONABLE_LIBRARY

ПАСТОР

СИАРА СИМОН

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления! Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.

Сиара Симон

«Пастор»

Серия о Личном #2

Оригинальное название: *Sierra Simone «Priest» (Priest #1), 2015*

Сиара Симон «Пастор» (Пастор #1), 2017

Переводчик: *Александра К.*

Сверка: *Иришка Дмитренко (с 21–25 главы и эпилог), Лела Афтенко-Аллахвердиева.*

Вычитка: *Лела Афтенко-Аллахвердиева*

Обложка: *Врединка Тм*

ПРОЛОГ

Существует так много правил, которые не должен нарушать пастор.

Пастор не может жениться. Пастор не может отказаться от своего прихода (прим.: церковный округ населения, имеющий свой особый храм с причтом, совершающим священнодействия для прихожан). Пастор не может подвергать сомнению веру своих прихожан в него.

Правила, которые, на первый взгляд, кажутся такими очевидными. Правила, которые я никогда не забываю с тех пор, как надел свой пояс (прим.: имеется виду пояс священника). Правила, ради которых я поклялся своей жизнью, чтобы надеть казулу (прим.: верхнее облачение священника при богослужении) и столу (прим.: шёлковая лента 5-10 см в ширину и около 2 метров в длину с нашитыми на концах и в середине крестами, огибающая шею и обоими концами спускающаяся до колен на одном уровне).

Я всегда следовал правилам.

Пока не встретил её.

Меня зовут Тайлер Ансельм Белл. Мне двадцать девять. У меня есть степени бакалавра и магистра богословия. Я пришёл сюда три года назад и был принят на службу, и мне здесь нравится.

Несколько месяцев спустя я нарушил целибат (прим.: обет безбрачия) на алтаре своей собственной церкви и, да поможет мне Бог, не прочь повторить это снова.

Я — пастор, а это моя исповедь.

ГЛАВА 1.

Ни для кого не секрет, что прощение является наименее популярным таинством. У меня было много теорий почему: гордыня, беспокойство, утрата духовной независимости. Но в данный момент моя теория находится в этой грёбаной исповедальне.

Я ненавижу это место, и каждый раз, когда вижу его, складывается такое впечатление,

словно это старомодная тюрьма, дошедшая к нам из самых тёмных дней до Второго Ватиканского собора. Пока я рос, моя церковь в Канзас-Сити немного изменилась: эти *комнатки* стали чистыми, светлыми и приятными, с удобными креслами и высоким окном с видом на сад.

Но эта исповедальня — полная противоположность той, о которой я рассказывал, потому что эта комнатка была ограниченной и формальной: из тёмного дерева и без всяких нормальных удобств. Вы не подумайте, я не страдаю клаустрофобией, но от такого вида могу пополнить ряды людей с боязнью замкнутых пространств. Я сложил руки вместе, благодаря Бога за наши собранные средства. Десять тысяч долларов: на эти деньги мы могли бы отремонтировать собор Святой Маргариты в Вестоне, штат Миссури, и превратить его в нечто, напоминающее современные церкви. Больше не будет этих поддельных деревянных панелей в фойе. Не будет больше этого фальшивого красного покрытия, умеющего лишь скрывать винные пятна, но, поверьте мне на слово, он угнетает здесь атмосферу. Вместо этого будут огромные светлые окна и современность. Я был отправлен сюда из-за болезненного прошлого... ради себя самого. Проходя мимо всего этого старья, я уже планировал новую постройку. Хочу показать моим прихожанам, что церковь может кардинально поменяться. Вырасти. Сделать шаг в будущее.

— Могу ли я покаяться, Отец?

Я плыл по течению. Один из моих недостатков, признаю. Я тоже молюсь ежедневно, надеясь на что-то (когда вспоминаю).

— Не думаю, что это необходимо, — отвечаю я. Хоть и не могу видеть многого через перегородку, но прекрасно знаю своего кающегося. Роуэн Мерфи — учитель математики среднего возраста и фанат полицейских. Он был моим единственным кающимся вот уже месяц, и его грехом была зависть (что отличает его от другого учителя по математике), его нечистые мысли были сосредоточены на человеке из тренажёрного зала Плат-Сити. Я знаю многих священников, которые по-прежнему следуют старым правилам, но я не один из тех, кто говорит «молись дважды Пресвятой Деве Марии по утрам». Грехи Роуэна возникли из-за его нетерпеливости, бездействия, и никакие молитвы этого не изменят, если он сам не найдёт причину.

Я знаю это, потому что сам побывал в подобной ситуации.

Но, честно говоря, мне очень нравился этот парень. Он был смешным, но лукавым, тот тип парней, которые приглашают к себе в гости автостопщиков и даже разрешают им переночевать на своём диване, если только наутро эти люди оставят полный рюкзак еды или подарят новое одеяло. Мне бы хотелось видеть его счастливым и спокойным. Я бы хотел наблюдать за тем, как он совершает хорошие дела, меняясь в лучшую сторону.

— Нет, каяться не нужно, но у меня для тебя небольшое задание, — говорю я. — Подумай о своей жизни. Да, ты имеешь сильную веру, но используешь её не в том направлении. Кроме церкви, что приносит страсть в твою жизнь? Почему ты встаёшь по утрам? Что является смыслом твоей жизни?

Роуэн не ответил, но я мог услышать его дыхание. Он задумался.

Прочитав заключительные молитвы, я благословил его, и он ушёл, направляясь обратно в школу, где проведёт остаток своего дня. И если его перерыв закончился, то мой только начался. Я проверил свой телефон, чтобы быть уверенным, и когда уже собирался выйти, услышал, как дверь в исповедальню открылась и напротив меня кто-то сел. Я откинулся назад, делая глубокий вдох. Мне очень хотелось побыть немножко свободным сегодня, и я с

нетерпением этого ждал. Никто, кроме Роузена, никогда не приходил на исповедь. Никто. И вот в один из таких дней я очень хочу насладиться прекрасной погодой в одиночестве...

«Соберись», — скомандовал я себе.

Кто-то прочистил своё горло. Женщина.

— Я, эм. Я никогда не делала этого прежде, — её голос был тихим и привлекательным, словно акустическая передача лунного света.

— Ах, — я улыбнулся: — Новичок.

Я издал смешок.

— Да, полагаю, что так. Много раз видела, как это делается по телевизору. И следующее, что я должна сказать: «Прости меня, Отец, ибо я согрешила?»

— Почти. Во-первых, мы должны перекреститься. *Во имя Отца, Сына и Святого Духа...* — я слышал, как она повторяла слова за мной. — Теперь скажи мне, сколько времени прошло с последней твоей исповеди, если ты когда-нибудь...

— Никогда, — завершила она за меня. Её голос звучал молодо, но не слишком. Она, наверное, чуть моложе меня. Её голосу был присущ акцент, обозначавший девушку из города, но, как та растягивала слова, определяло, что она была из пригородов Миссури.

— Я, эм. Я увидела церковь, когда бродила по улице. И мне захотелось... Ну, есть некоторые вещи, которые меня очень волнуют. Я никогда не была особо религиозной, но подумала, может быть... — она замолчала на минуту, а затем резко вздохнула. — Это было глупой затеей, я такая дура. Мне пора уходить, — я услышал, как она встала.

— Стой, — резко крикнул я, удивляя самого себя. Никогда не приказывал раньше. Ну, никому, я хочу сказать.

Соберись.

Она села, и я мог слышать, как она теребила свою сумочку.

— Ты не глупая, — говорю я нежно. — Это не какое-то там соглашение. Это не обещание посещать службу каждую неделю или что-то типа этого. Это именно тот момент, когда ты осознаешь, что тебе нужно. Необходимо услышать меня... Бога... Возможно, себя. Ты пришла сюда, потому что знала, что хочешь этого, и я здесь для тебя и готов выслушать. Поэтому... Пожалуйста. Останься.

Она сделала глубокий вздох.

— Я просто... Эти вещи слишком давят на меня, и я не знаю, стоит ли мне кому-то о них рассказывать. Тем более вам.

— Это потому, что я мужчина? Тебе было бы удобней поговорить сначала с монахиней, а потом уже идти ко мне?

— Нет, это не из-за того, что вы мужчина, — я слышу улыбку в её голосе. — Это потому что вы пастор.

И тут я решил угадать.

— Это всё из-за плотской природы?

— Плотской, — смеётся она, и её смех звучит словно мелодия. Внезапно я понимаю, что мне стало интересно посмотреть на внешность этой прихожанки: была ли её кожа бледной или, наоборот, загорелой, толстая она или худенькая, пухлые ли у неё губы.

Нет. Я должен сосредоточиться. Но почему её голос вдруг заставил меня почувствовать себя мужчиной, а не пастором.

— Плотской, — повторяет она. — Это звучит как эвфемизм.

— Ты можешь называть это так, как тебе удобно. Это не должно смущать тебя.

— Иногда ширма помогает, — отмечает она. — Это проще, когда не видишь человека, знаешь, мантия и прочие ваши штучки.

Теперь смеюсь я.

— Мы не носим мантию всё время, ты должна это знать.

— Оу. Ну, это моя фантазия. Тогда что же ты носишь?

— Рубашку чёрного цвета с длинными рукавами и белым воротником. Ну, тебе известен такой тип одежды. Думаю, ты видела это по телевизору. И джинсы.

— *Джинсы?*

— Это так шокирует?

Я слышу, как она прислоняется к ширме.

— Немножко. Это значит, что у тебя есть свой стиль во всём этом.

— Только по выходным, с девяти до пяти.

— Хорошо. Я рада, что они не заставляют тебя одевать мантию по субботам или что-то в этом роде.

— Они пытались. Слишком много запретов, — я делаю паузу. — И если это как-то поменяет твоё мнение, то я обычно ношу брюки.

— Ну, уже больше похоже на священника, — следует долгая пауза. — Что если... Ты когда-нибудь встречал людей, которые действительно творили плохие вещи?

Я осторожно подыскиваю слова, чтобы ответить:

— Мы все грешны в глазах Господа. Даже я. Нужно просто раскаяться в величине своего греха, но...

— Перестань мне вещать это семинарское дерьмо, — шипит она. — Я задала тебе вопрос. Я поступила очень плохо. Действительно плохо. И я просто не знаю, что ожидать дальше

Её голос дрогнул на последнем слове, и в первый раз за то время, что я был рукоположен, у меня возникло желание подняться со своего места и войти в ту дверь, где сидела она, и подарить этой женщине крепкие объятия. Наверное, это будет неудобно сделать в такой Тёмной Комнате Смерти (так я называю эту исповедальню).

Но её голос звучал так надломлено и болезненно. И мне захотелось сделать для неё что-то хорошее.

— Мне нужно знать, что всё будет хорошо, — говорит она тихо. — И я должна буду научиться жить с этим.

Мою грудь сжала боль. Как часто я повторял эти же слова, смотря в потолок, лёжа в кровати без сна, задаваясь вопросом, изменится ли моя жизнь? *«Мне нужно знать, что всё будет в порядке».*

Разве мы не все хотим этого? Разве не об этом кричат наши разбитые души по ночам?

Когда заговорил снова, я не стал возиться с этими духовными наставлениями. Вместо этого я ответил честно:

— Я не знаю, будет ли всё в порядке в будущем. Может, и не будет. Но сейчас ты думаешь, что самая несчастная в этом мире, но, поверь мне, настанет день, когда ты поймёшь, что может быть ещё хуже, чем сейчас, — я опустил свой взгляд на руки, которыми вынимал старшую сестру из петли в родительском гараже, когда она повесилась. — Ты не сможешь вставать с постели по утрам, потому что кровать будет единственным местом, где ты чувствуешь себя в безопасности. Знаешь, это «хорошо» никогда может и не настать. И всё, что тебе останется, так это искать новую опору в жизни. Надеюсь, ты найдёшь любовь в

своей жизни и будешь её крепко держать. И в один прекрасный день всё серое и скучное исчезнет. В один из таких дней ты обретёшь что-то ценное в своей жизни. И жизнь принесёт тебе большое счастье.

Я слышал, как она вздохнула, словно пыталась не заплакать.

— Я... Спасибо вам, — просто сказала она. — Спасибо.

Не было никаких сомнений в том, что она сейчас плакала. Я слышал, как она вытягивала салфетки из коробки, положенной мной в исповедальню для таких случаев. Я мог поймать только самые незначительные движения сквозь ширму: её волосы были тёмного цвета, а кожа бледна.

Часть меня хотела услышать её признание, чтобы я смог дать ей больше советов, сказать ей что-то, чтобы она обрела уверенность в себе, но я до сих пор не знаю, какой именно из ужасных видов плотского греха она успела сотворить, а теперь пришла каяться. Я хотел услышать этот шёпот снова, хотел поцеловать каждую её слезинку.

Боже, я хотел прикоснуться к ней.

Да что со мной, чёрт побери, происходит? Мне не хотелось женщину в течение этих трёх лет. И я даже лица её толком не видел. И что самое смешное, даже имя мне неизвестно.

— Теперь мне, правда, пора, — говорит она, игнорируя ранее сказанные слова. — Спасибо за то, что рассказал. Это было... Это было как бальзам на душу. Ещё раз спасибо.

— Подожди... — произношу я, но дверь уже хлопнула, и она ушла.

Я думал об этой незнакомке весь день. Думал о ней, когда готовил свою проповедь на воскресенье. Думал о ней, когда перечитывал Библию, когда молился ночью. Думал о том тёмном проблеске её волос, о том нежном голосе. О чём-то, что помогло бы мне... Постойте, что это? Я, конечно, не святой и знаю, что принял обет, но я всё же мужчина. Мужчина, который до этого любил трахаться очень много.

И я до сих пор заглядывался на женщин, но теперь пытался сдерживать свои сексуальные позывы. Целибат служил тому хорошим примером все эти годы, и я тщательно его соблюдал. Особенно после того случая с моей сестрой. И того, что случилось, пока я не пришёл сюда.

Первостепенно, чтобы я был верхом сдержанности. Я должен быть священником, который внушает доверие. И нужно быть очень осторожным, чтобы не пойти на поводу у этих сексуальных позывов и не быть на слуху у людей.

И хотя её хриплый смех не выходил у меня из головы весь день, я всё же пытался продолжить выполнять свои обязанности, правда, теперь к этому добавилось ещё одно: я молился за эту женщину, думая, что она всё же найдёт своё счастье. *«Мне нужно знать, что всё будет хорошо».*

Надеюсь, она это познает: Боже, обрати на неё своё внимание, дай ей надежду, как ты много раз давал её мне.

Я заснул с чётками, стиснутыми в своей руке, словно они были моим амулетом, который мог бы защитить от нежелательных мыслей.

В моём небольшом приходе, как правило, два раза в месяц проводятся похороны и четыре или пять раз в год свадьбы, мессы проходят почти каждый день, а по воскресеньям

несколько раз в день. Три раза в неделю я провожу изучение Библии, один раз в неделю могу помогать в молодёжном кружке и каждый день, кроме вторника, уделяю время прихожанам, которые являются исповедоваться. Я также пробегаю по утрам несколько миль и читаю разные книги, которые не связаны с Богом.

Ох, и ещё я провожу много времени на странице «*Ходячих мертвецов*» на реддит (прим.: социальный новостной сайт, созданный Стивом Хаффманом и Алексисом Оганяном в 2005 году, в котором зарегистрированные пользователи могут размещать ссылки на какую-либо понравившуюся информацию в Интернете. Как и другие подобные сайты, reddit поддерживает систему голосования за понравившиеся сообщения — наиболее популярные из них оказываются на заглавной странице сайта). Слишком много времени. Прошлой ночью я оставался там до двух часов ночи, споря с некоторыми задротами о том, можно ли убить одного зомби с помощью позвоночника другого.

Потому что там необходимо рассчитать все движения.

Дело в том, что быть святым человеком и вечно сонным за завтраком в городе, который находится на Среднем Западе, довольно-таки сложно, так что я могу быть прощён за маленькую слабость к женщине, которая может прийти на исповедь на следующей неделе.

Роуэн только что ушёл, и я уже был готов встать и уйти, когда услышал скрип двери по ту сторону от меня. Я подумал, что, возможно, это снова Роуэн: уже не первый раз он так возвращался, потому что вспоминал очередной грех.

Но нет. Это был тот самый голос с хрипотцой, который преследовал меня всю прошедшую неделю.

— Это снова я, — говорит женщина с нервным смешком в голосе. — Эм, ну, та не католичка?

Мои слова прозвучали намного серьёзнее, чем я думал. Таким тоном, словно я долго не виделся с этой женщиной:

— Я прекрасно тебя помню.

— Ох, — говорит она. Девушка была немного удивлена тем, что я её запомнил. — Хорошо. Я думаю.

Она молчала, и через ширму я смог получше разглядеть эту женщину: тёмные волосы, белая кожа, ярко-красные губы.

Я немного поёрзал на месте — моё тело слишком буйно отреагировало. Брюки на заказ (подарок от моих братьев-бизнесменов), жёсткое дерево скамьи, воротник — вдруг всё стало мне мешать.

— Вы Отец Белл, правильно? — спросила она.

— Это я.

— Видела ваше фото на веб-сайте. На прошлой неделе я подумала, может, будет лучше, если я узнаю ваше имя и как вы выглядите. Ну, знаете, чтобы я имела представление о вас не как о той стене, что между нами.

— Помогло?

Она колебалась:

— Не очень, — но она не уточнила, да и я не стал давить, в основном из-за того, что воспитывал в себе терпение, которое помогало мне трезво мыслить.

«Нет, ты не можешь спрашивать её имя.»

«Нет, ты не можешь отодвинуть эту ширму и посмотреть, как она выглядит.»

«Нет, ты не можешь просить её, чтобы она рассказала тебе о своих порочных грехах.»

— Готова начинать? — спросил я, пытаясь поместить свои мысли на задний план.

«Следуй сценарию, Тайлер».

— Да, — прошептала она. — Да, я готова.

ГЛАВА 2.

Поппи

«У меня есть работа. Ну, теперь у меня она есть, и кое-что сейчас поменялось, но ещё месяц назад я работала в месте, которое можно назвать... греховным. Думаю, это правильное слово, хотя я никогда не чувствовала себя грешницей, работая там. Вы, наверное, задаётесь вопросом, почему я пришла сюда исповедоваться, но, на самом деле, я **не чувствую**, что должна сознаваться хоть кому-то в содеянном. Имеет ли это какой-то смысл? Наверное, я **обязана** чувствовать себя ужасно из-за того, как зарабатывала эти деньги, но не ощущаю такого и прекрасно осознаю, что это неправильно.

Нет, я не проститутка, если вы подумали об этом.

Знаете, за что ещё я чувствую себя виноватой? За то, что впустую тратила чужое время и деньги. Мои родители — это отдельная тема для разговора — и даже вы, я вас не знаю, но напрасно трачу ваше время, забывая ненужной чепухой ваши мысли, просто тщетно трачу деньги вашей церкви. Видите? Я несу разрушение, где бы ни появилась.

Часть проблемы заключалась в доле меня, и она всегда следовала за мной по пятам, а быть может, это тонкий слой, как, например, кольца у дерева. И куда бы я ни пошла, всегда было это. Я не была счастлива в своей старой жизни в Ньюпорте и не чувствую себя счастливой и в этом новом месте, в Канзас-Сити, теперь я наконец-то понимаю. Неужели это всегда будет преследовать меня? Значит ли это, что я не буду счастлива ни в одном месте? Мне что, суждено скитаться в одиночестве и отращивании из-за того, что я ношу этого демона в себе?

Смешно то, что я чувствую, словно проживаю другую жизнь, тёмную жизнь, от которой просто должна избавиться, выпустить этого демона на свободу и спастись от этого кольца, сжавшего меня. Но цена — остальная я. Словно Вселенная — или Боже — говорит, что это мой путь, но цена этому слишком высока, и это тень того человека, которым я хочу быть. Но сколько ещё необходимо **заплатить** за тот путь? Я сбежала в маленький городок и работала как проклятая, чтобы вот так скитаться в одиночестве? У меня есть чувство собственного достоинства, и у меня есть хорошие поступки, но позвольте вам сказать, Отец, добрые дела не согреют вашу постель ночью, и я просто отчаялась, потому что не могу разрываться на две части, но я **хочу их** обе.

Я мечтаю о хорошей жизни и хочу испытать страсть и романтику. Но я была воспитана так, что теперь вижу одну только грязь и отвращение; и как ни стараюсь, не могу не ненавидеть «Поппи Дэнфорс», потому что даже это стало мне противно. Я сделала всё, чтобы перестать питать ненависть...»

— Возможно, у нас получится продолжить на следующей неделе.

Какое-то время она была тихой после заключительного предложения, её дыхание прерывистым. Не было необходимости смотреть на неё, чтобы знать, что она держалась из последних сил, но на самом деле мне хотелось зайти к ней, подхватить её на руки, успокоить

или, возможно, *что-то ещё*. Но я не мог позволить себе этого, потому что моя обязанность помогать людям словами, а она нуждается в этом прямо сейчас.

— Ох. Хорошо. Могу я... Есть ли у меня ещё время? Простите, я немного не привыкла к правилам.

— Ничего страшного, — говорю я мягко. — Знаете, думаю, это хорошее начало, не считаете?

— Да, — бормочет девушка. Я слышал, как она собирает свои вещи и открывает дверь, а затем начинает говорить. — Да, думаю, вы правы. Ну, так... Не будет никакого покаяния или что-то в этом роде? Когда я гуглила «исповедь» на прошлой неделе, там говорилось, что в конце должны говорить: «Радуйся, Мария» или что-то такое.

Собравшись, я тоже решил выйти из исповедальни, думая, что будет легче объяснить всю систему покаяния не через эту дурацкую затворку, а глядя в глаза, но затем я замер.

Её голос был сексуальным. Даже её смех был сексуальным. Но никто не идёт ни в какое сравнение с *ней*.

У неё были длинные тёмные волосы, я бы сказал, даже чёрные, и бледная-бледная кожа, подчёркнутая ярко-красной помадой, которой она красилась. Её лицо имело нежные черты: тонкие скулы и большие глаза, что напоминало девушек из глянцевого журналов. Но больше всего меня манили её рот, пухлые губы, которые были слегка приоткрыты. Два передних зуба выделялись немного больше остальных, и это делало её ещё более сексуальной.

И прежде чем смог остановить себя, *я понял, что хочу погрузить свой член в её ротик.*

Я хочу, чтобы этот ротик выкрикивал моё имя.

Я хочу...

Я окинул взглядом церковь, пока в поле моего зрения не попала фигура распятого Иисуса.

«Помоги мне, — молился я мысленно. — Это что, одно из твоих испытаний?»

— Отец Белл? — позвала она.

Я глубоко вздохнул, прошептав про себя ещё одну молитву, и думаю, она не заметила, как взглядом я жадно поглощал её рот... Или что мои брюки в области ширинки заметно натянулись.

— Думаю, нет никакой необходимости в покаянии именно сейчас. Я просто хочу приходить сюда и раскаиваться, рассказывая о своих внутренних переживаниях, можно ведь так?

Её рот изогнула милая улыбка, и мне вдруг захотелось целовать её до тех пор, пока она не станет умолять меня взять её.

«Святое дерьмо, Тайлер. Что за нахрен?»

Истерично произнёс про себя «Радуйся, Мария», пока она поправляла ремень от своей сумочки.

— Возможно, увидимся на следующей неделе?

Дерьмо. Смогу я сделать это снова в течение семи дней? Но затем, вспомнив её слова, полные боли и раскаянья, я снова почувствовал желание утешить её. Мне хотелось подарить ей этот тёплый мир, наполненный надеждой и будущим, я хотел подарить ей полноценную жизнь.

— Конечно. Буду рад увидеться с вами снова, Поппи, — я не хотел произносить её имя, но всё же сделал это. Причём таким голосом, от которого женщины тут же запрыгивают к тебе на колени и просят *большего*.

И её реакция послала пульсации в мой член. Её глаза расширились, после расширились и зрачки, а пульс бился как сумасшедший — это было видно по её венке на шее. Не только моё тело так реагировало: я влиял на неё так же, как и она на меня.

Всё стало ещё хуже, потому что теперь это вопрос времени, когда я сорвусь и разложу её вдоль скамьи, шлёпая прекрасную белую попку. Мысли о её сочной попке заставили мой член дёрнуться, а затем я снова посмотрел на её губы вместо того, чтобы думать о спасении своей души.

Я прочистил горло, три года самоконтроля — вот что действительно удерживало меня от этого:

— И просто знаете...

— Д-да? — спросила она, прикусывая свою нижнюю губу.

— Вы не должны ездить из Канзас-Сити ради того, чтобы исповедоваться. Уверен, есть и другой пастор, который с удовольствием вас выслушает. Мой наставник, Отец Брэйди, очень хорош в этом и живёт недалеко от города.

Она склонила чуть-чуть голову, словно птичка:

— Но я больше не живу в Канзас-Сити. Я живу в Вестоне.

Ну, ещё раз дерьмо.

Вторник. Долбаный вторник.

Я провёл утреннюю мессу, принял двух пожилых женщин и Роуэна, а затем отправился на пробежку, мысленно прокручивая всё, что мне нужно было сделать сегодня, включая информационный пакет для нашей группы, которая хочет отправиться в путешествие следующей весной, и также продумывая свою проповедь на эту неделю.

Вестон — город утёсистых берегов, большую часть которых занимают поля, тянущиеся в сторону реки Миссури, утыканной кучей обрывистых холмов. Бегать по таким само «удовольствие». После первых шести миль я был весь в поту и тяжело дышал, прерывая своим дыханием музыку Бритни Спирс.

Завернув за угол, я вышел на главную улицу и зашагал по городу, видя немного людей, которые изучали антиквариат и художественные магазины, поскольку был будний день. Я увернулся, чтобы не столкнуться с пожилой парой, и направился в сторону отвесной дороги, которая вела вверх. Мои бёдра и мышцы кричали, пот стекал вниз по шее, плечам и спине, мои волосы были мокрыми, и каждый вздох стал болезненным. Утреннее солнце уже начинало сильно припекать, шёл август.

Но мне это нравилось.

Всё остальное отходило на задний план: предстоящий ремонт церкви, проповеди, которые я должен написать, но было одно исключение в виде Поппи Дэнфорс.

Особенно она. Одна мысль об этой прекрасной женщине делала меня твёрдым.

Я ненавидел себя за то, что случилось вчера. Она явно хорошо образованная особа, умная и интересная женщина, и Поппи пришла ко мне, моля о помощи, несмотря на то, что не была католичкой. И вместо того, чтобы помогать ей, я не смог произнести ни одного слова, думая о её рте.

Я был пастором. Присягнул Богу, что больше не прикаснусь ни к чужому телу, ни к своему. Мои мысли были не совсем здоровыми, когда я начинал думать о Поппи.

Я должен быть пастухом, а не волком.

Отнюдь не волком, который просыпается среди ночи, сжав свои бёдра, потому что ему снился весьма эротический сон с Поппи.

Вина охватила меня.

«Я точно попаду в ад, — подумал я про себя. — Нет никакого способа избежать этого греха».

Да, я утопал в вине и на самом деле не знал, как мне контролировать себя в следующий раз, когда её увижу.

Нет, это не совсем правильно. Знаю, что должен... но я не хочу. Не хочу отказываться от её рассказов, от этого нежного голоса, прекрасного тела и того, как она воздействует на меня.

Это была огромная проблема. Закончив со своей пробежкой, я подумал, что было бы неплохо, если по приходу в церковь я смогу увидеть нового прихожанина, который был бы в той же ситуации. Интересно, что бы я ответил ему со стороны того, чего бы хотел Бог.

«Стыд должен преследовать тебя, потому что ты предал Господа.

Признай свой грех перед Богом открыто и честно. Моли о силе и прощении, чтобы он помог тебе перебороть это искушение, если оно возникнет снова.

И наконец, огради себя от этого соблазна».

Церковь находилась всего в нескольких минутах от дома священника. Я уже знаю, что мне нужно сделать. Для начала приму душ, а затем проведу несколько часов в молитвах, прося прощения.

И силу. Да, мне она тоже понадобится.

И в следующий раз, когда придёт Поппи, я скажу ей, что не смогу больше быть её духовным наставником. Эта мысль меня угнетала, но я был пастором уже достаточно долгое время, и кому, как не мне, знать, что иногда стоит пожертвовать чем-то, пока это не зашло слишком далеко.

Я остановился на перекрёстке, ожидая, пока светофор поменяет свой цвет. Ощущение лёгкости накрыло меня, ведь теперь я знаю, что делать дальше. Так будет лучше для меня, я должен это сделать.

— Бритни Спирс значит, да?

Этот голос. Даже если бы я слышал его всего дважды за всю жизнь, то тут же узнал бы.

Это была огромнейшая ошибка, но всё же я повернулся к окликнувшему меня человеку, попутно вытаскивая наушники.

Она тоже на пробежке и, судя по всему, преодолела немалое расстояние, как и я. Она была одета в спортивный бюстгальтер и очень-очень коротенькие шортики для бега, которые еле прикрывали попку. Её тело усыпали капельки пота, губы не были накрашены красной помадой, но мне от этого легче не стало, потому что без неё рот Поппи выглядел ещё более сексуальным. Единственное, что спасало меня от пожирания его взглядом, — это плоский животик и хорошо подкачанные ноги, которые идеально раздвинулись бы передо мной.

Кровь прилила к моему паху.

Поппи улыбалась мне, и тут я вспомнил, что она что-то говорила.

— Прости, что? — мои слова больше походили на шёпот. И от этого я вздрогнул, но она, кажется, не обратила внимания.

— Я просто не знала, что ты фанат Бритни Спирс, — говорит она, указывая на мой iPhone, прикрепленный к бицепсу, а на экране была прекрасно видна строчка с названием

песни. «*Oops... I Did It Again*» (прим.: *Упс... Я снова это сделала*).— Я тоже люблю её песни.

Если бы я не был утомлён бегом и жарой, то залился бы краской. Потянулся за телефоном, пытаюсь незаметно переключить на другую дорожку.

Она засмеялась.

— Всё в порядке. Я просто немного удивлена, увидев, что слушают... Что слушают Божьи мужчины во время пробежки? Хммм? Нет, не отвечай. Пение монахов.

Я сделал шаг в сторону Поппи, и её глаза метнулись к моему прессу, опускаясь к тому месту, где висели мои шорты. Когда она подняла на меня свой взгляд, её улыбка немного поблекла. Я хорошо мог видеть, какими твёрдыми стали её соски.

Закрыв глаза на минутку, пытаюсь успокоить свой чёртов член.

— Или, возможно, это что-то совсем противоположное, типа шведский дэт-метал (прим.: экстремальный поджанр метала) или наподобие этого. Нет? Эстонский метал? Филиппинский?

Я попытался думать о чём-то асексуальном, когда открыл глаза. Вспоминал свою бабулю, покрывало на алтаре, вкус коробочного вина для причастия.

— Не любишь слишком болтливых, я права? — спросила она, и это вывело меня из раздумий. Была ли она безумной? Как можно думать о моей нелюбви к ней, в то время как я стою здесь твёрдый как камень?

— Ты был так мил со мной, когда я пришла к вам в первый раз. Но, чувствую, ты немного отстранился от меня, — она опустила взгляд на свои ноги, совершив движение, которое только подчеркнуло её длинные и густые ресницы.

Боже, даже эти *ресницы* делали меня твёрдым. Наверное, теперь это мой новый объект для пожирания глазами.

— Всё совсем не так, — ответил я, немножко расслабившись, потому что мой голос уже был под контролем. — Я очень благодарен вам, что вы посчитали меня достаточно умелым пастором и снова пришли в мою церковь, — я уже собирался сказать ей, чтобы она начинала искать себе другое место, и предложить ей в этом помощь, но Поппи меня перебила.

— Знаете, я нашла в церкви какое-то умиротворение. И рада, что столкнулась с вами. Но на самом деле я увидела объявление на сайте о приёмных часах и решила попробовать поговорить с кем-то, да и мне очень было интересно, как всё выглядит, и смогу ли я перебороть себя? Я не рассчитывала на исповедь...

Ну, спасибо Богу хоть за это.

— ...не думала рассказывать о чём-то. Я пытаюсь начать всё с чистого листа, но чувство, что чего-то не хватает, преследует меня. Словно я живу не своей жизнью, как-то неправильно, что ли. И я говорю это вам после того, как рассказала, что мне стало... легче дышать. Интересно, какая религия моя... Но, наверное, я просто ещё не поняла, чего хочу от жизни.

Её речь пробудила во мне инстинкт священника. Я сделал глубокий вдох, собираясь рассказать ей кое о чём, что говорил многим людям, но до сих пор произношу эти слова с замиранием сердца, словно всё в первый раз.

— Я верю в Бога, Поппи, но также считаю, что духовность не для всех. Ты сам должен выбирать, чего хочешь от этой жизни, будь то карьера, вечные путешествия, семья или какие-то иные вещи. Но возможно и такое, что вы обнаружите другую религию, которая вам подходит. Не хочу, чтобы вы чувствовали давление и изучали католическую церковь по

какой-то непонятной причине, кроме искреннего интереса или любопытства.

— А что насчёт горячего пастора? Это уважительная причина для посещения церкви?

Ужас, должно быть, отразился на моём лице — в основном потому, что её слова разрушали мой самоконтроль, — но затем она засмеялась. Её смех был приятной мелодией для моих ушей, он словно эхо, знаете, которое можно услышать в танцевальной студии или бассейне в Хэмптоне.

— Расслабься, — говорит она. — Я пошутила. Хочу сказать, да, ты *горяч*, но это не причина, из-за которой я заинтересована. По крайней мере, — она посмотрела на меня, и в этот миг моя кожа начала пылать от возбуждения, — это не единственная причина, — и тогда всё исчезло, а она развернулась и помчалась прочь от меня.

Я был таким идиотом.

ГЛАВА 3.

Я пришёл домой и сразу же принял холодный душ, простояв под водой до тех пор, пока не успокоилась моя эрекция. Хотя, если я снова увижусь с Поппи, она тут же даст о себе знать.

Хорошо, возможно, я не смогу перестать хотеть её, но необходимо проявить хоть чуть-чуть самообладания. Больше никаких фантазий. Больше никаких пробуждений, когда я трахаю свой собственный матрас, мечтая о ней. Наверное, важно говорить ей то, что нужно... Видеть её заблудшим ягнёнком, который ищет своего Бога, а не сексуальной женщиной с красивыми ногами.

О, эти идеальные ноги.

Я натянул брюки поверх боксёров и надел свежую чёрную рубашку, как обычно закатав длинные рукава до локтей, и белый воротник. Не колеблясь, я поправил его, приводя в нужное состояние. Это как напоминание о том, почему я выбрал этот путь и теперь должен отречься от всех земных грехов.

Я делаю это для своего Бога.

Я делаю это для своей церкви.

Я делаю это для своей сестры.

И вот почему Поппи Дэнфорс приводила в замешательство. Я хотел выглядеть сексуальным перед своим собственным прихожанином. Хотел, чтобы церкви снова начали доверять. Хотел стереть следы ужасных людей во имя Бога.

И я также хотел безболезненных воспоминаний о Лиззи, чтобы моё сердце больше не болело и не испытывало вину.

Знаете, что? Я раздувал проблему из ничего. Всё и так шло хорошо. Я пробежался рукой вдоль своих волос, при этом делая глубокий вдох. Одна женщина — не имеет значения, насколько она горячая штучка, — не собирается познавать тайны духовности. Она не разрушит то, что я с таким трудом построил за эти годы.

Я не всегда остаюсь дома по четвергам, ведь мои родители живут в часе езды, но на этой неделе я так устал морально и физически, избегая Поппи каждую утреннюю пробежку в течение последних двух дней, а также принимая холодный душ раз двадцать за день, что

мне было необходимо куда-то выбраться.

Я просто хотел сменить обстановку — без этого воротника — и сыграть в Arkham Knight (прим.: видеоигра в жанре приключенческого боевика, разработанная Rocksteady Studios и выпущенная Warner Bros), поедая пищу, приготовленную моей мамой. Хотел выпить несколько бокалов пива со своим отцом, слушая нытьё моего брата-подростка о том, что очередная девушка отказала ему, оставив во фрэнд-зоне. Я мог хорошо расслабиться, не думая о церкви и Поппи.

Мама и папа никогда не лезли в мою жизнь. С моими другими двумя братьями было то же самое: они жили так, как хотели того сами; но ничто так не создаёт комфорт даже в твоём собственном доме, как выпечка мамы.

После ужина Шон и Эйден уделали мою задницу в последней Call of Duty (прим.: серия компьютерных игр в жанре шутера от первого лица, посвящённых Второй мировой войне, холодной войне, борьбе с терроризмом и гипотетической Третьей мировой войне), пока Райан переписывался с очередной девчонкой по телефону, и в доме до сих пор пахло лазаньей и чесночным хлебом. Фото наблюдающей за нами Лиззи висело над телевизором: милая девушка с красивыми светлыми волосами и широкой улыбкой на лице, которая скрывала всё, о чём мы не знали, пока не стало слишком поздно. Она умерла в 2003 году, навсегда оставшись в наших памяти и сердцах.

Я словно прирос взглядом к этой фотографии, пока Шон и Эйден болтали о своих работах — оба были инвесторами — мама и отец играли в «Крушение Сладкоежки».

«Мне так жаль, Лиз. Прости меня за всё».

Да, я знал, что ничего не мог сделать в тот момент, но в памяти снова и снова всплывают образы её бледного лица, синих губ и красных от разорвавшихся сосудов глаз.

Я просто зашёл в гараж, чтобы найти батарейки для фонарика, а вместо этого обнаружил холодное тело моей единственной сестры.

Низкий голос Шона вывел меня из мрачной задумчивости, а затем я постепенно вернулся к реальности, когда услышал скрип кресла отца и слова Шона:

— ...только по приглашениям, — говорит он. — Уже несколько лет ходят об этом слухи, но я не думал, что это реально, пока не получил письмо.

— Ты собираешься туда пойти? — спросил спокойно Эйден.

— Чёрт, конечно же, собираюсь.

— Пойти куда? — спросил я.

— Тебя это не должно волновать, святоша.

— Тебя приглашают в Чаки Чиз? Оу, я так горжусь тобой.

Шон закатил глаза, в то время как Эйден наклонился вперёд.

— Возможно, Тайлер должен знать об этом. Он, наверное, работает не покладая... рук.

— Это приглашение *только для избранных*, мудак, — отвечает Шон. — Что означает, он не может пойти.

— Эти типа самый лучший в мире стрип-клуб, — продолжал Эйден, оскорблённый комментарием Шона. — Но никто не знает, что это такое, или где оно находится, пока тебя лично не пригласят. Словом, тебя туда не пригласят до тех пор, пока твои доходы не составят несколько миллионов год.

— Тогда почему Шона пригласили? — спрашиваю я. Шон на три года старше меня, у него есть собственная фирма, и он неплохо зарабатывает (чертовски неплохо, с моей точки зрения), но и рядом не стоял с упомянутыми миллионами в год. Ещё нет.

— Потому что — дебил — я знаком с людьми. Связи намного важнее, чем какие-то деньги.

Голос Эйдена прозвучал слишком громко:

— Особенно если ты выбираешь правильную киску...

— *Мальчики*, — предупреждает отец, не отрывая взгляда от своего телефона. — Ваша мать ещё здесь.

— Прости, мам, — говорим мы в один голос.

Она махнула нам рукой. За тридцать с лишним лет, воспитав четырёх мальчиков, мама научилась не обращать внимания на такие казусы.

Райан направился к себе в комнату, бормоча что-то отцу о ключах от машины, в то время как Шон с Эйденем сдвинулись ещё ближе.

— Я собираюсь туда пойти на следующей неделе, — осведомляет он. — Обещаю тебе всё рассказать.

Эйден, который моложе меня на два года и ещё новичок в бизнесе, вздохнул:

— Я хочу стать тобой, когда немного подрасту.

— Лучше я, чем мистер Безбрачие. Скажи мне, Тайлер, у тебя ещё не болит правое запястье?

Я кинул в него подушку:

— Ты хочешь мне помочь в этом?

Шон с лёгкостью уклонился от неё.

— Назначь время, сладкий. Я бы мог тебе подогнуть немножко масла или смазки, будет не так болезненно это делать.

Я зарычал:

— Идите к чёрту.

— Тайлер! — крикнул отец. — Не говори такого своим братьям, — он всё так же пялился в свой телефон.

— Что толку от всех этих одиноких ночей, если ты не можешь никого трахнуть? — говорит Эйден, беря в руки пульт.

— Знаешь, Тинкер Белл, я *должен* найти способ, чтобы взять тебя с собой в клуб. Ведь в этом же нет ничего плохого, если ты просто посмотришь, но не будешь что-либо заказывать, правильно?

— Шон, я не пойду в стрип-клуб с тобой. Не имеет значения, насколько это будет весело.

— *Ладно*. Думаю, ты и плакат твоего Августина сможете вместе провести одинокую ночь пятницы. Снова.

Я кинул в него ещё одну подушку.

Мои занятые братья уехали около десяти в свои супермодные дома, а Райан всё ещё продолжал клянуть машину. Отец задремал в кресле, в то время как я растянулся на диване, смотря Джимми Фэллона и думая о том, что в следующем месяце в школе было бы неплохо показать мультики для детей-первогодок, когда услышал шум на кухне.

Я нахмурился. Мои Бизнес-Братья (прим.: в оригинале *The Business Brothers*) и , (включая Райана) перемыли всю посуду после ужина, чтобы этого не пришлось делать маме. Но когда я вошёл туда, чтобы спросить, не нужна ли ей помощь, то увидел, как она трёт свирепыми кругами нержавеющей сталь раковины, словно у неё было помутнение.

— Мам?

Она резко повернулась, и я с уверенностью мог сказать, что моя мама плачет. Она улыбнулась мне, а затем перекрыла воду, попутно вытирая слезы.

— Прости, милый. Просто прибиралась.

Это из-за Лиззи. Я знал. Такое происходило каждый раз, когда всё семейство Белл собиралось вместе. В такие моменты я замечал, как задерживался её взгляд на фото сестры, затем она просто уходила на кухню и зарывалась в гору грязной посуды.

Смерть Лиззи чуть не убила меня. Но это *убило* маму. Каждый день после она старалась показывать нам свою весёлую сторону, шутя и улыбаясь, но все мы прекрасно понимали, что часть её души умерла вместе с дочерью, которая наложила на себя руки, а затем эта история стала ещё более публичной.

Иногда я чувствую себя так, словно выбрал не тот путь. Но кто знает это лучше, если не я?

Притянув маму в свои объятия, я обхватил её лицо своими руками.

— Она теперь с Богом, — пробубнил я, наполовину священник, наполовину сын, так как эти две части одного целого теперь живут во мне. — Господь присмотрит за ней, обещаю.

— Я знаю, — всхлипнула она. — Знаю. Но иногда задаюсь вопросом...

Я прекрасно знал, о чём она говорит. Мне тоже этого хотелось: в те времена, сосредоточившись только на себе, я пропустил знаки, просто не заметил того, как она хотела рассказать мне о чём-то важном, что происходило в её жизни, чуть позднее наступила полная тишина.

— Думаю, теперь нет какого-либо способа, чтобы узнать, — сказал я тихо. — Но ты не должна переносить эту боль в одиночку. Я хочу, чтобы ты была в порядке. Знаю, что и отец этого хочет.

Она кивнула, и мы простояли в объятиях друг друга ещё долгое время, думая о тех двенадцати годах, которые привели нас к кладбищу.

Я всё раздумывал, пока ехал домой и слушал песни Бритни Спирс, о том, какая была связь между клубом Шона и той исповедью Поппи. Кажется, она упоминала о месте, которое многие люди относили к греховным. Может ли это быть на самом деле так?

Ревность накрыла меня, но я отказывался её признавать, сжимая челюсти, и начал ехать быстрее. Меня совсем не заботило, что Шон увидит клуб, где, возможно, Поппи продавала своё тело. Нет, меня это не должно волновать.

И желание найти её и пригласить завтра к себе в офис, чтобы поговорить, было слишком велико. Но я успокаивал себя тем, что волновался за неё. Я хотел помочь ей обрести покой и равновесие, потому что чувствовал, какой она была сломленной, но не разрушенной, ещё нет. Ведь человек не может просто так прийти на исповедь и начать плакать... Ну, никто не должен испытывать боль в одиночку.

Особенно кто-то такой же сексуальный, как Поппи.

«Прекращай это».

Найти Поппи не было таким уж сложным заданием. На самом деле я вообще ничего для этого не сделал, просто бежал трусцой мимо старого сарая и как раз заворачивал за угол, когда столкнулся с ней. Она споткнулась и чуть не упала, но мне удалось её поймать, прижав

к груди.

— Дерьмо, — вскрикнул я, что аж зазвенело в ушах. — Прости! Ты в порядке?

Она кивнула, поднимая голову вверх, и улыбнулась мне, показывая свои ямочки. Вид был просто прекрасным с этими сексуальными соблазняющими губами и блеском пота, охватившего её лицо. А затем до нас внезапно дошло, в каком положении мы находимся: я всё ещё держал Поппи в своих руках. Она была одета в свой топ, а я бегал с голым торсом. Я убрал свои руки в миг, когда почувствовал её сиськи, упирающиеся в мою грудь.

«На будущее: больше так не касайся её», — сказал я себе. И ещё я сразу приму после всего этого холодный душ.

Как бы невинным жестом она положила руку на мою грудь и мило мне улыбнулась.

— Я бы упала, но ты меня спас.

— Если бы не я, ты не подверглась бы такому риску.

— И всё же я бы не стала ничего менять, — её прикосновение, слова... Она что, *флиртует*? Но затем её улыбка стала ещё шире, и я понял, что она дразнилась, как делают девочки со своими друзьями-геями. Вот кем она меня считает, ну да, а почему бы и нет? Я был недотрогой, человеком, давшим обет Богу заботиться о своей пастве. Конечно, она может продолжать дразнить меня, ведь не ей суждено нести эту тяжкую ношу. Откуда она могла знать, как её слова действуют на меня? Как могла узнать, что её рука обжигала мою грудь?

Её ореховые глаза смотрели в мои: зелёные и коричневые — любопытство и понимание; зелёные и коричневые, отражающие печаль и смятение, вот что вы бы увидели, если долго вглядывались бы в них. Как я узнал это? Потому что сам был в таком состоянии, когда погибла Лиззи, но только в случае с Поппи был обратный эффект: человеком, по которому она горюет и которого потеряла, была она сама.

«Как же мне хочется помочь этой женщине», — молился я про себя. — *Позволь мне ей помочь»*.

— Рад тебя снова видеть, — отвечаю я, выпрямившись, и она тут же убирает свою руку с моей кожи. — Ты говорила ранее, что хотела бы встретиться?

Она кивает:

— Хотела. То есть хочу.

— Как насчёт моего офиса, скажем, через полчаса?

Она радостно улыбнулась:

— Увидимся там, Святой Отец.

Я старался не смотреть ей вслед, серьёзно старался, но всё же посмотрел, долго смотрел, и какой же она была сексуальной. Её попа так прекрасно тряслась в то время, пока она бежала.

Да, несомненно, холодный душ.

ГЛАВА 4.

Спустя полчаса я вернулся в своей прежней форме: чёрные брюки, пояс от Armani (переданный мне по наследству одним из Бизнес-Братьев), чёрная рубашка с длинными рукавами, закатанными до локтей. И мой воротник, конечно. Со стены офиса на меня сурово

смотрел Святой Августин, напоминая о том, что я здесь только ради того, чтобы помочь Поппи, а не пускать слюнки от её коротенького топа и этих соблазнительных шортиков для бега. И я хотел ей помочь. Вспомнил её плачущей в исповедальни, и мою грудь сдавила боль.

Я помогу ей, даже если меня это убьёт.

Поппи прибыла на одну минуту раньше ожидаемого, она была пунктуальна. Мне было приятно увидеть её стоящей в дверях, ведь я не любил, когда люди опаздывали. Уже три года я просыпался в семь утра, но, конечно, это ещё не значит, что я стал ранней пташкой. Месса обычно начиналась в 8:10, а не ровно в восемь.

— Привет, — сказала она, в то время как я указал ей на кресло, стоящее рядом с моим.

Я выбрал два мягких кресла в углу своего офиса, ненавидя разговаривать с людьми сидя за рабочим столом, так как это напоминало мне о средней школе. И находясь рядом с Поппи, я хотел иметь возможность успокоить её, прикоснуться, если потребуется, показать ей, что церковь может помочь.

Она опустилась в кресло в той изящной манере, что так чертовски завораживала... Словно ты смотрел на то, как балерина надевает свои пуанты или гейша наливает чай. На её губах снова сияла красная помада, на талии были шорты с высокой посадкой, а на шее виднелся красивый бантик, хорошо сочетавшийся с блузкой, — её стиль одежды скорее говорил о том, что она собралась к субботнему круизу на яхте, нежели к встрече в моём тусклом офисе. Но её волосы всё ещё были влажными, а на щёчках виднелся румянец, отчего я ощутил, как мой член тут же напрягся от этого вида, что было не очень хорошо. Мне необходимо успокоиться.

— Спасибо, что согласился встретиться со мной, — сказала она, закинув ногу на ногу и положив свою сумочку на них. Это была не совсем сумочка, ведь она больше напоминала сумку для ноутбука, и в ней было полно папок. — Я много думала насчёт этого, а так как раньше не была сильно религиозной, и часть меня всё ещё противится этому...

— Не думай обо всех этих религиозных штучках, — посоветовал я. — Я здесь не для того, чтобы поучать тебя. Почему бы нам просто не поговорить? Возможно, ты захочешь присоединиться к какому-то виду мероприятий или группе, если, конечно, будешь нуждаться в этом.

— А если я не захочу? Ты будешь относиться ко мне как к методисту?

— Никогда бы так не поступил, — сказал я с притворной серьёзностью. — Я всегда ссылаюсь на лютеран.

Это принесло мне ещё одну улыбку.

— Так как ты оказалась в Канзас-Сити?

Она колебалась.

— Это долгая история.

Я откинулся на спинку кресла, показывая всем своим видом, что готов слушать.

— У меня полно времени.

— Но это скучно, — начала отнекиваться она.

— Каждый мой день — это практика с библейскими законами, которые датируются Средневековьем. Поверь мне, я знаю, что такое скука.

— Ладно, ну, даже не знаю, наверное, следует рассказывать с самого начала, да? — она пробежалась взглядом по стенам, а затем по книгам, и как всегда от волнения закусывала нижнюю губу, когда пыталась начать свою историю. — Я не твоя типичная беглянка, — сказала она спустя минуту. — Я не сбегала через окно, когда мне было шестнадцать, и не

воровала автомобиль отца, чтобы уехать к океану. На самом деле я была послушной дочерью-любимчиком своего отца вплоть до того, как получила диплом магистра экономики управления (прим.: МВА) на сцене Дартмутского колледжа. Я была той дочерью, которой гордятся родители... Пока не увидела, кем являлась для них на самом деле... Просто ценным вкладом, ещё одна папка, как лежащие в этом портфеле. *«Вот она, наша юная леди, — я мог представить, как они говорят это семье рядом с ними. — Окончила колледж с отличием и, знаете, училась в лучших школах. Провела три последних лета волонтером на Гаити. Она бы могла танцевать в Джуллиарде, но вместо этого предпочла продолжить своё дело, какая рассудительная девочка».*

— Ты была волонтером на Гаити? — перебил я.

Она кивнула.

— Программа называлась Дом рождения. Это место для деревенских матерей Гаити, которые получали бесплатный уход, пока были беременны, они также могли там родить. Это единственное их спасение, и мне впервые, за исключением летнего дома в Марселе, пригодилось моё знание языка, не зря же я училась во французской школе-интернате.

Дартмут. Марсель. Школа-интернат. Я предполагал, что Поппи из знатной семьи с неким богатством и привилегиями за спиной, но теперь мог точно видеть, сколько в ней привилегий и сколько богатства. Изучал её лицо. На нём разрасталась уверенность, было что-то даже старомодное в склонности к этикету и вежливости, но при этом никакой вычурности, никакой элитарности.

— Тебе нравилось там работать?

Её лицо тут же ожило.

— Конечно! Это прекрасное место с замечательными людьми. В моё последнее лето я помогла родиться семи младенцам. Двое из них близнецы... Они были такими крохами, после акушерка сказала мне, что если бы их мать не пришла сюда, то, вероятнее всего, они бы погибли. Я даже помогала этой женщине выбрать имена для её сыновей, — она немного засмушалась, и я понял, что это был первый раз, когда ей удалось поделиться с кем-то этой радостью. — Я так скучаю по этому.

Я ухмыльнулся ей. Это вышло как-то произвольно, ведь ещё никогда я не видел такой светлой радости на чьём-то лице из-за помощи нуждающимся людям.

— Идея моей семьи заключалась в том, чтобы помогать людям, но она использовалась в политических целях, — сказала Поппи, копируя мою улыбку, но получилось у неё не очень натурально. — И ещё они любили делать пожертвования для животных, таким образом имея возможность фотографироваться с гигантскими чеками. А затем, идя по улице, проходили мимо бездомных. Это стыдно.

— Это общепринято.

Она покачала своей головой.

— Но так не должно быть. Я, по крайней мере, отказалась от такой жизни.

Повезло ей. Я тоже отказался, хоть и вырос в семье верующих и добрых людей. Для меня это было легко сделать, но не думаю, что для неё так же. Я хотел узнать о ней побольше, о той жизни, которую она вела на Гаити, представить, как она помогает всем людям, находясь здесь, в церкви Святой Маргариты. Нам *нужны* такие люди, которые смогут отдать своё время другим, подарить им частичку своей заботы, а не только деньги. По факту, я чуть не сказал это вслух. Чуть не упал перед ней на колени, умоляя, чтобы она помогла нам с готовкой еды или панкейков на завтрак, потому что на самом деле нам не

хватает людей (таких же отзывчивых и добрых); я хотел занять её всем, потому что мне необходимо видеть Поппи везде.

Но, с другой стороны, это не было лучшей идеей. Поэтому я сменил тему:

— Итак, ты окончила колледж...

— Колледж. Точно. И я поняла, глядя на своих родителей, что я — это всё, о чём они мечтали. Они очень для этого старались. Я была одета с иголки, словно какая-то кукла, полный пакет: наманикюренная, холёная, дорогая упаковка.

Она была всем этим. Поппи действительно представляла собой эти вложения... Но под ними скрывалось гораздо больше. Грязная и пылкая, незрелая и творческая: циклон, спрятанный в яичную скорлупу. Неудивительно, что оболочка дала трещину.

— Моя жизнь была очень красочной: много красивых машин, много номеров отелей, слишком много сборов средств и вечеринок. Жизнь, predetermined наперёд, ведь мне предстоял выбор между двумя богатыми детьми коллег моих родителей, которые тоже окончили Дартмут и уже были готовы жениться и заделать ещё богатых детишек. Мне было суждено работать где-нибудь в офисе и водить Мерседес S-класса до тех пор, пока я не выйду замуж, а затем уволюсь и начну заниматься благотворительностью, пока, конечно же, не рожу двух младенцев, чтобы повесить наше счастливое семейное фото в рамочку, — она опустила свой взгляд на руки. — Это всё звучит смешно. Словно я героиня романов Эдит Уортон (прим.: американская писательница и дизайнер, первая женщина-лауреат Пулитцеровской премии.) или что-то в этом роде.

— Это не звучит так, — успокаиваю я её. — Я знаю тип людей, о которых ты говоришь, — и на самом деле знал, но не стал об этом рассказывать ей. Я вырос в довольно хорошем районе, и — не в таких масштабах — так же было с работой. Семьи с их красивыми домами и замечательными пятью детьми, они имели очень хороший заработок, висели на доске почёта, играли в лакросс, чтобы уверить всех, что их отпрыски самые успешные и здоровые среди остальных детей Среднего Запада.

— Я сбежала от той жизни, — сказала она. — Жизни Уортон. Я не хотела такой жизни. *Я не могла.*

Конечно же, не могла. Она была настолько выше этой жизни. Может ли она увидеть это в себе? Может ли почувствовать, даже не видя этого? Потому что я едва её знал, но даже это мне не помешало, чтобы увидеть, насколько она была замечательной и доброй женщиной, которая не может жить без смысла. Она бы просто не нашла этого, оставшись на сцене Дартмута.

— Моё сердце было разбито после Стерлинга, да, — продолжила она, всё ещё разглядывая свои руки, — но также я горевала над тем... Какой была тогда, а затем решила, что с меня хватит. Я взяла фальшивый диплом, который они тебе дают, пока не отправят настоящий, и ушла со сцены, а потом из кампуса, пропустив необходимое подбрасывание шапочек, фотографирование и очень дорогой обед со своими родителями. Затем отправилась в свою квартиру, оставила на голосовой почте отца сообщение, сложила вещи в машину и уехала. Не будет больше никакой стажировки. Нет больше карточки, на которой всегда лежат десять тысяч долларов. Нет больше свиданий с мужчинами, которые не были Стерлингом. Я оставила ту жизнь вместе со всеми кредитными карточками отца. Отказалась от своего трастового фонда, потому что решила зарабатывать сама.

— Это смелый поступок, — прокомментировал я. Кто был этот Стерлинг, о котором она упоминала? Её бывший парень? Большая любовь? Он должен быть полным идиотом, раз

оставил Поппи.

— Смелый или глупый, — засмеялась она. — Я отказалась от целой жизни образования, очень дорогого образования. Полагаю, мои родители были в шоке от такого поступка.

— Ты полагаешь?

Она вздохнула:

— Я никогда после этого с ними не разговаривала. До сих пор не могу. Прошло уже три года, но я знаю, что они всё ещё в ярости...

— Ну, ты не знаешь этого наверняка.

— Ты не понимаешь, — ответила она, её слова были резки, но тон был дружелюбный. — Ради всего святого, ты *пастор*. Держу пари, твои родители были в восторге, когда ты рассказал им об этом.

Я упёр свой взгляд в пол.

— Вообще-то моя мама плакала после того, как я ей рассказал, а отец не разговаривал со мной шесть месяцев. Они даже не пришли на моё рукоположение (прим.: в общехристианском использовании — посвящение человека, наделяющее его дарами и правом совершать таинства и обряды), — мне не хотелось об этом вспоминать.

Когда я осмелился посмотреть на неё, то увидел, как её губы сжались в тонкую линию.

— Это ужасно. Звучит так, словно они подражают моим родителям.

— Моя сестра... — тут же себя одёрнул. Я много раз говорил о Лиззи в проповедях, в небольших группах, на консультациях. Но почему-то рассказывать Поппи о её смерти казалось более интимным, чем я предполагал. — Она терпела домогательства нашего местного священника в течение многих лет. Мы никогда даже не догадывались, не подозревали...

Поппи положила свою руку на мою. Ирония её утешения была в том, что я воспринимаю это не так, как нужно, но всё же мне было хорошо от такого прикосновения. Это чувствовалось хорошо. Ведь тогда не было никого, кто бы мог меня утешить в тот ужасный день; мы все горевали поодиночке. Не было никого, кто бы мог просто *выслушать* мои страдания. Мне *необходимо* это и сейчас.

— Она совершила самоубийство, когда ей было девятнадцать, — продолжил я, когда Поппи сжала мою руку ещё сильнее и не отпускала её, пока говорил. — Она оставила записку, в которой говорилось о других детях, которым он причинил боль. Мы остановили его, он был передан суду и приговорён к десяти годам лишения свободы.

Я тяжело вздохнул, сделав паузу на мгновение, потому что невозможно было не почувствовать этих двух драконов злости внутри меня, будоражащих кровь. Моя ярость была настолько глубока, когда я вспоминал об этом человеке, что был готов пойти на убийство; независимо от того, сколько бы раз я ни молился, таким образом спасая себя от ненависти, сколько бы раз ни заставлял себя повторять, представляя его лицо, что «*я прощаю тебя, я прощаю тебя*», гнев никуда не уходил. Боль оставалась.

Всё-таки после того, как я смог взять себя в руки, продолжил рассказ:

— Другие семьи в приходе (точно не знаю, то ли они не могли в это поверить, то ли настолько доверяли ему) винили Лиззи в том, что она была жертвой, что ей хватило наглости оставить записку с подробностями того, что случилось, и с кем случилось. Нас проигнорировали другие священники, они не захотели быть на погребении моей сестры, потому что считали её ненормальной. Вся моя семья после этого перестала ходить в церковь, а мой отец и братья потеряли веру в Бога. Только моя мама всё ещё верит, но она

никогда не вернётся. Иногда она даже приходит сюда навестить меня, но после похорон Лиз мама больше не была в церкви.

— Но ты ведь здесь, — обратила внимание Поппи. — Ты продолжаешь верить.

Её рука так и осталась лежать на моей. От этого жеста воздух в офисе словно стал теплее.

— Не верил в него в течение долгого времени, — признался я.

Мы сидели так долгое время, вспоминая о мёртвой девочке, неодобрении родителей и о трагедиях, которые пахли словно старые листья в лесу.

— Ну, — начала она, — полагаю, ты знаешь, что это такое, когда твои родители не одобряют что-то.

Мне удалось выдавить улыбку, когда она убрала свою руку.

— Что ты делала после того, как оставила Дартмут? — спросил я, пытаясь сменить тему на что-то другое, где не будет Лиззи, боли и её смерти.

— Ну, — сказала она, ёрзая в кресле. — Много. Дело в том, что я бы сумела найти хорошую работу в экономической сфере, использовав свой диплом МВА, но как я могла быть уверена, что они хотели множество моих стажировок высшего качества и мою дорогую степень, а не Дэнфорс в своём офисе? После проведённых шести месяцев в Нью-Йоркском офисе, чувствуя, как меня преследует «ДЭНФОРС», я всё оставила и поехала в Нью Гемпшир, больше мне не хотелось никуда бежать. Вот так я оказалась в Канзас-Сити.

Она тяжело вздохнула. Я ждал.

— Никогда не рассчитывала, что пойду в клуб, — сказала она наконец-то, её голос стал на октаву ниже. — Думала, что буду делать какую-то небольшую некоммерческую работу, или, возможно, принимать заказы. Но я услышала от бармена, что есть такой частный клуб, куда может попасть не каждый. И они ищут девушек. Девушек, которые выглядят дорого.

— Как ты?

Поппи не обиделась. Она, наоборот, засмеялась, от её хриплого смеха у меня каждый раз сводило живот, вот что это со мной делала.

— Ага, как я. Девушек-куколок. Всё, как любят богатенькие. И знаешь, что? Это было идеально. Мне нужно было танцевать — я ещё нигде так не танцевала. Это казалось довольно-таки милым местом. Платили пятьсот долларов за публичный танец. Семьсот пятьдесят стоил танец у столика, частный танец — тысяча долларов. Никаких касаний. Ты можешь заказать максимум два напитка. Облуживание было для особенной клиентуры, и всё это делалось для тех мужчин, один из которых мог бы жениться на мне, а я была бы как домашняя зверушка, ожидающая его дома. Нет уж, увольте. Мне безумно нравилось то, чем я занималась.

— Тебе это нравилось?

«Плохая девочка».

Мысль пришла из ниоткуда, снова и снова проигрывая слова в моей голове. *«Грязная, плохая девочка».*

Она повернулась, её карие глаза встретились с моими.

— Это ошибка? Грех? Нет, не отвечайте, на самом деле мне не нужно знать.

— Почему тебе это нравилось? — я спрашивал из любопытства, конечно же. — Если не хочешь, не отвечай.

— Почему не отвечать? Я отвечу, раз уж ты спросил, — она поправила шорты на своих сильных ногах. Ноги танцовщицы, теперь я знал. — Мне нравились ощущения. Мужчины

часами могли смотреть на меня, не отрывая глаз... Их не волновали моё образование, моя родословная или положение моей семьи. Но ещё нравилось то, как они реагировали на моё тело. Мне нравилось, какими твёрдыми они становились.

«Мне нравилось, какими твёрдыми они становились».

Я чуть не задохнулся, мой мозг разделился на две части: в одной говорилось, что нужно сострадать и сочувствовать, а в другой вопили о том, что необходимо показать ей, насколько был твёрд я.

Она не обратила внимания на мою внутреннюю борьбу.

— Мне нравилось то, с какой дикостью эти мужчины хотели ко мне прикоснуться, с какой дикостью готовы были заплатить мне любые деньги, чтобы я только поехала домой с одним из них, покинула клуб и стала их любовницей. Но я никогда не велась на это. Хотя многие из них были красивыми, но меня не интересовали деньги. Что-то такое есть в моём характере, что-то, что не могло позволить принимать все эти предложения. Разве это не смешно? Стриптизёрша, пытающаяся сохранить свою добродетель? — не ожидая ответа, она продолжила. — Самое печальное было то, что я чертовски изголодалась по сексу, но продолжала отклонять все предложения. Уверена, тебе известно это чувство, Святой Отец, словно малейшего ветерка достаточно, чтобы довести тебя до грани, твоя кожа сама по себе воспламеняется.

Боже, я прекрасно знал это ощущение. Прямо сейчас испытываю его. Я слабо ей улыбаюсь, и она делает то же самое в ответ.

— Я так возбуждалась, Отец Белл. Просто текла от вида того, как мужчины поглаживали себя через ткань их брюк. В комнате для приватного танца я оттягивала стринги в сторону, позволяя им смотреть на то, как я мастурбирую, а затем как кончаю.

И тут я понял, что сжимаю подлокотники кресла, пытаюсь в своей голове избавиться от картинок наполовину оголённой Поппи, но я не мог, а она всё продолжала рассказывать, не замечая моего дискомфорта, так невинно, ошибочно полагая, что я именно тот советчик, а не двадцатидевятилетний мужчина.

— Но на этом я не остановилась, — говорит она. — Я хотела быть *оттраханной*, оттраханной и использованной. Мне хотелось ощутить чей-то член, хотелось чувствовать пальцы в моём рту и моей киске. В моей попке, — она глубоко вздохнула.

Я, с другой стороны, не мог дышать.

— Как называется этот грех? Я знаю только одно ему название. Это похоть... Или, возможно, что-то ещё хуже? Какие молитвы я должна читать? И почему не чувствую, что это плохо и что мне, наоборот, хочется делать это ещё больше? Только теперь, после случившегося в прошлом месяце, мне наконец-то понятно значение этого. Я чувствую одиночество, и мне хочется трахаться. И каков в этом смысл, если я больше ничего не хочу от этой жизни?

Несмотря на всё, мне хотелось ответить на её последний вопрос и пояснить, почему она на самом деле сидит здесь, в моём офисе. Хотелось взять её за руку и подарить мягкие намёки на здравый смысл, но чёрт, я сейчас был совсем не мягким.

Её слова.

Её чёртовы слова.

Мне было достаточно послушать только об одной её работе в клубе, но затем она начала рассказывать о себе, о своём оргазме, и я представил себя одним из тех богатеньких бизнесменов с толстым бумажником, который смотрит на её влагилице и получает от этого

неимоверное удовольствие. Бьюсь об заклад, что мог бы увидеть её киску прямо сейчас, если бы захотел. Стоило мне только прижать Поппи к стене и сдёрнуть с неё эти шортики, а затем раздвинуть её ноги так, чтобы она была незащищённой передо мной...

Я больше не мог терпеть ни минуты.

Но словно сам Бог вмешался, услышав мою невысказанную молитву, так как в этот момент у неё зазвонил телефон, и она деловито достала его из сумочки.

— Мне так жаль, — прошептала она одними губами, ответив на звонок.

Я показал ей жестом, что всё в порядке, но проблемой было то, как встать и не показать ей своё возбуждение.

Она быстро завершила вызов.

— Прости, — извинилась она снова. — Некоторые материалы по работе пришли и...

Я пожал плечами.

— Не волнуйся насчёт этого. У меня скоро встреча с приходом, — это была ложь. Единственная встреча, которая произойдёт, — встреча моей руки с членом. Но, наверное, об этом не стоило ей рассказывать. (Я сделал заметку попросить прощения за эту ложь, а также за то, что собираюсь сделать).

— Ох, надеюсь, скоро увидимся.

Она улыбнулась мне, закинув сумку на плечо.

— И я. До свидания, Отец.

Я не мог дождаться, когда Поппи выйдет из церкви. Как только убедился, что она за её пределами, я сразу заперся в своём офисе и в то же время возился со своим ремнём, быстро добравшись до стула за своим столом.

Не было времени думать о чувстве вины, молитвах или о чём-то таком. Я даже не стянул полностью брюки, просто достал свой член и принялся жёстко дрочить.

Я пытался представить кого-то — кого-то другого — не женщину, после которой буду вымалывать у Бога прощение. Но мои мысли возвращались к ней, представляя её в том клубе: как она бы танцевала только для меня, мастурбировала только для меня, а я бы в это время сидел и наслаждался этим шоу.

Иисус, помоги мне.

Такое ощущение, что всё здание давило на меня, а я дрочил, желая засовывать свой член в Поппи Дэнфорс — в её рот, киску, задницу, всё равно куда — затем представил, как каждая капля изливается на её бледную кожу.

Моя рука замерла, дыхание замедлилось, и обрушилась реальность. Я всё ещё здесь, с членом в руке, сперма залила мой литургический календарь, а со стены Святой Августин с упрёком смотрит на меня.

Дерьмо.

Дерьмо.

Застегнув свои брюки, сорвал первый лист календаря и отбросил его куда подальше, бумага приземлилась, создавая при этом громкий звук, и чёрт, какого я это сделал?

Я сидел на стуле, смотря на Святого Августина.

— Не притворяйся, что не знаешь, что это такое, — пробубнил я. Уперев локтями в стол, спрятал своё лицо в ладонях, надавив на глаза.

Поппи Дэнфорс не собирается куда-либо уходить. Она теперь живёт здесь. И вернётся снова, и я не сомневаюсь, что мы только слегка поцарапали её «плотские» признания. И я должен слушать её не как подросток с разыгравшимися гормонами. Я бы даже мог проявить

сочувствие, если бы не мысли о несовершенных зубах в её рте.

За моими веками уже танцевали звёзды, но я не убирал руки. Мне не хотелось смотреть в лицо Святому Августину или прямо сейчас быть священником. Я не хочу снова срывать листы календаря и выбрасывать их в мусорную корзину.

Мне хотелось помолиться в полной темноте. Мне хотелось, чтобы ничего не стояло между мной и Богом, включая эту женщину и мою профессию. Я хотел, чтобы всё было нормально, но мой грех не позволял этому случиться.

«Мне жаль, — молился я. — Мне так жаль.»

Мне жаль, что я подвёл тебя, Бог. Мне жаль, что я осквернил святость этого места и дал похоти овладеть мной в то время, когда кто-то ищет моей помощи как пастора. Прости, что не могу себя достаточно контролировать, ведь холодный душ и пробежка временная помощь, но только эти трюки я узнал за последние три года, чтобы заглушить свои плотские желания.

А ещё...

А ещё прости меня за то, что я не сожалею.

Чёрт, я совсем не сожалею.

ГЛАВА 5.

— И тут я подумала, разве священники не пьют только вино для причастия.

Я поворачиваю голову и вижу Поппи, стоящую перед моим столом. Находясь в небольшой кофейне через дорогу от церкви, я пытался разобраться во всех этих бюджетных штуках и потерпел неудачу, в основном ничего не выполнив, за исключением проверки форумов *«Ходячих мертвецов»* и нанесения огромного урона запасам кофе.

Мне бы хотелось ответить на остроумное приветствие Поппи, но она была одета в платье — кремовая винтажная штучка с рукавами три четверти и юбкой до середины бёдер — в то время как оно не было открытым или особенно обтягивающим, это платье невинно подчёркивало её изгибы и талию, а также полную грудь. Она была настолько близко, что я мог протянуть руку и прикоснуться к её бёдрам, а затем вплотную подтолкнуть к себе, чтобы нагнуть через стол, задрать юбку и похоронить своё лицо между её ножками.

(Но как вы знаете, в последний раз, когда видел её, это закончилось тем, что я кончил на стол в своём офисе.)

К счастью, она села на стул напротив и этим спасла меня от нарушения моих обетов прямо в кафе.

— Над чем работаешь? — спрашивает Поппи, кивая в сторону ноутбука.

Я тихо вздыхаю, мысленно *благодаря Бога*, что она не обратила никакого внимания на моё молчание, а затем снова говорю спасибо за безопасную тему о бюджетных таблицах.

— Мы работаем над сбором денег на ремонт церкви, — отвечаю ей. — И у нас уже было несколько заявок на получение работы, это лишь вопрос о выделении средств в правильные места после того, как мы удовлетворим наши первоначальные задачи.

— Могу я посмотреть? — спрашивает она, беря в руки мой ноутбук.

Я не успеваю кивнуть, как она уже смотрит мои документы. Небольшая улыбка появляется на её губах, делая Поппи сексуальной, умной и в то же самое время озорной.

— Куда ты пошёл учиться после школы, Отец Белл? — спрашивает она, продолжая смотреть на экран и кликать мышкой каждые несколько секунд.

— Перед магистром богословия? Классические языки. *Si vis amari, ama* (прим.: Если хочешь быть любимым, люби).

— Предполагаю, на занятиях латинского языка они не особо научили тебя формулам электронных таблиц.

— Я обычно был занят изучением другого рода таблиц, — говорю я немного резче, чем было нужно. Словно предупреждая её.

Нет. Словно *обещая*.

Она вздохнула и посмотрела на меня, встречаясь своими ореховыми глазами с моими.

Чёрт, да что со мной не так? Почему я не могу вести себя с ней нормально и не думать постоянно о сексе?

— Ты говорил о формулах?

— Эм, точно, — её глаза снова метнулись к экрану, и она сглотнула. Её гладкое горло пришло в движение, и я так захотел, чтобы оно выгнулось мне навстречу.

Я желал, чтобы всё её тело выгнулось мне навстречу.

— Разве у церкви нет программы по ведению бухгалтерского учёта? — уточняет она, останавливаясь, чтобы исправить ряд данных, которые я случайно скопировал.

— Да, наш офис-менеджер обычно это делает, но я не знаю, как её использовать.

— Таким образом, ты можешь процитировать Сенеку, но не работать в программе Quicken.

— Ты знаешь, кто такой Сенека? — улыбнулся я. Не встречал много таких людей, которые знали, кем был Сенека, и ещё меньше тех, кто узнал цитату из его писем.

— Мои родители платили достаточно денег за многие бесполезные вещи.

— Ты считаешь это бесполезным? *Non scholae sed vitae. Не для школы, а для жизни мы учимся.*

— Но что насчёт *si vis amari, ama*? Если хочешь быть любимым, люби? Я попробовала однажды. Это не сработало так хорошо, — её тон был жёстким.

Я положил руку на её запястье. Это был просто инстинкт, чтобы утешить, но я даже и подумать не смел, что моё тёплое прикосновение пошлёт мурашки по её руке. И не догадывался, что её тонкие запястья такие идеальные, наверное, Бог сотворил их, чтобы держать так, как я сейчас.

Я должен отпустить её. Должен извиниться.

Но не могу. И не могу перестать говорить.

— Возможно, ты полюбила не того человека.

Потому что, кто бы не желал это изысканное творение? Эту образованную, сексуальную женщину, в которой также присутствуют интеллект и чувственность? И эта женщина с бледной кожей и красными губами, а также с мозгами для работы в финансовых империях?

Она поймала мой взгляд снова.

— Возможно, ты прав, — прошептала Поппи.

Так мы и сидели: она смотрела в мои глаза, а я держал её за руку; затем — *возможно, я на какое-то мгновение забылся* — медленно пробежался пальцами по её запястью так, чтобы никто не смог увидеть этого, но она определённо почувствовала, потому что томно вздохнула.

Чёрт, она была настолько мягкой, а её кожа казалась такой шелковистой. Мне хотелось поцеловать каждый участок на ней, прижаться губами к её пульсу, связать ей руки. А затем всё исчезло, когда я услышал шипение кофемашины, которая и привела меня в

чувство.

Что, чёрт бы меня побрал, я делал?

Отпустив её руку, захлопнул ноутбук и резко поднялся.

— Прости. Это не моё дело.

— Ты духовный наставник, — отвечает она, взглядываясь в моё лицо. — Разве не всё твоё дело?

Я был слишком занят своими вещами, запихивая их в сумку для ноутбука, чтобы ответить, и думал о том, как побыстрее уйти из этого места. Всё хорошо, просто *прекрасно*, я только успокаивал её, это не было чем-то большим, чем просто держаться за руки, чего я никогда не делал с любой другой прихожанкой.

Всё *хорошо*.

Но, когда я обернулся, Поппи уже стояла возле меня, повесив свою суму на плечо.

— Могу я прогуляться с тобой до церкви? — спросила она. — Мой дом находится недалеко.

Конечно же, недалеко.

— Естественно, — отвечаю я, надеясь на то, что веду себя нормально, а не как пастор, пытающийся прикрыть свою эрекцию. — Без проблем.

Мы вышли из здания, встречая жару мая, затем пересекли улицу. Странно, но мы молчали, поэтому я решил отогнать прочь все свои фантазии и заговорить первым:

— Как долго ты уже здесь живёшь?

— Не очень, — ответила она. — Переехала в этот дом две недели назад. После того, как владелец клуба, в котором я работала, узнал, что у меня есть опыт в финансовой сфере, он попросил меня быть его консультантом по маркетингу и финансам, и я смогла работать удалённо, ну и зарплата... В общем, платит он прилично. И тогда, когда в прошлом месяце *он* нашёл меня...

Её голос надломился, и она упёрлась взглядом в тротуар, словно нашла на нём что-то интересное. Я не стал спрашивать, что именно её так расстроило, просто дал время собраться с мыслями.

Мы прошли несколько футов, прежде чем она продолжила:

— Так что теперь я получаю отличные деньги, работая с действительно хорошим парнем, и у меня есть свобода, начавшаяся с этого маленького милого городка. Это то, что я хотела, пока Стерлинг не появился в клубе.

Стерлинг. Я помню это имя из нашего прошлого разговора о её прошлом, и чёрт бы всё побрал, если это не вызвало у меня смешную ревность, словно я уже поставил метку на Поппи Дэнфорс, означающую, что она моя.

Мы достигли церкви.

— Было приятно повидаться с вами, Отец, — сказала она, улыбаясь мне и продолжая шагать дальше.

— Какой из них твой дом? — тяну время я, хотя прекрасно понимаю, что не должен, но ничего не могу с этим поделать. Мне необходим ещё один проблеск этих красных губ, ещё одно слово этим голосом с придыханием.

— Вот этот, — она указала на дом рядом с парком, уютное бунгало с балконом. Рядом росло дерево, а сад на заднем дворе немного заброшен. Я бы с лёгкостью мог увидеть его из дома священника. Смог бы увидеть, включён ли у неё свет, стоит ли её машина на подъездной дорожке, как она готовит кофе по утрам на кухне.

Это выглядело бы не очень хорошо, скорее всего, меня бы назвали больным человеком.

— Ну что же, если тебе нужно помочь с мебелью или ещё с чем-то...

Дерьмо. Почему я это предложил? Словно в её доме наедине с ней я буду в безопасности.

Но тогда её лицо просветлело, и мой желудок сжался. Потому что она была красивой всё время, но счастливой ли? Счастливая, потому что чертовски сияла.

— Это было бы замечательно, — ответила она. — Я никого здесь не знаю, и мои друзья находятся так далеко отсюда... Да, я дам тебе знать, если мне потребуется помощь.

— Хорошо, — отвечаю я, всё ещё наслаждаясь её улыбкой и как ни странно живыми глазами. — В любое время.

Она наклонилась вперёд, вставая на цыпочки, и я понятия не имел, что она творила, пока не почувствовал её тёплые губы на моей щеке. Я замер, запоминая каждую деталь, каждое ощущение как гравировку на моей душе, запечатлевая, в то время как её губы алого цвета прижимались ко мне.

— Спасибо, — прошептала она, её слова и дыхание опаляли моё ухо, затем Поппи прикусила губу и отвернулась, шагая в сторону дома.

А я пошёл в дом пастора для очередных двадцати минут холодного душа.

Я бы соврал, сказав, что в равной степени не боялся и не ждал её исповеди в понедельник. Я провёл мессу в воскресенье, ища глазами Поппи на скамьях, и, когда её там не увидел, в моей голове зародилась тревога. Возможно, она уехала; возможно, её недолгое увлечение религией быстро прошло; и возможно, мой проигрышный тест на самоконтроль закончился.

Возможно, она устала от меня, думал я, поэтому почувствовал даже некое облегчение.

Возможно, она устала от меня, подумал я снова и на этот раз почувствовал боль.

И поэтому, когда в понедельник Роуэн наконец-то покинул исповедальню и кто-то другой занял его место, все мои прежние переживания исчезли, а пульс ускорил свою гонку (трепет это или возбуждение, я не могу дать точный ответ).

— Отец Белл? — спросили меня тихим голосом.

— Привет, Поппи, — отвечаю я, делая вид, что её голос не влияет на мой член.

Она издала смешок, милый и облегчённый, тот самый, который слышал и в пятницу, она ещё сияла, когда я предложил ей помощь.

— Не знаю, чего я ожидала. Это просто... Это всё так хорошо чувствуется, чтобы быть правдой. Я уже собиралась оставить Канзас-Сити, ища новое начало, пытаюсь найти какой-то смысл в моей пустой жизни, и вот этот невероятно красивый священник, стоящий практически на моём заднем дворе, готов выслушать любые мои проблемы.

— Это моя работа, — ответил я хрипло, стараясь игнорировать тот факт, что она назвала меня невероятно красивым. — Я здесь для каждого.

— Да, знаю. Но прямо сейчас «каждый», включая меня, хочет поблагодарить тебя за это.

«Скажи ей, что не можешь этого сделать, — потребовала моя совесть, вспоминая другой день, проведённый в моём кабинете. — Помоги ей найти кого-нибудь другого — любого — признайся.»

Да. Я должен это сделать. Потому что она дала мне понять, что доверяет, пока всё это

время я предавал её доверие снова и снова в своей голове. (В различных позах. На каждой поверхности в моём доме.)

Но, как только я собрался рассказать ей обо всём этом, она спросила:

— Вы готовы?

А я на автомате ответил:

— Да.

Поппи

«Так продолжалось полтора года. Пока не случился Марк с практической стороны своего дела и, конечно же, танцами; я зарабатывала столько же денег, сколько могла бы и в тех офисах Нью-Йорка. Я любила танцевать, любила это. Даже если это и не был балет или джаз, моё тело всё ещё слышало ритм и музыку. И я любила то, как много секса было в моей работе: даже если никто со мной этим и не занимался, этот секс был повсюду, этот туман желания, и мне было достаточно.

Но я была одинока. Много мужчин пыталось увезти меня к себе домой и, даже предлагая намного больше одной ночи, обещало пентхаусы, яхты и деньги, но я отказывалась быть любовницей. Мне хотелось в один прекрасный день иметь мужа, детей, внуков и прочие милые вещи... Я не могла найти замену этому, и не имело значения, насколько была тогда счастлива, потому что всё в жизни временно.

Но дома меня ждали только холодная кровать и часто используемый вибратор, и всё это было только началом. Не говорю уже о муже и детях, которых ранее упоминала. Но я начала скучать по старой жизни. Не по однообразию или лицемерию, а по гарантии. Потому что если бы я не сбежала, то никогда бы не была одинокой. Я бы сейчас была замужем или, возможно, беременна. Что, если я совершила ошибку? Что, если я сбежала от своей счастливой жизни, потому что — давай посмотрим правде в глаза — какой мужчина женится на стриптизёрше, даже учитывая тот факт, какого она происхождения или кто она?

А потом Стерлинг пришёл в этот клуб.

Стерлинг Хаверфорд III. Да, знаю, это смешное имя, но там, откуда мы были родом, такие имена считались нормой (особенно если ты владеешь собственной площадкой для гольфа).

Я рисовала миссис Стерлинг Хаверфорд в своих дневниках, которые потом спрятала. Он был моим первым в плане поцелуя, первой сигаретой, первым оргазмом. Конечно, теперь-то я понимаю, что не была его первой ни в чём и что, пока он был со мной, этот мужчина трахал других женщин. Но в то время я просто была уверена, что мы поженимся. Потому что он любил меня.

Я была убеждена в этом, пока мои родители не получили приглашение на его свадьбу. С Пенелопой Долбаной Миддлтон.

Мы то разбегались, то сходились вновь, но я думала, что вся эта дистанция была из-за школы и благотворительности, и чёрт, вот теперь я плачу, прости. Я не скучаю по этому всему, осталась только злость на то, что так много времени потратила на этого козла, и после всех тех унижений он ещё посмел явиться в клуб.

Я предположила, что он был в городе по делам, и, возможно, очередной клиент привёл его в клуб, чтобы заслужить уважение, — не очень-то редкий случай, особенно когда дело

доходило до частных комнат. И из всех девочек, которые работали в ту ночь, именно мне выпал этот жребий с частной комнатой.

Это, чёрт возьми, была я.

Я была на шестидюймовых (прим.: 15,2 см) каблуках и в ярко-синем парике, но он всё равно меня узнал, как только я вошла внутрь, как и узнала его я.

«Иисус Христос, — сказал он тогда, его слова, несущие ядовитую мелодию, прервали звучание музыки. — Это ты?»

Я стояла в дверях, не имея никакого понятия, что делать. Знала, что должна пойти и найти Марка, объяснить ему, что знаю этого клиента и не могу для него станцевать, — Марк бы понял. Но даже через три года после того, как он меня бросил и женился на другой, я не могла уйти. Или перестать слушать то, о чём он говорил.

Он сказал, что не мог поверить в это, — каждый думал, что я скрылась в Европе или где-то в экзотических странах, но я была у них на виду, под носом. Стерлинг указал на меня, на тот скудный наряд, который я носила здесь, на те танцы и позор, на то, кем я стала, — всё это было видно по его расширенным зрачкам, он презирал меня и в то же время взял моё тело.

Он женился на Чёртовой Пенелопе, но пришёл сюда и был здесь для меня, и, к чёрту всё, я хотела этого. Это был именно тот момент, когда он предпочёл меня, а не её. И неважно, насколько это было неправильным.

— Заходи, — сказал он, и я послушалась.

Простит ли меня Бог за это? Потому что я могла бы уйти. Без каких-либо последствий. Я бы могла найти другую девушку для этого и подослать её к Стерлингу Хаверфорду III. Но в глубине души я хотела остаться. В глубине души хотела того, что произошло бы дальше, если бы осталась.

Я закрыла за собой дверь и скрестила руки, а затем сказала ему, каким лицемером тот был. К его чести, он не отрицал этого.

Он попросил меня подойти ближе. Это была команда, и да поможет мне Господь, я всегда поддавалась командам. Я подошла к нему, и он провёл рукой чуть ниже моей юбки, прикасаясь к оголённому участку задницы. Его обручальное кольцо блеснуло в тусклом неоновом свете комнаты. То самое кольцо, бывшее свидетельством его брака с Пенелопой Миддлтон.

Я пыталась сделать шаг назад, но он поймал меня за руку.

А затем сказал: «Знаешь, почему я не женился на тебе, Поппи?» — он ласкал внутреннюю сторону моего бедра, и я не могла воспротивиться этому, поэтому просто развела ноги в стороны.

Он улыбнулся мне и продолжил: «Это не из-за того, что мне не хотелось иметь что-то общее с фамилией Дэнфорс. Бог знает, что с твоими семьёй, деньгами и умом на бумаге ты была бы идеальной женой. Но мы ведь оба знаем лучше, не так ли, Поппи?»

Его пальцы наконец-то нашли то, что искали: мои кружевные трусики, — он проник под ткань и сорвал их с меня, открывая доступ к моему влагалищу.

«В глубине, — сказал он, продолжая касаться моей киски, — в глубине души мы-то знаем, что ты маленькая илюха. Да, с прекрасным происхождением и великолепным образованием, но ты была рождена быть илюхой, Поппи, но не женой».

Я сказала ему отвалить, и затем он продолжил: «Думаешь, я оказался здесь случайно? Я искал тебя в течение трёх лет. Ты моя, забыла об этом?»

«Как я могу быть твоей, когда у тебя есть жена?» — задала ему вопрос.

И он рассказал некоторое дерьмо о ней — наверное, это была правда. Сказал мне, что женился на ней, потому что ему была нужна правильная женщина, та, за которую он не будет волноваться, что его клиенты захотят с ней потрахаться.

*А потом добавил, что я не была похожа на такую женщину. Сказал, что моя грудь и мой рот кричали о сексе, хоть я и не показывала этого, но **выглядело всё так**, будто я всегда этого хочу. И он не мог допустить такую особу на свой драгоценный семейный портрет Хаверфордов.*

Самое худшее было в том, что я знала, он не имел в виду оскорбление. Это просто были факты. Люди вроде нас не должны быть такими. Мы должны быть сдержанными и равнодушными. Подлыми и хладнокровными. Секс как необходимость или как расчёт. И теперь Стерлинг хотел, чтобы я стала для него вторым. Я любила его, а он хотел меня в роли зверушки в коробочке, и здесь не было места для настоящей любви или реального будущего.

Но пока я об этом думала, он уже разделся и был готов, Стерлинг был очень твёрдым и изголодавшимся по сексу, а я ничего не могла с этим поделать — знала, что он был женат и что он был козлом, но прошло так много времени, слишком много, и я снова доверилась любви...

Вы осуждаете меня, Отец Белл? Вы, наверное, думаете, что я чёртова шлюха, да? Знаю, что вы не такой, вы не такой, как Стерлинг или я. Слова «чёртова» и «шлюха» никогда, наверное, не слетают с ваших губ в одном предложении. Но, как я думала тогда и сейчас, ничего не поменялось. Я была полной дурой. Но была также одинокой и с разбитым сердцем, а ещё такой чертовски мокрой, что не придавала значения своим мыслям.

*Затем я позволила ему трахнуть меня. Потому что он был прав: мне **нравилось**, я всегда этого **хотела**. Пока он в меня врезался снова и снова, я попросила его рассказать мне о его фантазиях, о той жизни, которую мне предлагал. И он это сделал: всё звучало так идеально из его лживых уст бизнесмена. Он рассказывал о скучных обедах, которые мы бы проводили вместе, о дорогих ресторанах, о незабываемых оргазмах на простынях из египетского хлопка. Рассказывал о цветах, ювелирных изделиях и каникулах на Бора-Бора, роскошных автомобилях и всём остальном — о той нашей жизни в несуществующем месте, пока я двигалась на нём навстречу своему лучшему оргазму со времён колледжа.*

Он проклинал всё это, пока вдабливался в меня, но теперь уже сзади, прижимая моё лицо к кожаному дивану и холодный металл своего обручального кольца к моему бедру. Это было ужасное унижение, и я кончила почти мгновенно.

А затем достигла пика снова».

ГЛАВА 6.

— Вот каков мой истинный грех, — закончила Поппи. — Это мой настоящий позор. Я не могу спать по ночам, зная о том, что позволила ему это... Позволила это себе...

Она резко замолчала, и я не смел прервать эту тишину, потому что уважал её, а также из-за того, что не доверял своему голосу. Её признание было столь чувственным — таким чертовски детальным — и я был крайне зол на этого мудака Стерлинга, который причинил ей столько горя, а ещё ужасно ревновал её к нему, потому что всего несколько недель назад

он был внутри неё, чего просто не заслуживает, как и не заслуживает ни одной её слезинки.

Но больше всего я ненавидел, что был твёрд и не мог мыслить здраво.

— Я позволила себе кончить, — сказала она наконец своим тихим голосом. — Он женатый мужчина, он изменял мне годами и даже не *извинился*, но зато я позволила ему себя трахнуть и кончить. Я кончила дважды. Какое это имеет значение, ведь я сразу же дала ему уйти после случившегося? Какие девушки так делают?

Я должен был что-то сказать, успокоить её, но, дерьмо, было сложно сфокусироваться на чём-нибудь, когда образ её лица, искажённого множественными оргазмами, стоял перед моими глазами. Я каждый раз прохожу через ад, представляя это. Мне хотелось ударить Стерлинга по трахее за то, что он посмел обладать этой красотой и этими губами, что ему удалось завладеть ею. Потому что я тоже хотел этого, ведь это было так давно, когда женщина постанывала от моих прикосновений...

«Ты ничем не лучше него, — критиковал я себя. — Возьми своё дерьмо в руки. Чувства, сосредоточься на её чувствах».

— Как это ощущалось?

— Как ощущалось? Ощущения были просто прекрасны. Он словно утверждал права на меня изнутри, будто клеймил меня как свою собственность, и, когда кончил он, я последовала за ним. Ничего не могла с этим поделать: кончающий парень — самая чертовски горячая вещь, особенно когда я чувствую это изнутри.

Моя голова коснулась деревянной стены, издавая таким образом *глухой звук*.

— Я имел в виду... — выдавил из себя, — как это ощущалось *эмоционально*?

— Ох.

Она издала небольшой смешок, из-за которого — чёрт возьми, мне дорога в ад — я не мог не потрогать себя сейчас. Я был слишком твёрд, мой член упирался в ширинку брюк. Я начал себя поглаживать, дёргая другой рукой застёжку, и в то же время старался контролировать дыхание, которое могло меня выдать. Могу ли я расстегнуть молнию так тихо, что она не сможет меня услышать? Могу ли я подрочить прямо здесь в исповедальне, чтобы она не узнала об этом?

Потому что прямо сейчас мне это необходимо. Её слова проникли в мою голову и останутся там навечно.

— Полагаю, Стерлинг был прав. Я шлюха, разве не так? У меня было отличное будущее и много трофеев, моя семья богата, но это не меняет того, кто я внутри. В глубине души я всегда знала, что Стерлинг меня не любит, но была готова принять секс вместо любви, потому что мне хотелось романтики, и какая женщина так рассуждает, Отец? Я просто предпочла секс вместо любви, чем вообще не иметь его? И что мне делать теперь? Как мне справиться с этим стыдом, зная о том, кто я на самом деле?

Стыд. Да, мне известно это чувство. Я прямо сейчас испытываю его. Я положил свои руки на бедра подальше от эрекции. *«Сконцентрируйся, — сказал себе. — И, когда ты будешь один, сможешь позаботиться о своей... проблеме».*

— Бог создал нас с сексуальными желаниями, Поппи, — успокаивал я её. Но с моим сдавленным голосом и еле сдерживаемым дыханием слова звучали угрожающими. Словно тёмная непосредственная угроза.

— Тогда Он сделал меня слишком сексуальной, — прошептала она. — И даже сейчас я...

Она остановилась.

— И даже сейчас что? — на этот раз голос получился не таким угрожающим.

Я слышал, как она поёрзала на стуле.

— Мне пора, — ответила Поппи.

Я услышал, как она подобрала свою сумочку и направилась к выходу, но, прежде чем она успела выйти, её ожидал сюрприз в виде меня. Я прижал её к двери, положив по обе стороны от неё свои руки, таким образом беря в плен (что, чёрт бы меня побрал, я *делаю?*). Да, блокирую её побег, потому что я должен знать, должен знать, что она собиралась сказать, и, если не узнаю, точно сойду с ума.

Она подняла свой взгляд на меня, нависшего над ней, и её ореховые глаза расширились от удивления.

— Ох, — выдохнула она. Какое-то время мы так и смотрели друг на друга.

Это могло закончиться прямо там. Могло бы даже с её красной помадой, с этими игривыми чёртиками во взгляде, тугими сосками-пуговками, которые хорошо проглядывались через белую блузку. Даже с моими широкими плечами, прижимающими её к двери, даже со всплеском силы, удовлетворения и похоти, исходящих от первобытной и доминирующей позиции моего тела напротив женщины.

Могло бы, клянусь вам.

Но затем она прикусила свою нижнюю губу, эти слегка увеличенные зубки впились в плоть кроваво-красного цвета, а потом Поппи сжала свои бёдра вместе, и небольшой стон вырвался из её горла.

В этот момент я перестал видеть перед собой кающуюся женщину.

Я перестал видеть дитя Божье.

Я перестал видеть потерянную овечку, так нуждавшуюся в пастухе.

Я видел женщину в нужде — зрелой, восхитительной нужде.

Я сделал шаг назад, глубоко вздохнув, ведь некоторая часть моей совести всё же продолжала бороться, а она сделала шаг навстречу мне, всё ещё смотря в мои глаза. Я позволил ей пройти мимо меня, но не потому, что мне хотелось её отпустить или не доводить начатое до конца. Нет, всё это было из-за того, что я давал ей последний шанс на бегство, и, если она его не использует, да поможет ей Иисус, ибо я собираюсь коснуться, попробовать и трахнуть её прямо сейчас.

Она сделала несколько шагов назад, пока не упёрлась в кабинетный рояль, который был установлен чуть ниже платформы для хора. Она до сих пор не вымолвила ни слова, но ей этого и не нужно было делать, ведь я всё могу прочитать по языку её тела: то, как она дрожала, как вздыхала, как покрывалась мурашками. Её зубы всё ещё кусали нижнюю губу, и *мне* захотелось *лично* укусить её, укусить так, чтобы она кричала. Я двинулся к ней, а она в это время наблюдала за моими голодными, свирепыми и дикими шагами.

— Повернись, — скомандовал я, и, блядь, она выполнила приказ мгновенно, повернувшись и положив руки на чёрное дерево. Она всё ещё держала бёдра вместе, когда я достиг фортепиано и встал прямо позади неё. Провёл указательным пальцем вдоль её рук, прикасаясь к бархатистой коже. — Теперь скажи мне то, о чём не сказала ранее? — попросил её тихим голосом. — И помни, ложь — это грех.

Она вздрогнула.

— Я не могу сказать этого. Не здесь. Не тебе.

Моя рука переместилась на плечи Поппи. Её волосы были заколоты в пучок, обнажая шею цвета слоновой кожи, и я ласкал её сейчас, желая поглотить каждое содрогание и

каждый неровный вздох. А затем надавил ладонью ей на спину, прижимая лицом к блестящему дереву. Она была такой миниатюрной, что даже каблуки не помогли, поэтому ей пришлось встать на цыпочки.

На ней была юбка-карандаш, и, как только Поппи наклонилась, разрез поднялся достаточно высоко, чтобы выставить розовый проблеск её плоти.

— Поппи, — сказал я угрожающе, — ты что, пришла сюда без нижнего белья? — моя ладонь всё ещё лежала на её спине, а пальцы упирались в шею, и она кивнула. — Ты сделала это нарочно?

Пауза. Затем ещё кивок.

Звук шлепка пронёсся эхом по всему святилищу, и она подскочила, когда моя рука встретилась с её кожей. Затем Поппи застонала и толкнула свою попку назад.

Но на этот раз я не шлёпнул её, только Господу известно, как мне хотелось это проделать с ней снова. Вместо этого провёл рукой от плеча к её бёдрам, по пути задевая грудь, которой она прижималась к роялю, глубину талии и наконец-таки выпуклость попки. А затем я повторил то же действие, только уже с помощью обеих рук, которые в конечном итоге залезли под подол её юбки, задирая его вверх к талии.

Я опустил на колени, разведя её ноги в стороны. Моему взору открылся прекрасный вид на её влагалище.

— Мой маленький ягнёнок, — прошептал я. — Ты очень, очень мокрая прямо сейчас.

Её влажность так прекрасно блестела на киске. Щёлка была не просто влажной — она, мать твою, *дрожала* — розовая, нежная и дрожащая прямо перед моим лицом.

Я вцепился своими руками в её попку, разведя эти смачные дольки ещё больше, и наклонился вперёд так, что моё дыхание щекотало её чувствительную плоть.

Она всхлипнула.

— Это так неправильно, — сказал я, придвигая свой рот ближе. Я мог учуять её запах, она была как небеса, мыло, кожа и деликатный женский аромат, который жаждал каждый мужчина. — Только раз, — пробубнил я, убеждая больше себя, нежели её. — Бог ведь не накажет меня за одну маленькую пробу.

Мой язык проложил свой путь от клитора до её щёлочки, но (прости меня, мой Бог) никакое вино для причастия и вровень не стоит с этим пьянящим сладким нектаром, который я вкушал.

— Пожалуйста, — прошептал снова, — ещё один разок, — вновь прикоснулся языком к её клитору, мой член уже изнывал от боли и твёрдости.

Она вскрикивала, лёжа на фортепиано, и я почти умер, потому что эти звуки были *чёртовой* музыкой для моих ушей. Я скользнул внутрь неё как одержимый, мои пальцы ещё сильнее впились в её ягодицы, держа их открытыми для моего нападения. Трахал её своим языком, губами и зубами, *поедая* Поппи словно оголодавший мужчина. Её киска совершенна, именно такая, какой я её представлял все те ночи, которые провёл под холодным душем.

Она *должна* кончить, я поспособствую этому. Заставлю кончить на моё лицо, и только одна мысль об этом заставила мои шары сжаться, а член пульсировать в штанах. Я ведь и вправду мог кончить, даже не касаясь своего члена.

Я провёл пальцем по её киске, а затем проник им внутрь, чтобы отыскать то заветное местечко, от стимуляции которого она взорвётся. Поппи бесстыдно скользила по моему лицу, царапая ногтями поверхность фортепиано, а тихие вздохи и стоны покидали её горло.

Всё, что я мог, — это вдыхать её аромат и пробовать её на вкус, а затем, когда поднял

свой взгляд вверх и увидел распятого Иисуса в передней части церкви — трагично, мучительно Бог принёс его в жертву — моё сердце слегка вздрогнуло. Какого чёрта я делаю? Любой мог сюда войти прямо сейчас через переднюю дверь церкви и увидеть пастора, стоящего на коленях, словно молящегося во влагалище женщины, которая в это время лежала на рояле.

Что они подумают? После того, как я помог этому городу избавиться от боли и снова поверить в Церковь?

И более того — как насчёт моей клятвы? Обет, который я принял перед своей семьёй и Богом? Чего стоит моя клятва, если после трёх лет соблюдения целомудрия я толкаюсь языком во влажную щёлку женщины?

Но потом Поппи кончила, её крик пронзил всё помещение, и этот звук был самым прекрасным, из когда-либо слышимых мной. Всё остальное перестало иметь значение, только запах, вкус и её захват вокруг моего пальца.

Неохотно, но всё же я отстранился, желая получить от неё ещё один оргазм и снова зарыться лицом в её попку, но также прекрасно понимал, что должен остановиться, что мне не следует этого делать. Когда я поднялся на ноги, то заметил её взгляд через плечо на себе, она смотрела на меня так, словно я самое прекрасное в мире нечто.

— Ещё никто не проделывал со мной такое прежде, — прошептала она.

Не трахал языком в церкви? Не прижимал к роялю, вылизывая её, пока она не достигла края?

Мои брови сошлись вместе, и она ответила на мой немой вопрос.

— Никто раньше не заставлял меня кончать ото рта, я имею в виду, — пояснила Поппи. Краска, заалевшая на щеках, достигла её шеи.

Я не мог понять этого, а вернее думал, что мне послышалось.

— Ни один парень не делал с тобой такое раньше?

Она покачала головой и закрыла глаза.

— Это было хорошо.

Я был в шоке. Как она могла никогда не испытывать оральных ласк?

— Как жаль, ягнёнок, — ответил я и ничего не смог поделать с собой, прижавшись своей эрекцией к её попке. — Никто не заботился о тебе прежде, — я пробежался рукой по её спине снова, а затем коснулся клитора и застонал, почувствовав, какой тот всё ещё опухший и готовый ко второму раунду. — Но не хочу врать. Осознание того, что я первый мужчина, попробовавший тебя, сделало меня чертовски твёрдым.

Я наконец осознал слова, которые только что произнёс, и меня накрыла реальность.

Что за хрень я творю прямо сейчас? Что за хрень творил ранее?

И почему именно — из всех возможных мест — здесь?

Тяжело дыша, я сделал шаг назад, мне не нужно думать, необходимо развернуться и уйти, прежде чем вина и позор захлестнут меня.

Поппи повернулась, юбка всё ещё скомкана на талии, а её глаза сверкали.

— Не смей, — сказала она. — Даже не смей отступить от меня.

— Прости, — ответил я. — Я... Я не могу.

— Ты можешь, — возразила она, делая шаг вперёд. Она прижала ладонь к моей эрекции, и я посмотрел вниз, чтобы увидеть, как она расстегивает мой ремень.

— Не могу, — повторил я, наблюдая за тем, как она выпускает мой член на волю. В тот момент, когда её пальцы коснулись моей голой кожи, я готов был умереть, потому что мои

фантазии были ничем по сравнению с этими настоящими прикосновениями.

— Ты хороший пастор, Отец Белл, — сказала она, её рука продвинулась вниз, исследуя и трогая меня. — Но ты ещё и хороший мужчина. И не каждый ли хороший человек заслуживает немного послабления время от времени?

Она схватила меня крепче и начала поглаживать сильнее. Я как под гипнозом наблюдал, как её рука двигалась по моему стволу то вверх, то вниз.

— Мы не будем заниматься сексом, — пообещала Поппи. — Никакого секса, и это ведь не нарушение каких-либо правил, правильно?

— Ты сейчас говоришь двусмысленно, — отвечаю я нервно, закрывая глаза от удовольствия.

— Тогда как насчёт другого признания, — сказала она, проводя своими ногтями от моего таза до пупка и заставляя напрячься мой пресс. — После того первого разговора с тобой я пришла домой и тут же посмотрела тебя на сайте. И после этого не могла перестать думать о твоём голосе, он преследовал меня повсюду. И потом я посмотрела твоё фото на сайте, и ты выглядел... Ну, ты знаешь, как выглядишь. С того самого момента я начала бредить тобой.

— Ты прикасалась к себе, думая обо мне? — последний оставшейся клочок моего самоконтроля рухнул.

— Больше одного раза, — призналась она, скользя своими пальцами под мою рубашку. — Потому что увидела твоё тело в первый раз, когда мы встретились на пробежке... А затем твоё лицо, когда мы говорили. Боже, твоё лицо было таким чертовски порочным, словно ты хотел сожрать меня прямо там... Я кончила три раза перед тем, как смогла сосредоточиться на чём-нибудь другом.

Все те три года самодисциплины рухнули, и я превратился в мужчину — не в Тайлера, не в Отца Белла — в нечто более первобытное, более требовательное.

— Покажи мне, — приказал я.

— Что?

— Ложись на пол, разведи свои ноги в стороны и покажи, как ты ублажаешь себя, думая обо мне.

Её рот приоткрылся, а щёки покраснели, но затем она послушно опустилась на ковёр, положив свою руку на киску. Я стоял возле неё, водя рукой по своему члену, забыв обо всём, забыв обо всех, пока она наблюдала за тем, как я пытаюсь достичь кульминации.

— Почему ты не надела сегодня нижнее бельё? — спросил я, смотря на то, как она выводит круги на своём клиторе.

— В последний раз, когда мы с тобой говорили, было так горячо. И я подумала, если сегодня снова такое случится, будет намного легче, не будь на мне трусиков. Я... позаботилась об этом. И знаешь, было намного легче.

Я опустил на колени меж её ног и взял тонкое запястье рукой. Приблизился к ней, прижав запястья над её головой обеими руками, мой член задел её киску, цепляясь за поднятую юбку.

— Ответь мне на один вопрос, — попросил я. — Ты мастурбировала в исповедальне сегодня, находясь по ту сторону от меня?

Поппи испуганно кивнула:

— Ты сделал меня такой влажной, — ответила она. — Я не смогла сдержаться.

Я взял от неё всё, что можно было, кроме одного, проникновения моего члена в её

тугую киску. Каждый раз, когда я толкался своими бёдрами, мой член скользил по её складкам, и они были такими *тёплыми. Такими влажными.*

Я опустил голову, зарывшись лицом в её шею. Её кожа пахла свежестью вперемешку с духами с запахом лаванды — чем-то, что стоило больших денег, возможно, даже больше, чем я зарабатывал за весь месяц. По некоторым причинам этот избыточный возможный упадок подпитывал мою нужду разорвать её на части. Я кусал её шею, ключицы, плечи, сжимал грудь, пока мой член тёрся о клитор, доводя Поппи до грани, словно я наказывал её удовольствием. Наказывал за появление здесь и за осколки моей тщательно выстроенной — как карточный домик — жизни.

Она извивалась подо мной, тяжело дыша и всхлипывая, её руки снова и снова скользили по полу, пока я не схватил и не зафиксировал их одной рукой. Она была ужасно мокрой, и я, стоило мне изменить угол движения, с лёгкостью скользнул бы внутрь.

Я хотел этого. Я жаждал этого, жаждал, жаждал. Я жаждал трахнуть эту женщину больше, чем когда-либо что-нибудь хотел в своей жизни. Это извращённо, но факт, что я не мог, что это было неправильно на каждом уровне — нравственном, профессиональном, личном, — делал происходящее ещё горячее. Я был словно одержим, пока сосал её, тёрся об неё, кусал её, как если бы мог выжечь эти потребности, пожирая каждый дюйм тела Поппи.

— Ох, Боже, — шептала она. — Я собираюсь... *Ох, Боже...*

Я буду заниматься самоистязанием каждый день до конца своей жизни, если окажусь внутри неё прямо сейчас, если почувствую, как она сжимает мой член, почувствую её дрожь изнутри. Но находиться на ней было так хорошо, потому что я мог ощущать каждый её вздох, каждое движение её бёдер. И когда мой взгляд встретился с её глазами, в них стояла благодарность, словно я подарил ей нечто такое, чего раньше ей не приходилось испытывать.

Но, прежде чем я смог ещё сильнее углубиться в этот взгляд, она выгнула спину, тем самым нарушив моё равновесие, перевернула нас и оказалась на мне.

Без колебаний она потянула вверх мою рубашку так, что увидела мой живот, и я не упустил из виду, как вспыхнули её глаза и сжались челюсти. Она начала водить по нему своими руками, впиваясь — сильно — ногтями в плоть, ведь мой пресс был твёрд словно камень, а она будто злилась из-за своего восторга. (И я совру, если не скажу, что *мне* это чертовски нравилось.)

Поппи сидела на мне, в то время как её гладкая щёлка скользила по нижней части моего члена, но затем она начала поглаживать его так, словно дровича мне своей киской. Я поднялся на локтях, чтобы наблюдать за тем, как её плоть прижимается к моему члену, а раскрытое влагалище позволяло мне увидеть её набухший клитор. Проклятье, всё было таким влажным: её тело прижималось к моему, киска тёрлась о моего дружка — это было таким реальным и похожим на настоящий секс, возможно, я врал самому себе, убеждая в том, что это не считается и я вовсе не согрешил.

Но, если это и так, святое дерьмо, я не собираюсь останавливаться.

Это было так *грязно*: её юбка задрана до пояса; мои брюки спущены достаточно, чтобы были видны яйца; старый ковёр, соприкасающийся с моей голой задницей и спиной. То, как она бесстыдно объезжала меня, то, как мой член тёрся обо все её правильные места — это было наше возбуждение; и, Боже, я хотел жениться на этой женщине, сделать её своей, посадить в клетку и никому не показывать. Хотел владеть ею, *брат* её, наслаждаться ею. Хотел, чтобы мы так и остались лежать на этом старом ковре навсегда: она, сидящая верхом

на мне, её затвердевшие соски, жаждущие моих прикосновений, и эта озорная киска, доящая мой член.

— Кончай, — произнесла Поппи хрипло. — Хочу увидеть, как ты кончишь. Мне *нужно* это.

Моя челюсть была сжата, поэтому я не смог дать ей ответ, и был так близок, чтобы кончить. Я не испытывал такие ощущения несколько лет, когда это чувство возникает где-то в позвоночнике и продолжает свой путь прямо в пах.

— Не сдерживайся, — умоляла она теперь, ещё больше ускоряясь и нажимая на мой член. — Отдай мне всё до последней капли.

Дерьмо, эта женщина была чертовски грязной на язык. И идеальной. Это был чистый инстинкт, который заставил меня схватить её за бедра и тереться об неё быстрее и сильнее; мой мозг был заполнен образами её бледно-розового клитора, её пухлых половых губок и воспоминаниями о вкусе её сладостного мёда — Поппи прервала мои мысли тихим стоном при виде моего оргазма, бьющего струёй в мой живот. Было так много всего, и часы словно превратились в секунды, пока наши тела искали своё освобождение.

И в этот самый момент — на пике моей высоты и пике её жадной победы — наши взгляды встретились, и мы забыли обо всех наших барьерах, просто став незнакомцем и незнакомкой, Тайлером и Поппи. Мы просто были мужчиной и женщиной, Господь создал нас как Адама и Еву, и мы просто были самими собою. Мы были существами, созданиями божьими, и я заметил, что она ощущала то же самое. Мы были одним целым.

Мой оргазм утих, но я едва мог дышать, едва мог понять, что сейчас произошло, в то время как Поппи провела рукой по моему животу, окуная пальцы в сперму, и поднесла их к своему рту. Мой член снова начал твердеть, когда я наблюдал, как Поппи посасывает свои пальцы.

Я откинул голову на пол, осознавая, что уже больше никогда не смогу вычеркнуть эту женщину из своей головы. Она была одной из тех женщин, которые будут делать тебя твёрдым снова и снова, именно той женщиной, с которой можно трахаться всю неделю, но так и не перестать хотеть большего, и это плохие новости для моего самоконтроля. Реальность начала накрывать меня, а вместе с ней пришли стыд и совесть.

— Это просто сводит тебя с ума, — спросила она через какое-то время, — знание того, что я прикасалась к себе каждый раз, сидя в той исповедальне недалеко от тебя?

Я прорычал. Блядь, конечно, это сводило с ума.

— Поппи, — позвал её я, но затем запнулся.

Что я должен сказать ей после всего произошедшего? Сознаться в том, что чертовски сожалею и что не хотел её обидеть, а затем вдобавок рассказать о том, как глубоко она под моей кожей?

— Я поняла, — прошептала она. — Мне тоже жаль.

Она поднялась и принялась поправлять свою одежду, в то время как я вытер живот своей рубашкой и принял сидячее положение. Происходило ли это всего минуту назад, когда целая вселенная сузилась до меня и неё, до наших вздохов и пота, нашего траха без реального секса? А теперь это место казалось таким огромным и пустым, и только кондиционер нарушал наше молчание.

Церковь была пуста. Горожане не стояли у прохода, чтобы забросать меня камнями и вынести приговор. Мне это просто сошло с рук.

И всё же почему-то мне было паршиво.

Поппи и я даже не попрощались. Вместо этого мы просто смотрели друг на друга, уставшие и потные, пропахшие сексом, а затем она просто ушла без слов.

Я медленно плёлся к своему дому, грязный, снова твёрдый и ненавидящий себя.

ГЛАВА 7.

Моя входная дверь скрипнула, и я подскочил со своего кухонного стула, ожидая увидеть Поппи, или орду разъярённых прихожан, или епископа, который отлучил бы меня от службы навсегда, но это была Милли, а в её руках контейнеры с замороженной едой.

Она прошла мимо меня в кухню, вечерний свет сиял сквозь её жёсткий кирпично-красный парик, когда Милли начала выгружать свою ношу.

— Ты слишком чистый, — сказала она вместо приветствия, хмурясь при виде идеальной столешницы. — Мальчики твоего возраста должны быть неряшливыми.

— Я вряд ли мальчик, Милли, — ответил я, подходя к ней, чтобы помочь загрузить еду в морозильник.

— В моём возрасте все моложе шестидесяти — мальчики, — пренебрежительно ответила она, прогоняя меня со своего пути, чтобы поставить одно из блюд в духовку.

Милли можно было дать приблизительно сто тридцать лет, однако она была не только самой активной из моих прихожан, но и самой сообразительной в финансовых вопросах нашей церкви. Она была единственной, кто настаивал на том, чтобы мы перешли на iPad и Squares (прим.: терминал как замена традиционного кассового аппарата, представляет из себя подставку, оснащённую приёмником пластиковых карт, на которой закреплён iPad) для продажи нашей выпечки и для пятничных дней жареной рыбы, а также была инициатором проведения высокоскоростного интернета, в то время как нигде в городе его ещё не было.

Она также приняла меня как своего рода проект, когда я только сюда переехал, незнакомый с городом и с домами в любом другом месте, кроме модных квартир Мидтауна с Chipotle (прим.: сеть ресторанов в США, Великобритании, Канаде Германии и Франции специализирующаяся на приготовлении буррито и тако. Название компании происходит от мексиканской приправы чипотле) в нескольких минутах ходьбы. Она сразу же обратила внимание на мой возраст и внешний вид (даже дала мне прозвище «Отец Что-За-Неряха») и взяла за привычку появляться один раз в неделю с готовой едой (хотя я и протестовал тысячу раз подряд, что смог бы и сам готовить себе [в основном рамен (прим.: имеется в виду лапша быстрого приготовления), но всё же]). А после того, как Милли встретила мою мать, и они провели час за разговорами о лучшей температуре воды для приготовления теста для пирога, всё было кончено. Милли понравилась моя мама, а также и мои братья, которые получали пакеты с печеньем, посылаемые каждую неделю в их прилизанные офисы в центре Канзас-Сити.

Кроме сегодняшнего дня, когда мне совсем не хотелось принимать её шумные возгласы, суету и внимание. Я чувствовал себя недостойным всего этого — этих дома, работы, города — и мне хотелось просто умереть, сидя на этой кухне.

Нет, это была ложь. Мне хотелось *сделать* кое-что: бегать, или поднимать какие-нибудь тяжести, или чистить плитку до тех пор, пока мои руки не начнут кровоточить — мне хотелось покаяться. Забавно, как много раз я скрывал свою настоящую сущность за покаяниями, пользуясь Божьей любовью и его прощением, и моей первой реакцией после

случившегося с Поппи было наказать себя.

Или, по крайней мере, довести себя до такого состояния, чтобы я вообще не мог думать о насущном.

— Тебя что-то беспокоит, — решила Милли, садясь за стол и складывая свои руки в некое подобие узла из тонкой кожи и старых колец.

Кто-то мне однажды говорил, что она была одной из первых женщин-инженеров в штате Миссури и проводила инспекцию для правительства, когда только строили межштатную сеть на Среднем Западе. И знаете, я в это верил — то, как она всегда держала себя и как всматривалась в моё лицо прямо сейчас, было свидетельством этому.

Я выдавил из себя лучшую улыбку, на которую только был способен. У меня приятная улыбка, признаю. Это один из моих самых эффективных видов оружия, которым я всегда пользовался, испытывая его на своих прихожанах.

— Это просто жара, Милли, — ответил я, вставая.

— Эээ. Попробуй ещё разок, — ответила она, кивая на стул.

Я снова сел на своё прежнее место, ёрзая как ребёнок. (Да-да, Милли оказывала на меня такой эффект. Наш епископ как-то пошутил после встречи с ней, назвав её матерью-настоятельница, которая была нужна на это место лет сто назад, и ещё добавил, что ему меня жалко, так как я нахожусь под её полным контролем.)

— Ничего не случилось, — ответил я, привнося в голос веселье. — Уверяю.

Она потянулась через стол, накрывая мою большую руку своей худенькой и морщинистой ладонью:

— Знаешь, хоть я и старая, но прекрасно вижу, если люди лгут. Когда я последний раз проверяла, ты ведал целым приходом. Ты не будешь лгать одному из своих прихожан, так ведь?

Если не считать того, что я чуть не трахнулся на полу в церкви? Новая волна вины окатила меня, когда я понял насколько стал грешным. Я стал лживым (и моя ложь заключалась в том, что врал я очень хорошему человеку, который не сделал ничего плохого, не считая заботы обо мне). Внезапно мне захотелось рассказать Милли о том, что произошло, об этом новом искушении, считающимся самым древним на Земле.

Но вместо того, чтобы ответить, я просто смотрел на наши руки. А знаете почему? Потому что я был гордым и злым и сражался с самим собой. И это ещё не всё.

Мне хотелось снова это сделать. Я снова хотел Поппи. И если я кому-нибудь расскажу о своём грехе, то должен буду предоставить этому объяснение. Я должен подчиниться своей клятве и осознать все последствия.

Ничто не заставит меня забыть о Поппи Дэнфорс.

Но я рисковал всем: моей работой, моим положением, памятью моей сестры и, возможно, даже моей вечной душой.

Я опустил свою голову на руку Милли настолько осторожно, чтобы не причинить боли её и так уже хрупким костям. Мне была необходима поддержка.

— Я не могу рассказать об этом, — пробубнил в стол, не собираясь больше лгать. (За исключением того, насколько часто я говорил своей молодёжной группе о недомолвках? В какой именно момент я стал таким ужасным лицемером?)

Милли погладила меня по голове:

— Это ведь не касается той женщины, которая купила старый домик Андерсона? — я резко поднял свою голову. Не знаю, как выглядело моё лицо, но она засмеялась. — Я видела

вас двоих на прошлой неделе в кафе. И даже находясь по ту сторону окна, могла сказать, какая вы чудесная пара.

Чёрт. Неужели она видела всё? И если да, судила ли Милли меня за это?

— Она просматривала некоторые таблицы. У неё образование в сфере финансов и степень магистра управления, полученные в Дартмуте, — я не упомянул, что ещё она имела хорошее образование в области соблазнения богатеньких мужчин, зарабатывая танцами. Или то, что вкус её киски слаще мёда.

— Может, как-нибудь она и я смогли бы выпить кофе, — сказала Милли. — Потому что вы словно два магнита, которые тянутся друг к другу. Если, конечно, — добавила она, выдерживая паузу, — вы не предпочитаете встречи только между вами двумя.

— *Rem acu tetigisti*, — ответил я, мои глаза не смотрели в её. *Ты попала в самую точку.*

— Думаю, что знаю значение этой фразы: «Ты права, Милли, я очень плох в математике», — но это было не то значение. — Я всегда говорила, что ты был слишком молод и слишком красив, чтобы спрятать под замок свою жизнь. «Это будет проблема, — твердила я, — запомните мои слова». И никто не заметил их.

Я не ответил. Просто сидел, снова уставившись на наши соединённые руки и думая о том дне, когда разложил Поппи на полу, о том, как она кончила вместе со мной. После я принял душ дважды, скребя кожу до боли, но ничего не могло стереть ощущение от её прикосновений. Чувство тепла разливалось в моём животе, когда она смотрела на меня голодным, диким взглядом.

— Мой дорогой мальчик, это всё совершенно естественно. Помнишь свою проповедь, которую ты произнёс в первый раз? Та часть об исцелении, что должен приветствоваться нормальный, согласованный и благочестивый секс?

Я проповедовал это. Оставляя в стороне тот факт, что я наслаждался своей долей секса по обоюдному согласию в колледже (согласованному, но не всегда нормальному, заметьте), у меня было твёрдое теологическое убеждение насчёт важности человеческой сексуальности. Просто в христианской вере есть такая вещь, как подавление сексуальной потребности и удовольствия, но, как известно, это не всегда срабатывает в правильном направлении. Они (люди) мучились. Создали чувство вины и стыда, а в худшем случае отклонения. Мы ведь не стыдимся наслаждаться едой и вином, так почему же такой страх перед сексом?

Но, как вы поняли, этот текст адресовался моим прихожанам, а не мне.

— Так что ты тогда процитировал? — спросила Милли. — «Просто Христианство» (прим.: теологическая книга К.С. Льюиса, основанная на базе радиопередач ВВС)? «Грехи плоти — очень скверная штука, но они наименее серьёзные из всех грехов... вот почему равнодушные и самодовольные педанты, которые регулярно ходят в церковь, могут быть ближе к аду, чем проститутка».

— Да, но Льюис заканчивает свою речь так: «Но, конечно, лучше всего не быть ни тем, ни другой».

— Вот как раз эта цитата о тебе. Ты действительно считаешь, что, надев воротник пастора, перестал быть мужчиной?

— Нет, — ответил я взволновано. — Но думал, что смогу контролировать свои желания, молясь и сдерживая себя. Это моё призвание. Я выбрал такую жизнь, Милли. И должен отказаться от всего, как только появилось первое искушение?

— Никто ничего не говорил об отказе. Просто хочу сказать, мой дорогой мальчик, что ты не должен корить себя за это. Я уже прожила слишком много, чтобы понимать, когда

женщина и мужчина хотят друг друга, и поверь мне, это наименьший из грехов, что я видела.

Я составил проповедь по Библии ещё в начале года для группы мужчин, поэтому ничего удивительного в том, что сегодняшний день был посвящён именно мужской сексуальности. Несмотря на практичность советов Милли, я потратил остальную часть дня на то, чтобы прогнать эту самоненависть, изнуряя себя отжиманиями в моём подвальном тренажёрном зале до тех пор, пока не смог дышать, или двигаться, или думать и пока не пришло время идти в аудиторию, отделанную панелями из искусственного дерева, в дальней части церкви.

Мне было известно, что Милли пыталась заставить меня чувствовать себя лучше, но я не заслуживал этого. Она не догадывается, насколько далеко я уже зашёл, какую часть своего обета уже нарушил. Вероятно, она не допускает того, что её пастор настолько слабый, что на самом деле идёт на поводу у своих желаний.

Я энергично потёр лицо. *«Блядь, соберись уже, Тайлер, и разберись наконец с этим».* Прошло всего пару недель, и я полностью провалился, пытаюсь держать своё дерьмо под контролем. Что же мне предстоит пережить в течение следующих двух месяцев? В ближайшее два года? Она никуда ведь не собиралась уезжать, как и я. Нет никакого способа предотвратить то, что произошло тем утром. Я хочу сказать, что Милли, увидев нас вместе (невинных и просто общающихся), заметила, как нас тянет друг к другу, что же произойдёт, если мы с Поппи начнём скрываться?

Я поднял голову и поприветствовал вошедших мужчин. Из всех прихожан больше всего я гордился именно этой частью своей паствы. Как правило, именно женщины настаивали на посещении церкви, мужчины же в большинстве своём приходили на службу, так как этого хотели их жёны. И особенно после преступлений моего предшественника я знал, что мужчины, большинство из которых имели сыновей, бывших ровесниками жертв, затаят сильную злость и недоверие, и обычными методами здесь не справиться.

Так что я зависал в местных барах, где смотрел игры Роялс (прим.: Канзас-Сити Роялс (англ. Kansas City Royals) — профессиональный бейсбольный клуб, выступающий в Главной лиге бейсбола. Команда была основана в 1969 году. Клуб базируется в городе Канзас-Сити, Миссури) и наслаждался редкой сигарой из городской табачной лавки. Купил грузовик и при церкви организовал охотничий клуб. Всё это время я открыто говорил о прошлом своей семьи и о переменах, в которых нуждается церковь и которые непременно воплотятся в жизнь.

И постепенно к нам стали присоединяться люди. Наша группа, которая раньше состояла из двух стариков, посещавших церковь так долго, что те просто забыли, как можно не ходить туда, теперь насчитывала сорок человек, начиная от недавних выпускников и заканчивая только-только вышедшими на пенсию. По сути, нас стало так много, что уже в следующем месяце мы планируем открывать новую группу.

Но что значат эти три года тяжёлой работы? Три года работы, вложенного труда в церковь и в себя, которые сгорели за полчаса, проведённые с Поппи?

Если я казался рассеянным, кажется, этого никто не заметил и не прокомментировал, и мне удалось не подавиться своими словами, когда мы читали отрывки второго «Послания к Тимофею» и «Песнь песней». По крайней мере, мне это удавалось, пока мы не дошли до «Послания к Римлянам» — я почувствовал, как во время чтения моё горло пересохло, а пальцы начали дрожать.

«Ибо не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю... Потому что желание добра есть во мне, но, чтобы сделать оное, того не нахожу. Несчастный я человек».

Несчастный я человек.

Несчастный я человек.

Я пришёл в город этого хищника, который глумился над детьми, и поклялся исправить это. Почему? Потому что, когда смотрел на небо, усыпанное звёздами, я мог чувствовать, как Бог смотрит на меня. Потому что я чувствовал Его дыхание у своей шеи. Потому что вымаливал свою веру, пройдя сквозь боль и великую борьбу, но также знал, что моя вера дала мне новую цель в жизни, и я не хочу всё это потерять. Потому что верю в то, что этот город можно спасти.

И что я сделал сегодня? Я предал всё это. Предал их. Предал каждого из них.

Но не из-за этого мои руки так дрожали, а горло стало сухим. Нет, ко мне наконец-то пришло осознание того, что я предал самого Господа, может, даже больше, чем всех людей в этой комнате.

Мой Бог, мой спаситель. Получатель моей неистовой ненависти после смерти Лиззи, а также Всевышний, что терпеливо ждал моего возвращения несколько лет. Голос, который я слышал во снах, взывал ко мне, и я последовал. Голос, который сказал мне, что я должен делать со своей жизнью, куда мог пойти, чтобы обрести мир.

И самое страшное было то, что я знал, что Он не злится на меня. Он простил меня, до того, как это случилось, но я не заслужил его прощенья. Я заслуживаю наказания: огненного града сверху, или горестной воды, или той самой проверки по бухгалтерским отчётам, чего-нибудь, чего угодно, чёрт побери, потому что я был нечестным, отвратительным, похотливым человеком, который воспользовался эмоциональной уязвимостью женщины.

Несчастный я человек.

Мы завершили Библейские поучения, и я автоматически убрал кофе и печенье, так как мой ум всё ещё отходил от осознания новой волны стыда. Это чувство настолько мизерное, настолько ужасное, ничем не отличается от того, как ты горишь в аду.

Я едва мог держаться, проходя мимо распятия по пути в свой пасторский дом.

ГЛАВА 8.

Я спал, возможно, в общей сложности три часа в ту ночь. До глубокой ночи я читал Библию, просматривал каждый отрывок о грехе и изучал до тех пор, пока мои глаза не устали и были больше не в силах сосредоточиться на словах, скользя по ним словно два магнита с одинаковым зарядом. В конечном итоге, сдавшись, я забрался в постель вместе со своими чётками, бормоча молитвы до тех пор, пока не провалился в тревожный сон.

Странное чувство оцепенения накрыло меня, как и на мессе этим утром, как и когда я зашнуровывал свои кроссовки для пробежки чуть позже. Возможно, из-за недосыпа, возможно, это было связано с моим эмоциональным истощением, а может, это просто шок от пережитого вчера, которое всё ещё продолжает действовать сегодня. Но я не хотел испытывать это чувство оцепенения... Я хотел покоя. Хотел силы.

Выбрав другую местную дорогу за городом, чтобы не наткнуться на Поппи, я бегал позже обычного, действуя намного быстрее и сильнее, двигаясь до тех пор, пока мои ноги не

начало сводить судорогой и не стало больно дышать. И вместо того, чтобы направиться напрямиком в свой душ, колеблясь, я вошёл в церковь, мои руки были заведены за голову, а рёбра изнывали от боли. Внутри было темно и пусто, и я на самом деле понятия не имел, что делал здесь, в не в моём дома священника, не знал, пока не наткнулся на алтарь и пока не рухнул на колени перед табернаклем (прим.: в католических храмах сооружение для хранения предметов религиозного поклонения, часто богато украшенное (резьбой, скульптурными изображениями). Его прообразом является Скиния с Ковчегом Завета).

Моя голова была опущена, подбородок касался груди, весь потный, но меня это не волновало, не могло волновать, и я не мог точно сказать, когда моё рваное дыхание превратилось в плач; наверное, не потребовалось слишком много времени, когда слёзы смешались с потом, и я не был уверен, что было чем.

Солнечный свет пробивался сквозь окрашенные витражи, ярко украшенные узоры проливались и разметались по скамьям, моему телу и табернаклю, а золотистые двери блестели в тёмных оттенках: мрачные и неприкосновенные, запретные и святые.

Я наклонялся вперёд до тех пор, пока моя голова не упёрлась в пол, пока не ощутил, как мои ресницы заскользили против изношенного, старого ковра. Святой Павел говорит, что мы не должны использовать слов в наших молитвах, потому как Святой Дух будет интерпретировать их, но устный перевод не был нужен сейчас — не тогда, когда я шептал *«прости, прости, прости»*, словно воспевал, заклинал, пел гимн, только без сопровождения музыки.

Я знал, что в этот момент больше не был одинок. Мою голую спину защищало от осознания, и я сел, покраснев от смущения, что какой-то прихожанин мог увидеть меня плачущим, но здесь никого не было. Храм был пуст.

Но я всё ещё ощущал присутствие кого-то другого, словно тяжесть, которая пробежалась по моей коже статическим электричеством, поэтому я начал заглядывать в каждый тёмный угол, надеясь увидеть там кого-то.

С грохотом и свистом включился кондиционер, и изменение давления в воздухе захлопнуло дверь в святилище. Я подскочил на месте.

«Это всего лишь кондиционер», — успокаивал я себя.

Но когда я окинул взглядом табернакль, золотой и украшенный разным цветом, внезапно моя уверенность пропала. Было что-то предупреждающее и разумное в тишине и пустоте. Ощущение того, что Бог очень внимательно прислушивается к тому, что я говорю, слушает и ждёт, внезапно нахлынуло на меня, поэтому я опустил взгляд в пол.

— Прости меня, — прошептал в последний раз, слово повисло в воздухе словно звезда на небе: сверкающая, изысканная, светящаяся. А потом всё бремя куда-то улетучилось, в тот же момент я почувствовал, что моя ноша, состоящая из стыда и печали, ушла.

Если всё это соединить, то в тот момент, когда я ощутил, что могу вдыхать каждый атом воздуха, пришло понимание того, что магия и Бог, бывшие за пределами понимания, реальны, по-настоящему реальны.

А затем это ушло и сменилось чувством умиротворения.

Я выдохнул в тот же самый момент, когда здание, казалось, выдохнуло со мной свободный воздух, и покалывание на моей коже исчезло. Я знал тысячу объяснений тому, что чувствовал сейчас, но также знал, что только я один в это верил.

«Моисей получил свой знак в виде горящего куста, я же получил кондиционер», — подумал я с грустью, когда начал неуверенно подниматься на ноги, как маленький ребёнок.

Но я не жаловался. Я был прощён, снова освобождён от вины. Подвергся испытанию так же, как и Святой Пётр, и получил столь недостающее прощение.

Я могу сделать это. Была же жизнь после траханья, в конце концов, были люди, которые жили без этого.

Следующие два дня прошли без происшествий. В четверг я развалился на диване, смотря «Ходячих Мертвецов» на Netflix (прим.: американская компания, поставщик фильмов и сериалов на основе потокового мультимедиа.) и поедая быстрорастворимую лапшу, которую заварил с помощью горячей воды из Keurig (прим.: марка кофемашины).

Слишком утончённо, знаю.

А затем наступила пятница. Я проснулся и подготовился к утренней мессе, как, в принципе, делал всегда, несколько минут спустя в тысячный раз напоминая себе, что нужно собраться перед тем, как войти в храм. Будние мессы короткие — без музыки, без второго чтения, без проповеди — как автокафе евхаристии (прим.: то же, что причастие; одно из семи христианских таинств) для очень верующих. Как Роуэн, и две бабушки, и...

Боже, помоги мне.

Поппи Дэнфорс.

Она сидела во втором ряду, одетая в скромное шёлковое платье голубого цвета с воротничком а-ля Питер Пэн (прим.: отложной, с закруглёнными краями) и в туфли без каблучков, её волосы были красиво собраны в пучок. Она выглядела чопорно, сдержанно, скромно... За исключением этой грёбаной помады цвета пожарной машины, которой так и хотелось измазаться. Я отвёл взгляд в сторону, как только увидел её, пытаюсь вернуть себе то святое чувство покоя, которое пришло ко мне во вторник, чтобы я мог справиться с любым искушением, пока на моей стороне был Бог.

Ей что-то было нужно от этого места, от меня, что-то более важное, чем то, что мы сделали в понедельник. Мне необходимо почитать мою должность и дать ей это. Я попытался сосредоточиться на мессе, на словах и молитвах, получая удовольствие наблюдать Поппи, делая её лучше, молясь для неё, пока исполнял древние обряды.

«Пожалуйста, помоги ей найти путь к миру.»

Пожалуйста, помоги ей излечиться от прошлого.

И пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, помоги нам найти себя».

Когда пришло время для евхаристии, она встала в очередь за бабушками и Роуэном, выглядя при этом немножко растерянно.

— Что мне нужно делать? — прошептала она, когда пришла её очередь.

— Скрести свои руки на груди, — шепнул я в ответ.

Она повиновалась, не отводя свой взгляд от моего, её длинные пальцы легли на плечи. Она опустила глаза вниз, выглядя при этом такой милой и такой хрупкой, что мне захотелось её обнять. Нет, не в интимном плане, просто *объятия*. Мне хотелось обвить её своими руками и почувствовать её дыхание на своей груди, а ещё хотелось, чтобы её лицо зарылось в мою шею, в то время как я бы держал её в безопасности и защищал от прошлого, от неопределённого будущего. Я желал сказать ей, чтобы она знала — на самом деле знала — что всё будет хорошо, потому что тут царила любовь и потому что кто-то вроде неё должен разделить эту любовь с миром, как делала она на Гаити. Всю ту радость, которую чувствовала там, она могла бы почувствовать её где угодно, если только сумеет открыть себя

для этого.

Я положил руку ей на голову, собираясь пробормотать стандартное благословение, но затем она подняла глаза, встретившись с моими, и всё изменилось. Пол, потолок и пояс вокруг моей талии поощряли добрые помыслы, но её волосы чувствовались такими мягкими под моими пальцами, моя кожа была на её коже. Электрический заряд промчался вдоль моей спины, и воспоминания о ней тут же нахлынули новым потоком — её вкус, её чувствительность и стоны — чувство шока накрыло меня.

Её рот приоткрылся. Она ощутила то же самое.

Я едва мог пробормотать благословение, так как моё горло пересохло. И когда она развернулась, направляясь в сторону своей скамье, тоже выглядела ошеломлённой, словно только что ослепла.

После мессы я практически сбежал в ризницу (прим.: помещение при церкви для хранения риз и церковной утвари), не замечая никого и ничего на своём пути. У меня заняло кое-какое время избавление от облачения: я повесил бесценную расшитую казулу (прим.: элемент литургического облачения католического или лютеранского клирика. Надевается поверх альбы и столы.) на вешалку и аккуратно сложил свою альбу (прим.: длинное белое литургическое одеяние католических и лютеранских клириков, препоясанное верёвкой. Ношение альбы обязательно для клирика, совершающего литургию) в форме чёткого квадрата. Мои руки дрожали. Мысли были в беспорядке. Столько хороших вещей произошло на этой неделе. И всё шло прекрасно во время мессы, даже если взять во внимание её — очаровательную, благочестивую и столь чертовски близкую ко мне — а потом я прикоснулся к ней...

Я стоял какую-то минуту в своих брюках и рубашке, просто пялясь на церковный крест, (чувствуя себя немного предателем, если быть честным). Если меня простили, то почему Бог не убрал этот соблазн подальше от меня? Или же не дал больше силы воли, чтобы выдержать это? Противостоять этому? Знаю, это было несправедливо по отношению к Поппи: желать, чтобы она исчезла или же стала баптисткой, ну, что-то в этом роде. Тогда почему Бог не избавил меня от влечения к ней? Не заглушил мои чувства к тому, как она ощущалась под моим благословением... Не сделал меня слепым к этим красным губам и ярким ореховым глазам?

«Отец, если ты милостив, избавь меня от этой ноши». Даже Иисус говорил эти слова. Не то чтобы они пошли ему на пользу... Почему Бог так охотно награждает нас плохими судьбами?

Я оставил ризницу в странном настроении, пытаясь призвать то лёгкое, отчётливо нефизическое спокойствие, которое чувствовал ранее, а затем завернул за угол и увидел Поппи, стоящую в центральном проходе, единственную оставшуюся прихожанку.

Честно, я не знал, что мне делать. Мы были связаны чувством искушения, но что, если моя работа помогала этой соблазнительнице? Было бы правильно улизнуть и оставить её без какой-либо помощи, избегая похоть и желание? Конечно, похоть была моей собственной проблемой — не её — и это не повод вести себя отчуждённо с ней.

Но что, если то, что я делаю для неё, слишком рискованно для меня?

Что ещё было не менее важным: рисковал ли я, потому что *хотел* этого? Была ли причина в том, что я заботился о её духовном развитии, лишь бы находиться рядом с ней?

Полагаю, нет. Не было из этого ничего правдой. И от этой правды становилось только хуже. Я заботился о ней как о личности, как о душе, и мне хотелось её трахнуть, и это был

рецепт чего-то гораздо худшего, чем плотский грех.

Это был рецепт влюблённости.

Я должен был подойти к ней. Но я хотел бы, чтобы она контактировала с главой женской группы, напрямую получая указания от неё, а не от меня, с надеждой, что время от времени месса станет своего рода степенью нашего взаимодействия.

Поппи смотрела на алтарь, когда я подошёл.

— Там внутри есть кости?

— Мы предпочитаем термин *реликвия*, — мой голос снова принял глубокий тембр. Я прочистил горло.

— Кажется немного мрачным.

Я указал на распятие, на котором был изображён Иисус в его наиболее окровавленной, разбитой и агонизирующей форме.

— Католицизм — мрачная религия.

Поппи повернулась ко мне с задумчивым выражением лица.

— Думаю, это мне и нравится. Эта твёрдость. Она настоящая. Ведь она не замалчивает боль, печаль или чувство вины, даже наоборот подчёркивает их. Там, где я выросла, ты никогда бы не имел дело с чем-то подобным. Ты бы просто глотал таблетки, пил, подавляя всё это, пока не стал бы дорогой оболочкой. Но, думаю, этот путь намного лучше. Мне нравится противостоять такому.

— Это живая религия, — согласился я. — Этой религией *действия*: ритуалы, молитвы, жесты.

— И это то, что тебе нравится.

— Что она живая? Да. Но мне также нравятся и сами ритуалы, — я окинул взглядом храм. — Мне нравятся ладан, вино и песнопения. Это ощущается таким древним и священным. И есть в ритуалах что-то, что каждый раз возвращает меня к Богу, независимо от того, насколько плохое моё настроение или насколько сильно я согрешил. Как только я окунаюсь в это, всё остальное исчезает. Словно его и не существовало никогда. Как бы жесток не был католицизм, это также религия радости и связи, напоминание о том, что грех и печаль не могут больше нами управлять.

Поппи сдвинулась, задевая мою обувь.

— Связь, — повторила она. — Правильно.

На самом деле я чувствовал эту связь прямо сейчас. Мне нравилось болтать с ней о религии, нравилось, что она узнавала об этом таким образом, немногие прихожане на такое согласны. Я желал разговаривать с ней вот так весь день напролёт, слушать её, слышать, как её хриплый шёпот перед сном...

«*Нееееет, Тайлер. Плохо*».

Я снова откашлялся.

— Так чем могу помочь, Поппи?

Она подняла церковный бюллетень:

— Я увидела, что завтра блинный завтрак, и хотела бы помочь.

— Хорошая идея, — завтрак стал одним из первых нововведений, осуществлённых мной, как только я пришёл в церковь Святой Маргариты, и отклик был ошеломляющим. Здесь и в соседних Платт-Сити и Ливенворте была деревенская скудность, что гарантировало неизменную потребность в службе, но добровольцев никогда не хватало, и два раза в месяц мы зашивались, проводя его. — Мы были бы очень признательны.

— Отлично, — она улыбнулась, и на её щеке появился намёк на ямочки. — Тогда увидимся завтра.

Я молился прошлой ночью больше обычного. Проснулся на рассвете и сразу же пошёл на более долгую пробежку, чем раньше; после, заходя в свою кухню потным и истощённым, я учуял запеканку, которую испекла Милли.

— Ты тренируешься для марафона? — спросила она. — Если так, то это не выглядит как хорошо проделанная работа.

Я слишком запыхался, чтобы даже возразить на её реплику. Схватив бутылку воды, опустошил её в несколько глотков. Затем я растянулся лицом вниз на холодном кафельном полу, чтобы немного понизить температуру тела.

— Ты же понимаешь, что опасно так бегать в жару, даже утром. Ты должен купить беговую дорожку.

— Мммм, — пробубнил я в пол.

— Что ж, несмотря на это, ты должен принять душ перед завтраком. Пройшей ночью я столкнулась с этой восхитительной новой девушкой в городе, и она сказала, что собирается сегодня помочь. И, конечно, ты хочешь хорошо выглядеть для новенькой девушки, не так ли?

Я поднял голову и посмотрел на неё скептически.

Она толкнула меня в рёбра носочком своей пурпурной туфли, прежде чем переступить через моё тело.

— Я собираюсь пойти в церковь, чтобы помочь замешивать тесто. Поддержу мисс Дэнфорс в обустройстве, если увижу её до того, как ты прибудешь туда.

Она ушла, а я отлепил себя от пола и избавился от своего потного силуэта с помощью бумажных полотенец и чистящего спрея, что заняло всего минуту. И только потом поплёлся в душ.

Это закончилось тем, что было удивительно легко оставаться сосредоточенным на самом завтраке. Всё было настолько оживлённым, что я утром старался обойти каждый стол, чтобы поприветствовать посетивших нас людей. У некоторых из них были дети, которых я мог отправить домой с рюкзаками, набитыми школьными принадлежностями и арахисовым маслом; некоторые из них имели родителей в преклонном возрасте, поэтому я бы мог обратиться к местным работникам по уходу за пожилыми людьми и к благотворительным организациям. Некоторые из них были одинокими и хотели с кем-то просто поговорить — я мог оказать такую незначительную услугу.

Но каждый раз, когда я видел уголком глаз Поппи, улыбающуюся гостям или приносящую новый лоток яиц, трудно было не заметить, что она чувствовала себя как дома в этой среде. Она была по-настоящему добра к посетителям, но также была эффективна, сосредоточенна и в состоянии взбивать яйца с такой скоростью, что Милли объявила её почётной внучкой. Она казалась такой умиротворённой, в отличие от той женщины, которая исповедовалась мне.

Я закончил утро в тесте (моя работа состояла в том, чтобы носить наполненные большие миски к печке) и с обожжёнными пальцами (столько же раз, сколько готовился бекон), но был счастлив. Тогда как я, вероятно, не увижу кого-либо из этих людей на мессе в ближайшее время, мне хотелось бы их встретить снова через две недели, и самым главным было то, что наполненные животы не победили их души.

Я сказал Милли и двум другим бабушкам идти домой и отдыхать, пока я тут уберусь, и не заметив Поппи, предполагал, что она уже ушла. Я напевал себе под нос песенку, когда складывал столы и убирал стулья, затем принялся мыть пол.

— Чем ещё я могу помочь?

Поппи стояла у подножья лестницы, пряча листочек бумаги в сумочку. Даже в тусклом свете подвала она выглядела нереально, слишком необычно и слишком прекрасно, чтобы смотреть на неё дольше нескольких секунд без боли.

— Я думал, ты ушла? — сказал я, перемещая свой взгляд в безопасное место, а именно на швабру с ведром передо мной.

— Я была наверху с семьёй: услышала, как мать упомянула что-то о поздней оплате налогов, и так как у меня образование, связанное с бухгалтерией, я предложила помощь.

— Это очень мило с твоей стороны, — ответил ей, снова чувствуя это ужасное, удушающее ощущение, которое чувствовал вчера, то чувство, когда уходит почва из-под ног, когда я нахожусь рядом с ней; флирт с Поппи ещё хуже, чем сама похоть.

— Почему ты так удивлён тому, что я сделал что-то хорошее? — спросила она, шагнув ко мне. В словах была ирония и шутка, но подтекст был ясен. *«Не считаешь меня хорошим человеком?»*

Сразу появилась защитная реакция. Я всегда считаю людей хорошими, всегда. Но если честно, я был немного удивлён её готовностью помогать. В таком же состоянии я пребывал, когда она рассказала мне о Гаити.

— Потому что ты думаешь, что я одна из тех падших женщин?

Я швырнул тряпку в ведро и поднял взгляд. Теперь она была ближе, достаточно близко, чтобы я мог увидеть небольшое пятно от муки на её плече.

— Я не думаю, что ты падшая женщина.

— Но теперь ты должен сказать, что мы все погрязли в своих грехах в этом падшем мире.

— *Нет*, — осторожно произнёс я. — Я хотел сказать, что люди, которые очень умны и привлекательны, например, как ты, обычно не культивируют в себе доброту, если того не хотят. И да, это меня немножко удивило.

— Ты умный и привлекательный, — выпалила она. Я ухмыльнулся ей. — Прекратите это, Отец, я серьёзно. Уверен, что это не потому, что я умная, привлекательная, состоявшаяся *женщина*, но ты ведь не чувствуешь этого?

Что? Нет! У меня был краткий курс «Исследований женского меньшинства» в колледже!

— Я...

Она сделала ещё один шаг вперёд. Только швабра с ведром были сейчас между нами, но они не могли мне помешать пялиться на её изысканный изгиб ключиц над сарафаном, а там уже и недалеко от её выреза.

— Я хочу быть хорошим человеком, но больше этого хочу быть хорошей женщиной. Неужели невозможно быть безраздельно женщиной и безраздельно хорошей?

Дерьмо. Этот разговор ушёл от налогов в самые тёмные уголки католического богословия.

— Конечно, можно, Поппи, любой человек может стать хорошим, — сказал я. — Забудь сейчас о Еве и яблоке. Посмотри на себя так, как я вижу тебя: абсолютно любимая Божья дочь.

— Думаю, я не чувствую себя любимой.

— Посмотри на меня, — она повиновалась. — Ты любима, — твёрдо заявил я. — Умная, привлекательная женщина, и каждая часть тебя, хорошая и плохая, любимы. Пожалуйста, игнорируй меня, если я напортачил и заставил чувствовать себя по-другому, хорошо?

Она фыркнула после моих слов, а затем печально мне улыбнулась.

— Мне жаль, — сказала она мягко. — Я не хотела задеть тебя этим.

— Ты и не задела. Серьёзно, я единственный, кто должен просить прощения.

Она сделала шаг назад, словно физически не решалась сказать то, что собиралась. А затем выпалила:

— Стерлинг звонил прошлой ночью. Думаю... Это просто выносит мне мозг.

— Стерлинг звонил тебе? — переспросил я, чувствуя раздражение, бывшее далеко за рамками профессионализма.

— Я не ответила, но он оставил голосовое сообщение. Хотела его удалить, но не смогла... — она замолчала. — Он повторил все те вещи, которые говорил раньше: о том, какой женщиной я была, где должна находиться. Он сказал, что кончит для меня снова.

— Он кончит для тебя? Он сказал это?

Она кивнула, в то время как ослепляющая ярость танцевала перед моими глазами.

Поппи, очевидно, заметила это, потому что засмеялась и накрыла своими пальцами мои в том месте, где я сжимал рукоять швабры так сильно, что побелели костяшки.

— Расслабься, Святой Отец. Он приедет сюда, пытаясь соблазнить меня своими историями об отпуске и вине, а потом я его отвергну. Снова.

«Снова... Так это что не в первый раз? Где ты позволишь ему заставить тебя кончить, после чего снова отпустишь?»

— Мне это не нравится, — ответил я и сказал это не как пастор или друг, но как мужчина, который пробовал её недалеко от этого лестничного пролёта. — Я не хочу, чтобы ты с ним встречалась.

Её улыбка осталась, но глаза превратились в холодные осколки коричневого и зелёного. И вдруг я понял, каким оружием она могла бы быть в конференц-зале или в качестве правой руки сенатора.

— Правда? Не думаю, что тебя касается, встречусь я с ним или нет.

— Он опасен, Поппи.

— Ты даже его не знаешь, — огрызнулась она, убирая свою руку с моей.

— Но знаю, насколько опасным может быть мужчина, когда хочет женщину, которую не может заполучить.

— Как ты, например? — сказала она, и от такого жестокого и нацеленного заявления я чуть отшатнулся.

Весь вес подтекста её слов рухнул на нас словно прогнивший потолок: Поппи и Стерлинг — да, но Поппи и я — мой детский пастор и Лиззи.

Люди хотят то, что не могут иметь: история моей жизни.

Без единого слова Поппи развернулась и ушла, шлёпая своими сандалиями по ступенькам лестницы. Я попытался сделать несколько глубоких вдохов и понять, что, блядь, это было.

ГЛАВА 9.

Тук.

Тук.

Тишина.

Тук-тук-тук.

— Прекрати, — пробурчал я, скатываясь с кровати, сон сделал меня медлительным и неуклюжим. — Иду, иду.

Тук-тук-БУМ.

Оглушительный грохот и последующая вспышка света не сделали ничего, чтобы облегчить мою дезориентацию, в результате чего я наткнулся на стол, а его острый угол впился в моё бедро. Я выругался, слепо протягивая руку к футболке (я был лишь в свободных тренировочных штанах), и наощупь проложил свой путь вниз по коридору в гостиную к входной двери. Я как раз достаточно проснулся, чтобы начать осознавать, что кто-то действительно был у моей двери в три часа утра, и это либо офицер полиции, пришедший сказать мне, что Райан в конечном итоге протаранил своей машиной дерево, пока писал сообщение, либо очередной прихожанин, нуждающийся в соборовании (прим.: таинство православной и католической церковью, заключающееся в помазании тела освящённым елеем, одно из семи таинств, служащее по учению православной и католической церковью духовным врачеванием от телесных недугов). По какой-то причине кто-то пришёл к домику пастора, что, вероятно, не очень хорошо, и я подготовился к трагедии, открывая дверь и всё ещё неловко пытаюсь натянуть футболку через голову.

Это была Поппи, промокшая до ниточки, с бутылкой скотча в руке.

Я моргнул как идиот. С одной стороны, после нашего боя этим утром я в буквальном смысле этого слова никак не ожидал среди ночи увидеть у моей двери Поппи, приносящую дары. С другой стороны, она была одета, как я понял, в пижаму — танцевальные шорты и лёгкая футболка с логотипом «Walking Dead» — и дождь её изрядно намочил. На ней не было бюстгалтера, и дождь сделал тонкую футболку почти прозрачной, а её тёмные соски затвердели, их было очень хорошо видно под этой тканью. Как только я это заметил, стало сложно думать о чём-то другом, кроме этой влажной груди, вероятно, с мурашками, а также о том, как хорошо эта прохладная плоть будет чувствоваться под моим горячим языком.

А затем я очнулся, понимая всю сложность ситуации, потому как разрывался между двумя порывами: оттолкнуть её обратно под дождь или поставить на колени, заставляя принять мой член.

«Бегите от юношеского соблазна, — говорилось в Библии, которую мы изучали накануне вечером. — Держитесь праведности». Мне следует закрыть дверь и вернуться в свою постель. Но затем Поппи задрожала, и моя целая жизнь внимательности и вежливости вступила в дело. Я заставил себя шагнуть в сторону, приглашая её этим жестом внутрь.

«Держись праведности», — сказал Тимофей. Но разве эта праведность должна нести бутылку Macallan 12 (прим.: шотландский бренд виски региона Speyside. Является ярким представителем элитного виски в категории single malt выдержанного в хересных бочках; в данном случае выдержка 12 лет) в своей руке? Потому что Поппи это сделала.

— Не могла уснуть, — сказала она, заходя в гостиную, а затем развернулась лицом ко мне.

Я закрыл дверь.

— Я понял, — мой голос был хриплым из-за сна и чего-то в меньшей степени невинного. Как и следовало ожидать, мой член начал твердеть; несмотря на всё, что уже произошло, я ещё не видел её грудь полностью, и сейчас она была намного соблазнительней под этой промокшей футболкой.

Блядь. Я не имел в виду «ещё». Я имел в виду «никогда». Я никогда не собираюсь видеть её грудь. «Прими это», — мысленно отчитал я свой член, отказывающийся успокоиться, вместо этого болезненные и пылкие воспоминания продолжали посылать сигналы моему мозгу о том, как хорошо ощущалась грудь Поппи, когда она изгибалась над церковным роялем.

Её глаза опустились к моим бёдрам, и я знал, что тренировочные штаны не скрывали моих помыслов. Прочистив горло, я отвернулся от неё, направляясь в сторону кухни.

— Не знал, что тебе нравятся «Ходячие Мертвецы», — упомянул я беспечно, скользя рукой по выключателю. Бледно-жёлтые лучи света рассеялись от люстры послевоенного периода, отбрасывая угловатые тени в гостиную.

— Это моё любимое шоу, — ответила Поппи. — Не понимаю, почему ты так удивлён тому, что не знал этого. Мы с тобой знакомы не так давно, и большинство наших бесед заставляли меня рассказывать тебе о моих тёмных секретах, а не о моих предпочтениях в Netflix.

Она подошла ко мне и протянула бутылку скотча, которую я взял, двигаясь по кухне в поисках стаканов и пытаясь подобрать ответ — какой бы то ни было — но в буквальном смысле не мог придумать ни слова.

— Это искупительная жертва, — произнесла она, кивая в сторону Macallan. — Я не могла уснуть и захотела попросить прощения за сегодняшнюю стычку, и мне пришла в голову мысль, что, возможно, виски... — она сделала глубокий вдох, и впервые мой всё ещё затуманенный сном мозг понял, что она нервничала. — Мне очень жаль, что я тебя разбудила, — сказал Поппи тихо. — Я пойду.

— Нет, — на автомате вылетело у меня, мой рот сработал инстинктивно, прежде чем разум смог прервать его. Радостный румянец разлился на её щеках, и что-то щёлкнуло в моей голове, так что теперь я полностью и всецело проснулся. — Иди в гостиную, — скомандовал я. — Зажги газовый камин и садись возле него. Жди меня.

Она без вопросов выполнила приказ, и такой простой жест послушания пробудил старого меня: того, который был известен в кампусе определённым опытом в спальне. Я не мог ничего поделать, потому что это такое прекрасное чувство иметь сговорчивую к своим требованиям женщину, видеть, что такая умная и независимая девушка, как Поппи, позволяет заботиться о ней, доверяет мне выбор правильного для неё направления. А затем я почувствовал себя идиотом. Я вцепился в столешницу, вспоминая свои женские курсы в колледже, монахиню-феминистку в семинарии, обрисовавшую каждый болезненный пример женоненавистничества в истории церкви. Я был свиньёй по многим причинам. Мне нужно было вернуть свой контроль, выйти и сказать, что после выпивки ей придётся уйти. Я буду честен в своей борьбе и надеюсь, она поймёт.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Даже если возненавидит меня за это.

Потому что я заслужил её ненависть.

Но для начала напитки. Если я наслаждался виски, то обычно делал это в одиночестве или со своими братьями, поэтому у меня не было правильных стаканов. В действительности

у меня вообще не было никаких стаканов для напитков. Так что я принёс скотч в двух облупившихся кофейных чашках.

«Веди себя хорошо, веди себя хорошо, веди себя хорошо, — повторял я себе, пока шёл к ней. — Не пытайся её трахнуть. Не фантазируй о её чёртовых сиськах. Будь хорошим пастором».

Я преподнёс ей виски:

— Прости, что в кофейных чашках.

Она ухмыльнулась:

— Но они такие шикарные.

Я закатил глаза, сев в кресло рядом с огнём, и это было плохой идеей, ибо означало, что она будет сидеть у моих ног, лишь усиливая дурные мысли.

«Сейчас или никогда, — приказал я себе. — Ты должен ей сказать».

— Поппи... — начал я, но она перебила.

— Нет, я единственная, кому необходимо извиниться, — ответила она. — Вот почему после всего я сюда пришла, — Поппи склонила голову, встречаясь со мной глазами; огонь переливался на её волосах, показывая, где они высохли небрежными локонами. — Днём я чувствовала себя ужасно. Я облажалась из-за того, что случилось со Стерлингом, и по какой-то причине, когда ты показал свои защитные инстинкты сегодня, меня охватила паника.

«Мы оказались в похожих ситуациях».

— И буду честной, в конце концов, всё-таки я разговариваю сейчас с пастором. Это осложняется тем фактом, что я не могу перестать думать о тебе всё проклятое время, и это убивает меня.

Внутри меня всё охватило огнём, потому что это были первые и последние слова, которые мне хотелось услышать, и от этого я дрогнул.

Она уязвимо опустила глаза, и меня полоснуло словно ножом по рёбрам. Поппи думала, что я отвергал её влечение, отвергал её. Дерьмо, истина была совсем рядом, но не было никакого способа объяснить это, не делая обстоятельства ещё более запутанными, чем они уже были.

— В любом случае, — продолжила она тихим голосом, — мне жаль, что я сорвалась на тебя днём. И ещё прости за то, что случилось в прошлый понедельник. Я воспользовалась тобой. У меня слишком много дерьма в жизни, а теперь я привнесла его и в твою, потому что ты оказался здесь и был добр ко мне.

Я наклонился вперёд, пытаясь найти в себе силы, чтобы сказать то, что должно быть сказано.

— Я очень рад, что ты пришла сюда и попросила прощения, но не то чтобы ты должна была, ибо вина за то, что произошло после твоей последней исповеди, лежит полностью на моих плечах. Но я рад, потому что это значит, что ты понимаешь, почему это не может произойти снова. Я дал обет защищать и уважать Бога, почитая его детей, его агнцев. Ты пришла ко мне за помощью, и вместо этого... — я запнулся не в силах вымолвить и слова. Но жар всё равно продолжал приливать к моему паху, в то время как слова из того дня пронзали мой мозг словно пули баллистический гель. *Киска. Клитор. Член. Освобождение.* Мне не нужно было смотреть, чтобы понять, насколько мои тренировочные штаны были в опасной близости к раскрытию этих мыслей, — ...я воспользовался тобой, — закончил я вместо этого.

Она сжала свои губы вместе:

— Ты *не* воспользовался мной. Да, моя жизнь полна дерьма, происходящего и по сей день, но я личность и способна делать собственный выбор. Я не испорчена, не росла в нелюбви. Я не пустышка для мужчин, имеющих влияние. *Я решила* переспать со Стерлингом. *Решила* позволить тебе вылизать меня. Я хотела это всё, и ты не мог мне запретить. Ты не имеешь права заявлять, что я была не больше, чем сторонний наблюдатель, — Поппи встала, румянец на её щеках появился не только от огня. — Не волнуйся. Я не буду беспокоить тебя своим телом снова. Я буду уважать твой обет и твоё устаревшее рыцарство вместе с ним.

А это больно. На самом деле это чертовски больно, так как я только что пытался призвать все свои постмодернистские, союзнические и феминистические мысли, стараясь подавить ту часть моего разума, которая фантазировала о том, как сделать так, чтобы Поппи ползала голой по полу с чашкой виски на спине.

И вот почему — думаю — я схватил её за запястья и притянул к себе между ног. Она ахнула, но не сопротивлялась. У меня была идеальная высота кресла, чтобы лизнуть её сосок через футболку, что я и сделал. Её руки зарылись в мои волосы, как только она застонала.

— Я думала... Ты сказал... — Поппи извивалась, в то время как я нежно прикусил ниже, а затем снова принялся сосать.

— Ты права, — ответил я, отстраняясь. — Я не должен этого делать.

Она едва заметно опустила своё лицо, но всё-таки кивнула, отступая, но я не мог позволить ей этого сделать, поэтому схватил её за бока и потянул вниз так, чтобы она оседлала моё бедро, её киска тут же начала тереться об меня, прося об освобождении.

— Мне не следовало бы класть тебя поперёк моих коленей и отшлёпать твою попку за то, что бесстыжая маленькая шлюшка пришла сюда без лифчика, — прорычал я ей на ушко. — Мне не следовало бы связывать верёвкой твои запястья и лодыжки, чтобы твоя киска стала полностью открытой, а затем трахать тебя до тех пор, пока ты не сможешь больше ходить. Мне не следовало бы переворачивать тебя задницей вверх и трахать её, пока из твоих глаз не потекут слёзы. Мне не следовало бы отвозить тебя в клуб и трахать в приват-комнате так, что ты нахрен забудешь о Стерлинге, а затем начнёшь выкрикивать только моё имя, — я снова укусил её сосок. — Или имя Бога.

Я засунул два пальца за пояс её шортиков и приспустил их, резинка растянулась и позволила мне увидеть то, о чём я уже подозревал. С возвышения её лобковой кости клитор выглядел как крошечный, мягкий бутон плоти, и он просто нуждался в прикосновении.

— Почему ты пришла сюда ночью, Поппи? — спросил я, обхватив её грудь и тихо простонав от ощущения неподдерживаемого веса в руке. Свою вторую ладонь я по-прежнему держал там, где она была до этого, а сам смотрел на её выбритую киску. — Ты пришла сюда только потому, что хотела извиниться? Или ты пришла среди ночи без лифчика и трусиков, чтобы соблазнить меня? Это же грех, знаешь. Умышленно ведущий другого человека к несправедным действиям или мыслям. Нет, не убегай от меня сейчас.

Она попыталась вывернуться, и я знал, что посылал смешанные сигналы, которые сбивали с толку, запутывали, вводили в заблуждение, но затем я пробормотал:

— Ещё раз. Дай мне ещё раз.

«*Ещё раз что?*» — я задался этим вопросом, как только произнёс его. Ещё один оргазм? Для неё? Для себя? Ещё один шанс? Ещё один намёк, ещё немного, ещё одну минуту, чтобы сделать вид, что ничего не произошло между нами?

А потом я поблел. Было глупо назвать это так — происходящее между нами — как

будто моё влечение к Поппи Дэнфорс значительнее трёх лет обета безбрачия, внезапно столкнувшегося с самой сексуальной женщиной, какую я когда-либо встречал. Словно была какая-то тайная часть меня, которая хотела большего, чем просто трахнуть её: она желала пригласить на ужин, готовить ей завтрак и засыпать с ней в моих руках.

Она смотрела на меня всё то время, что я думал, её ореховые глаза выражали такой же голод, как и её рот, а эти торчащие груди были такими мягкими под её футболкой.

— Эта ночь, — сказал ей. — У нас есть она. А затем мы остановимся.

Поппи кивнула, затем сглотнула, будто у неё пересохло во рту. Я наблюдал за движением её горла.

— Встань на колени, — прохрипел я. Она слезла, подчиняясь, вставая на колени между моих ног и смотря на меня из-под своих длинных тёмных ресниц, которые преследовали мои мысли. — Сними свою футболку.

Она стянула хлопковую футболку через голову и бросила её на пол, а мне пришлось сжать свои находящиеся в штанах руки в кулаки, чтобы не взять её прямо там, потому что, блядь, эти груди были идеальными. Бледно-кремовые с тёмно-розовыми сосками, достаточно маленькими в сравнении с кончиком пальца, но достаточно большие для того, чтобы с лёгкостью я мог взять их в рот. Мне захотелось увидеть, как мой член скользит между этими сиськами, хотелось излить на них своё семя, хотелось почувствовать, как они прижимаются к моей груди, когда я растянусь на ней.

Но не было конца тому, что мне хотелось делать с этим маленьким ягнёнком, всё равно сколько раз или сколькими способами я бы обладал ей. Она создала эту ненасытную яму во мне, зияющую пропасть необходимости, и даже сквозь туман в моей голове я мог увидеть, насколько всё будет разрушительно, если это не остановить.

И мы остановимся в ближайшее время... Но не прямо *сейчас*.

Я спустил пояс моих штанов, чтобы лишь освободить член, и также оставил футболку. Мне нравилось быть одетым, когда я трахался, что всегда и делал. Ничто так не заводило, как голая женщина, мурлычущая у твоих ног или пронзительно кричащая на твоих коленях, когда в то же время ты был одет. (И да, признаю, что облажался с точки зрения феминизма и прочего. Мне жаль).

Её рука переместилась к тонкой ткани между ножек, и сейчас Поппи извивалась, лаская себя.

— Ты оставила мокрое пятнышко на моей ноге, ягнёнок, — сказал я, глядя на своё бедро, где её возбуждение пропиталось сквозь ткань шортиков и моих штанов. — Ты чего-то хочешь?

— Хочу кончить, — прошептала она.

— Но ты можешь заставить себя кончить в любое время. Ты пришла сюда этой ночью, потому что хотела кое-что другое. Что же это?

Она заколебалась, но потом ответила:

— Я хочу, чтобы ты заставил меня кончить.

— Но ты же знаешь, что неправильно просить об этом.

— Я знаю, что неправильно просить о таком... Или хотеть.

Я вздохнул. Это было ошибкой. Всё это такая большая ошибка.

И да поможет мне Иисус, по какой-то причине это выглядело ещё слаще.

— Лизни, — сказал я, указывая на свой член.

Мои руки всё ещё лежали на бёдрах; я не потрудился удержаться от неё. Вместо этого

я сидел и смотрел, как одним длинным движением язычком она провела от основания члена до его кончика. Мои пальцы впились в кресло, я зашипел, когда она сделала то же снова. Я уже и забыл, как слишком хорошо это было, какой скользкий, мягкий и гладкий язык может быть у женщины, как идеально он ощущается, когда следует вдоль чувствительной нижней части моего члена и выводит тонкие круги вокруг короны (прим.: окружность в основе головки полового члена).

Послушный ягнёнок, она не делала ничего больше, просто лизала, её рука всё ещё была между ног, а её глаза смотрели в мои в тусклом освещении.

— Теперь соси, — приказал ей я.

Быстрая вспышка улыбки — улыбки, кричащей о Лиге Плюща, финансовом анализе и вкусе к хорошему шампанскому — а затем её голова стала не чем иным, как копной тёмных волос, подпрыгивающих между моих ног.

Я действительно стонал прямой сейчас. Было ли какое-либо ещё такое зрелище, которое я пропустил? Голова, нетерпеливо двигающаяся между моих ног? Но затем я подумал о том понедельнике в церкви: о ней, склонённой над роялем, и о её киске, единственной в моём поле зрения. О ней, сидящей на мне и потирающей свой клитор о мой член.

Было много представлений, которые я пропустил.

Мои бёдра и ноги практически дрожали от необходимости начать вколачиваться в её рот, и я немного себе это позволил, запустив руки в её волосы и таким образом удерживая её; регулируя движения по своему члену, я начал толкаться вверх бёдрами, пока не достиг задней стенки её горла, содрогаясь, когда скользнул обратно, ведь её губы, зубы, язык и нёбо ласкали меня, доводя до дальнейшего воспламенения. Мой член никогда ещё не был таким твёрдым до этого, уверен в этом, и когда я отстранился от её губ, то от основания до кончика мог увидеть каждую вену на нём, мог почувствовать болезненно припухшую головку.

Вот тогда я и ощутил потребность в её киске. Если это в последний раз, если это действительно так, то я должен действовать. Я имею в виду, что уже и так совершил смертный грех, позволив ей отсосать мне. Разве станет ещё хуже от того, если я ещё раз потрусю об её киску?

Или если я скользну внутрь частично? Это всё ещё не реальный секс, не реальный-реальный, а затем я бы сразу вынул его обратно. Мне просто хотелось почувствовать это один раз. Только однажды.

Дерьмо, я как подросток. И ещё в тот момент я не волновался — с твердейшим членом в мире и с самой красивой женщиной, которую когда-либо видел, стоящей передо мной на коленях с приоткрытым ртом и жаждущей киской.

— Подними свою попку и сядь на стойку, — приказал я. Она поднялась, сняла свои шорты, последовала на кухню (где, к счастью, были закрыты все жалюзи) и запрыгнула на кухонную стойку.

Я медленно приблизился к ней, моя кровь кипела, потому что я знал, что был на самом краю, в точке невозврата, но мне хотелось, хотелось броситься в эту неизвестность, если ею являлась Поппи. Было трудно волноваться о чём-либо ещё.

Я учуял её, как только шагнул к стойке, смесь её возбуждения и чистого мыла с намёком на лаванду. Развёл её ноги в стороны настолько широко, насколько позволяла поверхность, подошёл к ней ещё ближе и притянул Поппи к самому краю так, что, когда я прижался к ней, мой член упирался в её складочки.

Она облизала свои красные губы, когда встретилась с моим взглядом. Облизала их,

словно была хищницей, собиравшейся проглотить меня, но это действовало не так, не на всех, и внезапно я стал одержим мыслью размазать эту красную помаду, по-прежнему остававшуюся идеальной в три часа утра, будто она повторно нанесла её, прежде чем пришла сюда. Да, когда я с ней закончу, этот тщательно нанесённый оттенок будет повсюду, а Поппи будет чувствовать себя отмеченной, взятой.

Я наклонился и поцеловал её в первый раз.

Её губы были мягкими, как я и ожидал — даже намного мягче — но они также были и непреклонными, чего я не ждал, не сразу поддались мне. Если бы у меня не было жизни до обета, я бы, наверное, не понял её неуступчивость. Но у меня был опыт, поэтому я спросил.

— Ты надумала со мной посоревноваться, ягнёнок? — пробормотал в её губы. Она кивнула, затаив дыхание. — Ты хочешь, чтобы я взял это силой от тебя? — ещё один кивок. — Значит, тебе нравится грубость?

Рваный выдох. И затем наконец-то другой кивок. Мой маленький ягнёнок хочет грубо, и что вы думаете, мне хотелось дать ей это.

Мои губы стали безжалостной силой, актом первобытности — актом Бога — я обхватил её затылок так сильно, как только мог, прижав её лицо к своему. Я вдавливал свои бедра в её, потираясь об неё, и использовал свою свободную руку, чтобы заявить права на её грудь, сжав и захватив ту так сильно, что — я знал — она могла чувствовать кончик каждого моего пальца как яркую точку боли. Медленно, ох, как медленно, её рот открылся навстречу мне, и впервые наши языки заскользили вместе, сплетаясь шёлковой нитью и обещанием, я чуть не потерялся в этом прямо там и тогда.

Её рот был жадным, но мой был жаднее, мы боролись друг с другом, кто кого поглотит быстрее, кто возьмёт то, что другой хотел первым, кто возьмёт больше, и вскоре она стала извивающейся фигурой из гладких мускулов и мягких изгибов, её бедра тёрлись об мои, а её руки сжимали мои волосы и царапали мне спину.

Когда наконец — наконец-то — прервался наш поцелуй, я был удовлетворён тем, что её помада в самом деле размазалась. Что соответствовало её потёкшей подводке для глаз и беспорядку на голове, а также соответствовало тому, что Поппи сжимала руками мою задницу как две горячих головешки.

— Мне нужно быть внутри тебя, — сказал я. — Частично. Только чтобы почувствовать это.

— О Боже, — выдохнула она. — Пожалуйста. Это то, о чём я всё время думаю с нашей первой встречи.

— Ты должна сидеть действительно неподвижно, — предупредил я её. — Сможешь сделать это?

Она прикусила свою губу и кивнула, а я взял себя в руки. Не мог поверить в то, что делаю это на кухне своего грёбаного домика священника, не то чтобы это намного хуже пола в церкви. Но с её разведёнными ножками, с ней, практически хныкающей от поцелуя, я не мог себя удержать, даже если бы и попытался. И я определённо не хотел пытаться.

Продолжая поглаживать себя, я прижался головкой члена к её клитору, опускаясь вниз мимо её входа к попке. Она задрожала, давая мне понять, что не имела никаких возражений насчёт этого, и я должен добавить это к тем вещам, о которых точно буду сожалеть, никогда их не имея. Я снова поднялся вверх, потираясь об её киску и клитор. Она отчаянно посмотрела на меня, и мне захотелось поцеловать её прямо в лицо или кончить на него — что-нибудь из этого. После ещё нескольких движений я не мог больше ждать, мне нужно

было это сделать, или же я мог бы умереть на месте.

Я прислонился своим лбом к её, мы смотрели вниз на кончик моего члена, который, прижимаясь к ней, медленно скользнул внутрь. Я остановился, когда головка вошла в неё, а затем замер, мышцы дрожали.

Мы просто смотрели на невероятное зрелище, происходящее внизу: я внутри неё, пастор, вкусивший запретный плод и едва сдерживающий себя от полного его поглощения.

— Какие ощущения? — прошептала она.

— Это чувствуется... — в этот момент мой голос был скорее вздохом. — Это чувствуется словно небеса.

Она была такой тугой, её щёлка сжимала кончик моего члена, и не было никаких слов, чтобы описать, насколько она была влажной, что её скользкая кожа делала со мной, потому что всё это перевернуло моё сознание и мою душу, моё будущее и мою жизнь. Это было ощущение первобытности и примитивности, такое восхитительное, что я был готов убить ради него и убил бы любого прямо сейчас, если бы это означало, что мой член будет внутри этой женщины снова.

Полтора дюйма (прим.: 3,8 см) проклятья, и всё, о чём я мог думать, так это о том, как погрузиться глубже в этот ад.

Она немного подалась навстречу, наверное, не в силах сдержать себя, жадный ягнёнок, и я схватил её за шею, мои ноги дрожали от усилий, чтобы не кончить из-за такого лёгкого движения.

— Оставайся, мать твою, неподвижной, или я кончу раньше, чем хотелось бы, и если это произойдёт, я буду вынужден разложить тебя на своих коленях и шлёпать твою попку, пока ты не научишься слушаться, — сказал я строго.

Моя команда имела предсказуемый эффект, послав мурашки по её рукам. Дыхание Поппи зазвучало громко и резко в небольшой кухне.

— Блядь, — прошептала она. — *Блядь*. Я... Это... Это самое горячее, что я когда-либо делала.

Возможно, это было самое горячее, что и я когда-либо делал тоже, ведь моя жизнь когда-то была наполнена множеством сексуальных поступков возбуждённых женщин, но ни одна из них не была похожа на Поппи.

Красные губы и голубая кровь. И чёрт, это самая развратная женщина, которую я когда-либо встречал в своей жизни.

— Я хочу почувствовать, как ты кончишь вокруг моего члена, — сказал я, мой лоб до сих пор был напротив её, наши глаза были прикованы к тому месту, где мы соединялись. Я никогда в жизни не забуду этого и хочу, чтобы она тоже не забывала.

— Это не займёт много времени, — ответила она, а затем немного хрипло рассмеялась, что заставило её сжаться вокруг меня. Я зашипел, хватаясь за столешницу, чтобы сдержать себя от извержения. — Прости, — прошептала она, а я скользнул рукой между её ножек к клитору и начал тереть его.

— Не шевелись, — напомнил ей, пока мы наблюдали за моей большой рукой, загорелой и мозолистой от всей той работы, которую я делал вокруг церкви; я нажал на её мягкую розовую плоть, пока мы смотрели, как она дрожала вокруг головки моего члена.

— Я пытаюсь не шевелиться, — пробормотала она, и я мог сказать, что Поппи действительно это делала, и также мог сказать, что она хотела увидеть себя кончающей столько раз, сколько я мог ей это дать. Я увеличил силу и темп движения своих пальцев.

— Грязная девчонка, — прошептал я. — Настолько грязная, что позволила мне вставить свой член. Тебе нравится это, быть полностью открытой и действовать вот так? Держу пари, тебе нравятся грязные имена тоже.

— П-пожалуйста, — простонала она.

— Пожалуйста, что, ягнёнок?

Она едва могла говорить прямо сейчас, её голова упиралась в шкафчики позади, её выгнутая спина толкала ко мне её грудь.

— Имена, — выдохнула она. — Мне нравятся... Имена...

Чёрт. Она действительно меня погубит. Смерть от перевозбуждения. Смерть от бесконечной эрекции.

— Ты шлюха, Поппи? — я наклонил голову и взял в рот её сосок, люблю это перекатывание на своём языке, когда сосу его. — Ты точно ведёшь себя как шлюха, заставляя действовать меня таким образом. Ты заставляешь меня нарушать все правила, а я чертовски ненавижу так делать, — направился к её шее, целуя и покусывая ту. — Ты готова принимать его где угодно, не так ли?

— Я... — вздохнула она не в силах закончить, ей и не нужно было, потому что она кончала прямо тогда, её тело извивалось, словно через него проходили волны удовольствия. Снова и снова её киска сжималась вокруг головки моего члена, сжималась и пульсировала; понимание того, что я смог заставить её кончить без глубокого проникновения, сделало меня почти диким.

Она упала в мои руки, как только кончила, положив свою голову мне на плечо.

— Твоя очередь, — прошептала она в мою кожу. Я начал выходить из неё, но она схватила меня за бёдра, останавливая. — Нет. В меня.

— Поппи, — начал я.

— Я на таблетках, — её челюсть сжалась, когда она посмотрела на меня. — Я хочу видеть, как сперма вытекает вокруг тебя. Хочу её в том месте, которому она принадлежит: во мне. Пожалуйста, Тайлер. Если это в последний раз, выполни для меня эту простую просьбу.

Тайлер. Она никогда не называла меня так раньше. И именно там, у основания моего позвоночника, прямо сейчас её грязные слова разожгли это — какая женщина умоляла об этом? Какую женщину это заводило?

Но, честно говоря, я бы согласился на что угодно, не переживая, насколько это было опасно, поэтому кивнул, сжав челюсти.

Она прислонилась к шкафчикам, упёршись пятками в столешницу. От изменения её положения я не вошёл ещё глубже, но от этого она сильнее сжалась вокруг меня, и мой оргазм был на подходе. Она скользнула руками по своей груди, пробежавшись пальчиками по всё ещё твёрдым соскам, сжимая свои груди вместе и потирая их друг о дружку, подчёркивая, какими же, блядь, сочными они были, и почти в то же время ослепляя меня похотью.

Боже, мне необходимо кончить.

Необходимо толкнуться в неё.

Необходимо трахать.

Затем её пальчики переместились к клитору, и она начала поглаживать себя, пальчики другой руки скользили в её ротике туда-сюда, и я, чёрт побери, был парализован, так как эти губы, этот грешный ротик — ротик, который так и просил оттрахать его жёстко, *намного*

жёстче, чем там, у камина. А затем — непослушная девчонка — она начала чуть-чуть двигать своими бёдрами, чтобы подтолкнуть меня к действиям; так мокро, так узко, и вот оно, пронзившее мои яйца и поднимающееся к члену, мы оба наблюдали за тем, как это произошло: мои бёдра дёрнулись, мышцы живота свело, и затем я кончил. Ноги едва выдерживали мой вес, и я практически не мог дышать, когда оргазм проносился сквозь меня, моё первое извержение в женщину за годы, но я заставил себя стоять неподвижно, потому что хотел запомнить этот момент навсегда. Сперма капала, её киска была очень мокрой, а ноги, разведённые в стороны, так и кричали «добро пожаловать». Пульсация наконец — наконец-то — замедлилась, и Поппи положила голову мне на грудь, сделав довольный вздох, в то время как моё сердце забилося быстрее в груди, требуя всё, что оно хотело теперь, надеясь, что будет услышано в моей безудержной похоти.

— Дерьмо, — пробубнил я, прильнув к ней и зарывшись лицом в её сладко пахнущие волосы. — Что ты со мной делаешь?

Мы стояли так какое-то время, ни одному из нас не хотелось, чтобы этому пришёл конец, но затем заработал кондиционер, выдувая холодный воздух над нами, и Поппи задрожала, потому что была по-прежнему голой. Я оставил её сидеть на столешнице, в то время как намочил губку и очистил её тёплой водой, затем помог ей найти одежду и провёл к двери.

— Так я увижу тебя завтра на утренней мессе?

— Поппи...

— Знаю, знаю, — сказала она с грустной улыбкой. — Завтра мы начнём сначала. Целомудренные. Чистые.

— Хорошо, но это не то, что я собирался сказать.

Её брови взлетели вверх:

— Что ты собирался сказать?

Я наклонился, прикасаясь к её губам. *В последний раз. Последний поцелуй.*

— Я хотел сказать спасибо. За скотч и за то... Что только что произошло.

Она моргнула, глядя на меня, а затем закрыла глаза, как только я углубил наш поцелуй, пробуя каждый дюйм её рта, посасывая её с нежностью и любовью, потому как был свиреп с ней ранее. Мне никуда не хотелось двигаться с этого места, я желал попробовать её, дышать воздухом, который мы разделили на двоих, почувствовать её тёплое тело на себе снова, а также делать вид, что не жду цунами вины и покаяния на всю жизнь.

— Спокойной ночи, — сказала она в мой рот.

— Спокойной ночи, маленький ягнёнок, — ответил я.

Шагнув в сторону, я как будто ощутил осколки стекла под ногами, но никак не мог себе помочь, она стояла там с широко раскрытыми глазами и готовая для моей любви, и это был большой инстинкт, чем всё остальное, что привело к отпечатку маленького крестика на её лбу.

Благословение.

И, надеюсь, обещание лучшего.

ГЛАВА 10.

Мой телефон яростно прогудел на стойке.

Сегодня понедельник, прошло два дня после не-совсем-настоящего-секса, и меня не покидала мысль о том, как всего через несколько минут я встречу с Поппи на обеде. Я чистил столешницу, вспоминая о том, какой вид был точно с этого места две ночи назад.

Я даже не пытался отгадывать, что именно говорилось в текстовом сообщении. Ведь его прислал епископ Бове, а мой босс был не только ужасен в переписке, но ещё и на самом деле не был уверен в своих кошмарных смс, поэтому я знал, что он сразу же позвонит, отослав сообщение (чтобы перевести его для меня).

И конечно, мой телефон зазвонил через минуту, музыка из «Ходячих Мертвецов» зазвучала в моей кухне. Обычно я бы промычал пару тактов, обычно был бы более чем счастлив поговорить с грубым, принципиальным человеком, который преобразовывал нашу епархию и боролся за реформы вместе со мной, но сегодня я почувствовал трепет покаяния, словно он уже знал, что я натворил прошлой ночью. Как будто он бы догадался обо всём в первую же минуту, услышав мой голос.

— Привет?

— Ты собираешься на Среднеамериканский конвент духовенства в следующем году? — спросил епископ Бове, сразу перейдя к делу. — Я хочу попасть в комиссию вместе с тобой. И хочу, чтобы ты был там.

— Я ещё не решил, — ответил ему и понял, что мои ладони стали потными, словно меня вызвали в кабинет директора, в чём-то заподозрили или что-то в этом роде. Дерьмо. Если я чувствовал эту нервозность, говоря с ним по телефону, что же тогда будет, увидься я с ним лично?

— Думаю, это наконец-то тот год, когда мы получим комиссию, в которую хотим попасть, — заметил епископ. — Ты знаешь, как долго я настаивал на ней.

Комиссия, которую мы хотели... Комиссия по жестокому обращению. Епископ Бове последние четыре года подавал заявки в организацию переподготовки кадров духовенства, и каждый раз их отклоняли. Но руководство внутри организации поменялось, теперь у руля стояли молодые специалисты, и я знал, что Бове в частном порядке рассказал о его наконец-то полученной спорной комиссии.

Но как я собираюсь находиться в бальном зале отеля, наблюдая за морем священнослужителей, и позволить себе читать им лекцию об опасности заблудшей сексуальности пастора? Я взглянул на свою столешницу, где скользнул в Поппи. Не совсем внутрь. Но этого хватило, чтобы кончить. И заставить её кончить тоже. Я потёр свои глаза, пытаясь избавиться от этого зрелища.

Может ли клятва быть не полностью нарушена? Может ли быть грех частично совершённым?

Точно нет. Пусть об этом даже никто и никогда не узнает, я понял, что разрушил легитимность с собой, и возможно, это было хуже, чем если бы всё произошло публично. Во что я вляпался? Смогу ли когда-нибудь снова позволить себе говорить — проповедовать — вещи, которыми был так озабочен?

— Тайлер?

— Если ты заполучил комиссию, я буду там, — пробубнил я, продолжая тереть свои глаза. Я начал видеть искры.

Ну, это лучше, чем мои грехи.

— Я знал, ты согласишься. Как поживает церковь Святой Маргариты? Как Милли? Она задала жару епархиальному бухгалтеру на прошлой неделе за то, что он поставил не на своё

место твои квартальные отчёты по церковной десятине. Я даже слышал, что она довела бедного мужчину до слёз.

— Здесь всё хорошо, всё действительно идёт хорошо, — лгал я. — Просто готовимся к этому осеннему молодёжному призыву.

И вы знаете, грёбаные надеющиеся новообращённые.

— Хорошо. Горжусь тобой, Тайлер. Я не говорю об этом очень часто, но работа, которую ты проделал в этом городе, не что иное, как чудо.

«*Остановись, — умолял я его молча. — Пожалуйста, прекрати.*».

— Ты проделал работу Христа, Тайлер. Ты пример для подражания.

«*Пожалуйста, пожалуйста, прекрати.*».

— Ну, вынужден тебя отпустить. И комиссия — напишу тебе, как только узнаю.

— Ты уверен в этом?

— Ладно, я *позвоню*. Пока, Тайлер.

Я отключился и смотрел на свой телефон минуту.

Я проснулся, твердя себе, что вчера было моим первым днём новой жизни. Мой целомудренный день. И сегодня должно быть легче. Так почему же у меня такое чувство, будто мои грехи всё ещё следуют за мной? Всё ещё выслеживают каждый мой шаг?

«*Потому что ты не покаялся в них, Тайлер.*».

Я был идиотом. Я должен был сделать это в первую очередь. Я сидел в исповедальне по ту сторону ширмы каждую неделю: почему же мне в голову не пришло искать другую сторону? Искать прощение и ответственность, в которых нуждался каждый человек?

Следующая неделя. Мне бы хотелось поехать в Канзас-Сити в четверг, чтобы посетить своего духовника — человека, с которым ходил в семинарию — а потом я бы поужинал с мамой и папой, и всё стало бы намного лучше.

Я чувствовал небольшое волнение от утешения этим планом. Всё обещало сложиться хорошо.

Поппи пришла вчера на утреннюю мессу и позже разыскала меня, чтобы согласовать наш план по поводу сегодняшнего обеда. Мне хотелось пообедать с ней прямо тогда — или иметь её на обед, я ещё не был уверен — но она улизнула в тот же момент, когда с нашими планами всё решилось, а я томился в обычной толпе засидевшихся после службы копуш. Она что, пыталась держать дистанцию? И если да, то это потому, что она так хотела? Или это сознательное одолжение для меня?

Мысль о том, что это то, как с этого момента мы будем вести себя друг с другом — поделовому и резко — заставила меня чувствовать себя несчастным.

Что было глупо, потому что это всё, чего я хотел — нет, что я должен был хотеть — но не делал. Я хотел обе жизни — ту, где мы бы были верующей и пастором, и другую, где мы бы были мужчиной и женщиной — и каждое мгновение, проходящее без моего рта на коже Поппи, утекало всё больше и больше моей силы воли, пока я не оставался с неудобным осознанием того, что вынес бы какую бы ни было вину и наказание, лишь бы коснуться её снова.

Сегодня эти мысли продолжали затуманивать мой разум, когда я собирал свои вещи и после шёл два квартала к ближайшей винодельне. Я ожидал увидеть её одну, но был приятно удивлён, заметив Поппи, оживлённо беседующую с Милли в винном саду, с откупоренной

бутылкой чего-то белого и охлаждённого на столе.

Поппи помахала мне:

— Я пригласила Милли, надеюсь, ты не против?

— Конечно же нет, — прервала Милли до того, как я смог бы ответить. — Этот парень едва может определить время по часам, не говоря уже о бюджете крупного проекта.

Я притворно нахмурился, глядя на неё:

— В этой сумке у меня, ты знаешь, очень даже упорядоченная стопка стикеров и салфеток из бара.

Милли шумно задышала, словно я подтвердил каждый её тёмный страх. Я взглянул на Поппи, и некоторая незрелая часть меня захотела убедиться, что она смеялась, а затем пожелала высказаться, как чудесно выглядела Поппи. Она была одета в бирюзовые узкие джинсы и достаточно свободную футболку, мягкий тонкий хлопок напомнил мне о той кофте, бывшей на ней тем субботним вечером... Кофту, через которую я ласкал её соски. Волосы Поппи были сплетены в беспорядочную косу и перекинуты через плечо, её глаза казались более зелёными, чем коричневыми, в солнечном свете, что пробивался сквозь лозы винограда, покрывающего беседку, её губы — как всегда — были накрашены красной помадой, но почему она должна выглядеть так охрененно сексуально всё чёртово время?

— Садись, мой мальчик, пока Рислинг (прим.: технический (винный) сорт винограда немецкого происхождения, используемый для производства белых вин) не нагрелся, — сказала мне Милли. — Теперь, Поппи, объясни Отцу Беллу то же, что говорила мне.

Я выдвинул стул из кованого железа и сел, уже потев во время ранней сентябрьской жары. Милли наполнила прохладным вином третий бокал, и я принял его, благодаря за то, что мог смотреть на что-то, помимо Поппи.

— Что ж, — приступила Поппи, — для начала я не знакома с тем, что вы, ребята, делаете для сбора средств или делали в прошлом, так что не хочу задеть чьи-либо чувства или что-то такое.

— Ты не заденешь, — пообещал я ей.

— Но скажи мне, если я это сделаю. Это же твой проект всё-таки.

— Это проект церкви, — ответил я. — И так как ты пришла в церковь Святой Маргариты, теперь и твой проект тоже.

Она вспыхнула небольшим счастливым румянцем, как будто это порадовало её, и, прослеживая пальцем края её iPad, начала говорить. Я вспоминал свои мысли о ней в ходе нашей встречи, ведь она была прирождённым волонтером, любящим помогать. Я видел это в её глазах, когда она говорила: волнение и целеустремлённость.

— Я заметила, что в Вестоне огромное количество сезонных фестивалей, это не является необычным для города типа кровать-и-завтрак, — говорила она. — И ещё я заметила на церковном сайте рекламу того, что ваши двери всегда открыты для посетителей во время этих праздников. Вы когда-нибудь делали нечто большее?

— На самом деле нет, — ответила Милли.

— И сколько гостей у вас обычно бывает?

Я попытался припомнить:

— Три? Четыре?

Поппи кивнула, словно я подтвердил её точку зрения:

— Думаю, фестиваль является прекрасной возможностью для привлечения большего числа благодетелей, если воспользоваться им правильно. Этому зданию более ста

пятидесяти лет, и такой тип очарования старины привлекает людей. Это и пьянка. Итак, вы встанете на тротуаре, жертвуя местным вином и виски из винокурни, но остаётесь в стороне от обычного церковного тарифа со скидками. Они не приходят, чтобы купить книги с рецептами или чётки — они приходят, чтобы *увидеть*. А вы даёте им бесплатную выпивку, так что они чувствуют подсознательную обязанность вам.

Прямо сейчас я мог видеть Деловую Поппи, как эффективно и легко она перечисляла свои доводы, перекаывая стилус между пальцами во время разговора. Я видел богатую девушку из интерната, дипломированного специалиста из Дартмута, женщину, созданную для больших конференц-залов и корпоративных побед.

— Так или иначе вы создаёте церковь, предназначенную для странствующих неподалёку людей. Это первый шаг. Но что ещё более важно, ты достучишься до местных газет и телевизионных каналов Канзас-Сити. Ты вернёшь церковь Святой Маргариты в местную историю, подогрев интерес новостей к ней, а затем расширишь это всё на Twitter и Facebook. Церковь сохраняет традиции Среднего Запада: ты подчёркиваешь особенности — Милли сообщила, *что* ты планируешь воплотить в реальность — сохраняя при этом подлинные окна, восстанавливая оригинальные паркетные полы и ремонтируя старинную каменную кладку. Люди любят такое. А затем следует третий шаг, приравниваемый к нулевому, потому что ты делаешь эту часть, прежде чем вообще что-то начинать: посылаешь всё на Kickstarter (прим.: сайт для привлечения денежных средств на реализацию творческих, научных и производственных проектов по схеме краудфандинга, то есть добровольных пожертвований). Таким образом, когда истории выкладываются и посты пересылаются, существует простая ссылка, на которую люди подписываются. Ты увеличишь сбор средств от площади Вестона до всей конурбации Канзас-Сити (прим.: в настоящее время Канзас-Сити представляет собой конурбацию: объединение двух городов с одним названием, естественной границей между которыми служит река Канзас. Конурбация Канзас-Сити — агломерация, состоящая из пятнадцати округов. Ядром этого «города городов» является Канзас-Сити, Миссури, с которым неразрывно связан Канзас-Сити, Канзас. Поэтому это образование называют конурбацией от лат. «объединение городов»), а возможно, даже намного дальше.

Эта женщина была чертовски умной.

— Так почему же просто не проверить эту штуку с Kickstarter и новостными штуками?

— Потому что, — ответила Поппи, наклонившись вперёд, — ты должен привести толпу людей в церковь, чтобы они увидели своими глазами, узнали историю этого места и его потенциал реставрации. Ты нуждаешься в них, чтобы вернуть в это место и дать новый толчок. Они те, кто станет новым началом и щебетом, кто поможет тебе преодолеть первые тиски инертности, потому что они будут делать вложения в настоящее время, будут тратить своё время и энергию на церковь Святой Маргариты. Они твои последователи. Ты будешь учить их, а затем скажешь: «Идите и поступайте так же».

— Ты читала Библию, — сказал я одобрительно.

Она улыбнулась:

— Немного. Милли пригласила меня на встречу «Приди и Посмотри» на следующей неделе. Эта фраза была на обратной стороне брошюры.

Встречи «Приди и Посмотри» проходили для людей, заинтересованных в присоединении к церкви, и теперь настала моя очередь скрывать свою радостную реакцию. Несмотря на то, что пошло между нами не так, она всё ещё была искренне заинтересована в

изучении веры.

— Думаю, твоя идея звучит потрясающе, — резюмировал я. — Мы просто исчерпали все обычные средства, и думаю, что наш приход — пустая трата денег. С твоих слов всё это звучит так легко: как дорого нам обойдётся бесплатное вино? Как я смогу войти в контакт с людьми из новостей?

Поппи открыла зубами крышку стилуса и начала делать заметки на своём iPad.

— Я позаботилась об этом. Местные винодельни могут пожертвовать вино — это легко. Новости всегда ищут что-то такое, будет немного больше, чем простая отправка электронной почты, чем я и займусь на этой неделе. И ещё создала Kickstarter. Вот увидишь, там мало работы.

— Я бы поспорил насчёт этого, — признался я. — Хочу сказать, что мне бы хотелось сделать это самому, но у меня такое чувство, что там много всего.

— Ну, хорошо, это просто выглядит так, но на самом деле, обещаю, всё по-другому. Особенно если я всё организую — от тебя требуется быть для камер обаятельным и мужественным.

Милли похлопала меня по руке, подбадривая:

— Он хорош в этом. Он наше секретное оружие.

Взгляд Поппи метнулся в мою сторону:

— Да, он таков.

Мы потратили оставшийся час на планирование и решение, какой именно праздник имел больший спрос для сбора средств (Ирландский фестиваль), а также кто и что должен делать (Поппи взяла на себя почти всю работу, но Милли и я согласились быть призваны туда, где будем нужны, и ещё поделились с ней нашими личными адресами электронной почты и телефонными номерами). Затем Милли забралась в свой золотистый Бьюик и проехала две улицы к своему дому, пока Поппи и я возвращались обратно к церкви.

— Я не смогу прийти на исповедь сегодня, — сказала она словно из ниоткуда. — У меня конференц-связь. Надеюсь, это нестрашно.

— Большинство католиков приходят на исповедь один раз в год. Ничего плохого точно не произойдёт, — но всё же я был слегка разочарован. (И конечно, по всем неправильным причинам).

— Я тут размышляла...

— Да? — спросил я с надеждой.

— Это будет звучать глупо. Не бери в голову.

Прямо сейчас мы пересекали главную улицу, переходя от одного тротуару к другому, были слышны шум ветра, пение птиц и гудки машин вдалеке. Мне хотелось сказать ей, что прямо сейчас я готов отдать ей всё, отдавать всё до тех пор, пока мы могли бы оставаться в этом умиротворённом пузыре ранней осени навсегда, только мы двое, листья и свежее тепло, что делало настолько лёгким чувствовать себя любимыми Богом.

Но я не мог произнести это. Поэтому мне пришлось сказать другое:

— Не думаю, что ты способна задавать глупые вопросы, мисс Дэнфорс.

— Ты не должен судить, Святой Отец, пока я не спрошу, — сказала она голосом, в котором прозвучал и смех, и вздох.

— Я католик. Судейство — моя сущность.

Это принесло мне настоящий смех. Поппи посмотрела на кирпичное здание церкви, когда мы подошли к ней, а затем гордо расправила плечи, словно решила на что-то.

— Вот в чём дело. Я хочу сделать это... Эти Божьи дела. Думаю, может, это первый выбор, кажущийся правильным с тех пор, как я уехала из Дартмута. Но у меня нет никакой основы, чтобы даже задуматься о религиозной жизни. Я знаю, что должна присутствовать на мессе и читать Библию, всё это кажется настолько простым. Но молиться... Я чувствую себя глупой. Неуклюжей. Я никогда не делала этого раньше и не уверена, что делаю всё правильно, — она повернулась ко мне. — Поэтому я предполагаю, что хотела бы знать, не мог бы ты мне помочь с этим. С молитвой.

Я хотел сказать ей, что молитва не была никаким тестом, что Бог не будет осуждать за то, насколько хорошо или красноречиво ты молишься, даже если сидишь в тишине. Это мы, католики, создали все те молитвы, чтобы избежать именно такую проблему. Но затем подул ветер, бросая прядь её волос ей на лицо, и я, не задумываясь, протянул руку, чтобы заправить выбившийся локон обратно за ушко Поппи, тогда как её глаза медленно закрылись от моего прикосновения. И блядь, блядь, блядь, что я собирался сказать?

— Сегодня вечером, — произнёс я. — После того, как уйдёт мужская группа. Приходи, и мы поработаем над этим.

ГЛАВА 11.

После мужской группы я задержался в своём офисе, чтобы захватить чётки и небольшую брошюру, содержащую основные молитвы, затем пошёл в святилище, зная, что Поппи, вероятно, прибудет заблаговременно.

Но я точно не знал того, что она будет стоять прямо перед алтарём, глядя на крест, залитый поздним сумеречным светом, льющимся сквозь окна и окрашивающим её в тёмные, благородные тона сапфирового, изумрудного и малинового. Не знал, что её плечи будут слегка сотрясаться, создавая впечатление, будто она плачет, и также не знал, что все двери и окна будут закрыты и тем самым запрут внутри пьянящий аромат ладана.

Я остановился, приветствие на моих губах замерло от спокойствия и важности этой тишины.

Бог был здесь.

Бог был здесь, и Он говорил с Поппи.

Я чувствовал каждый поцелуй воздуха на своей коже, пока шёл к ней, слышал каждый её выдох и, когда достиг её, увидел, как мурашки покрывали руки Поппи, как слёзы катились по её щекам.

Существовали тысячи слов, которые я должен был сказать, но не мог позволить себе прервать этот момент. Кроме того, его на самом деле нельзя было прервать, потому что я чувствовал себя приглашённым в это, словно был его частью, и я сделал единственное, что считал правильным в тот миг: обнял её.

Она откинулась на меня, её глаза по-прежнему были прикованы к кресту, а я просто держал Поппи в своих руках, потому что мы оба позволили этому моменту нависнуть над нами и окунуть нас в угасающий свет и тишину. Тени поползли по полу и сошлись вокруг наших ног, секунды перетекали в минуты, и мы постепенно — медленно-медленно — придвигались ближе друг к другу, пока каждый дюйм её спины не прижался ко мне, пока мой нос не зарылся в её волосы, а её руки не обвились вокруг моих.

Её близость и близость божественного — всё это было в то же время эйфорией,

блаженством, и я, опьянённый ею и Богом, был почти ошеломлён этим, ощущая одновременно и то и другое. И перед лицом этой сверхъестественной встречи не было места ни для вины, ни для самокритического анализа или упрёков. Существовало только здесь и сейчас, а затем Поппи повернулась в моих руках, наклонив своё лицо к моему.

— Ты тоже это ощущаешь? — спросила она.

— Да.

— Это всегда вот так для тебя?

Я покачал головой.

— Возможно, раз в неделю. Иногда дважды. Я знаю таких людей, как мой наставник, которые ощущают это каждый раз, и таких, например, как мой епископ, которые никогда этого не чувствуют.

— Это прекрасно.

Теперь стало совсем темно, и не было ничего, кроме всевозможных теней, но даже во мраке следы слёз блестели на её лице.

— Ты прекрасна, — прошептал я.

Мы разговаривали приглушёнными голосами; воздух ощущался по-прежнему густым вперемешку со святостью и близостью. А я должен был чувствовать себя нечестивым за то, как веду себя с Поппи пред лицом Бога, но наша неопалимая купина (прим.: горящий, но не сгорающий терновый куст, в котором Бог явился Моисею, пасшему овец в пустыне близ горы Синай. В христианстве Неопалимая Купина — один из ветхозаветных прообразов, указывавших на Богородицу. Эта купина знаменовала собою непорочное зачатие Богородицы Христа от Духа Святого) тиши этой комнаты казалась всё более правильной, словно это было самое прекрасное, что только можно было сделать: держать Поппи в своих руках и смотреть на её лицо.

Я скользнул своим пальцем под её подбородок и, удерживая её лицо под углом к моему, наклонился достаточно для того, чтобы наши носы соприкасались друг с другом. Прямо сейчас я мог бы поцеловать её. Может быть, я должен поцеловать её прямо сейчас. Возможно, это был промысл Божий, чтобы в конечном итоге свести нас вместе здесь — одних в этом святилище — и заставить посмотреть правде в глаза, что это было намного больше, чем дружба, это было намного больше, чем просто похоть. Это было чем-то необузданным, настоящим, неоспоримым, и оно не собиралось куда-то исчезать.

Теперь она дрожала рядом со мной, её губы раскрылись в ожидании, и я позволил себе ступить на тончайшую грань, касаясь губами кожи в дюйме от её рта и опуская свою руку на нижнюю часть её спины. Мы были настолько близко к друг другу, что разделяли одно дыхание на двоих в буквальном смысле, наши сердца бились в одном и том же головокружительном ритме.

Несмотря на уже произошедшее между нами, этот момент ощущался более интимно, более уязвимо, чем что-либо другое, разделённое нами до этого. Всё остальное уже произошло, пока я делал вид, что Бог не смотрит, но это — теперь нет места притворству. Священное и нечестивое смешались и приняли нечёткие границы, растворились и превратились в нечто новое, целое и исключительное; и если любовь была такой, то я не знаю, как кто-либо мог выдержать вес всего этого.

— Я не могу остановить себя, прости, — произнёс я одновременно с Поппи.

— Я пыталась держаться от тебя подальше.

И затем я её поцеловал.

Я снова скользнул своими губами по её, просто чтобы ощутить мягкость её кожи, а после впился в рот Поппи всерьёз, медленно и глубоко пробуя её на вкус, пока не почувствовал, что её колени подогнулись и небольшое хныканье вырвалось из задней части её горла.

Я целовал её до тех пор, пока на периферии зрения не увидел звёздочки, пока не смог вспомнить о времени, когда мы не целовались, пока не смог почувствовать, где заканчивается мой рот и начинается её. Я целовал её до тех пор, пока мы не почувствовали, будто обменялись чем-то: возможно, обещанием, или соглашением, или кусочками нашей души. И когда я наконец отстранился, ощущал себя возрождённым, новым человеком. Крещение поцелуем, а не крещение водой.

— Ещё, — умоляла она. — Ещё.

Я поцеловал её снова, но на этот раз с голодом, с необходимостью, и я мог сказать, что она сделала небольшие вдохи в мой рот, что её пальцы вцепились в ткань моей рубашки, что она зашла настолько далеко со мной, насколько и я с ней; и я больше никогда не хотел останавливаться, не хотел, чтобы это закончилось.

Но рано или поздно всё должно было закончиться.

Когда мы оторвались друг от друга, она отстранилась и обхватила себя руками, немного дрожа из-за холодного воздуха кондиционера. Облака снаружи разошлись, пропуская серебристый луч сквозь окна, и мы были в сказочном бассейне светящейся луны. Ощущение Бога всё ещё присутствовало, но не как внешнее давление, а как искры изнутри, будто божественное просочилось в мою кровь. Я ощутил лёгкое головокружение и упивался им.

— Я устала, — сказала Поппи, хотя она не звучала слишком устало, больше ошеломлённо. — Думаю, мне необходимо пойти домой.

— Я провожу тебя, — предложил я.

Она кивнула, и вместе мы оставили это таинство позади, как будто по дороге к дверям храма мы уходили от того, что только что произошло.

— Это было невероятно, — пробормотала она.

— Мне говорили, что я хорошо целуюсь.

Она толкнула меня в плечо:

— Ты же понимаешь, что я имела в виду.

Теперь мы были в нартексе (прим.: пристройка перед входом в храм, от греч. *νάρθηξ* — ларчик, шкатулка; располагается с западной стороны и изнутри полностью открыт в основной объём храма.), но я не мог выбросить из головы образ того, как она стояла перед крестом, такая открытая и восприимчивая к опыту, который большинство людей наотрез отказались бы принять.

— Поппи, я должен спросить. Что-то случилось, из-за чего ты пришла в церковь? Ты ходила в неё в детстве и теперь решила вернуться?

— Что?

— Это выглядит так... — я подбирал правильные слова, пытаюсь выразить, насколько хорошо воспринимаю её интерес. — Думаю, это изумительно, что ты бросилась в омут с головой. Просто не каждый готов на такое.

— Это ощущается более последовательно с моей стороны, — сказала она, когда мы вышли на улицу. Я соблюдал безопасное расстояние между нами, пока мы спускались по каменной лестнице с холма, на котором примостилась церковь. — Мою семью нельзя назвать религиозной — на самом деле никто из наших знакомых не был верующим. Думаю,

они всегда относились с сомнением к этому, как и ко всему, что могло вызвать в людях такое рвение, считали это в лучшем случае неловким. Опасным в худшем. Полагаю, я всегда была немного более открытой ко всему. В колледже я ходила со своей подругой в её буддийский храм почти каждую неделю и на Гаити работала бок о бок с миссионерами. Но всего этого не было до того дня, когда я пришла на исповедь и стремилась к чему-то такому только для себя.

— Что заставило тебя вернуться назад после?

Она запнулась:

— Ты.

Я переваривал информацию, пока мы не достигли нижней части лестницы и не пошли к лесопарку, находящемуся между церковью и её домом. Это было освещённое фонарями и лунным светом место. Я прочистил горло, гадая, изменит ли мой вопрос что-то, но всё же решил задать его:

— Я в качестве священника? Или я в качестве мужчины?

— И то и другое. Думаю, всё слишком запутанно.

Теперь мы шли молча — рядом, но не вместе — наши мысли были заняты красотой того момента в святилище и тем, каково целоваться, пока наши души полыхают в огне.

Блядь. Всё это запутало и меня тоже, за исключением той части беспорядка, начавшей уменьшаться и разъясняться, но я беспокоился, что на самом деле всё было наоборот, что я забывал то, о чём обязан помнить.

Как о моём обещании стать лучше.

— Я хочу держать тебя за руку прямо сейчас, — резко сказал я. — Хочу обвить своей рукой твою талию и прижать ближе к себе.

— Но ты не можешь, — тихо произнесла она. — Кто-то может наблюдать.

Мы были в саду позади её дома.

— Я не знаю, что делать дальше, — ответил я честно. — Я просто...

У меня буквально не было слов. Я понятия не имел, что мне делать, чтобы объяснить, какие чувства к ней питаю, что думаю по поводу своей службы и обязанностей и по поводу готовности отказаться от всего лишь потому, что хочу поцеловать её снова. Я хотел держать её чёртову руку в этом вечернем парке.

Она посмотрела на звёзды.

— Я тоже желаю, чтобы ты мог держать мою руку, — она вновь вздрогнула, и я мог видеть, как от вечерней прохлады напряглись её соски; твёрдые, маленькие вершинки так и просили, чтобы их пососали.

Сладкие чувства прошлых нескольких минут начинали сливаться с другими: низменные чувства устремились к моему тазу. Потребовалась каждая унция моего самообладания, чтобы не прижать её к забору и снова не поцеловать, рывком не сорвать с неё штаны и не трахнуть её прямо на улице, где каждый мог увидеть.

— Я хочу увидеться с тобой снова, — сказал я тихим голосом. Тут не было никакого ошибочного смысла, и она сдвинулась, сжимая свои бёдра вместе.

— Это... Я хочу сказать, должны ли мы...

— Не думаю, что меня это больше волнует, — ответил я.

— Как и меня, — прошептала она.

— Завтра.

Она покачала головой.

— Мне нужно поехать в Канзас-Сити по кое-каким делам клуба: мы переходим на новую бухгалтерскую программу. Но я вернусь в четверг вечером.

Хотелось громко застонать, но мне удалось сдержаться.

— Это же три дня, если считать этот, — сказал я.

Она положила пальцы на защёлку задних ворот.

— Проходи, — произнесла Поппи. — Давай немного повеселимся этой ночью.

— Уже поздно, — ответил я. — И мне нужно больше времени на то, что я задумал.

Она медленно выдохнула, и её красные губы приоткрылись, показывая мне эти два передних зуба и крошечный проблеск языка за ними.

Я оглянулся, чтобы убедиться, что мы были действительно одни, а затем схватил её за руку, открыл защёлку и потянул Поппи в сад. Прижал её к заросшей решётке, затем развернул так, чтобы её попа упиралась в мою эрекцию. Положил одну руку на её рот, а второй расстегнул её джинсы.

— Три дня слишком долго, — сказал я ей на ушко. — Я просто хочу быть уверен, что у тебя не будет проблем с этим.

После я скользнул своими пальцами вниз по её животу, забираясь под её шёлковые трусики. Она простонала в мою руку.

— Шшш, — произнёс я. — Будь хорошей девочкой, и я дам тебе то, чего ты так жаждешь.

Она заскулила в ответ.

Боже, я любил её киску. Я никогда не чувствовал ничего мягче, чем кожа у неё между ног, и — *блядь* — она была такой влажной. Настолько мокрой, что я действительно мог стянуть эти джинсы и взять то, что так желал, прямо здесь, прямо сейчас. Но нет. Она заслуживает лучшего.

Не то чтобы я не фантазировал об этом, когда впервые получил её.

Я начал тереть её клитор, обводя его жёстко и быстро и наслаждаясь тем, как она извивалась напротив моей руки. Я знал, это было больше напряжённо и быстро, чем комфортно, но ещё знал, что ей нравилось смаковать этот крошечный-крошечный кусочек боли с удовольствием.

— Я мог бы делать это весь день, ягнёнок, — сказал ей я. — Люблю, забираясь в твои джинсы, играть с твоей киской и заставлять тебя кончать. Тебе это тоже нравится?

Она кивнула, её неровное дыхание у моей ладони. Она уже близко.

— В четверг вечером, — добавил я, почти ощущая, что парил вне своего тела, слушая себя со стороны. Но я был за пределами беспокойства или, точнее, за пределами места, где заботился об имеющих значение правилах, — я хочу быть с тобой. Хочу тебя трахнуть. Но только если ты этого тоже хочешь.

Она снова кивнула, жадно, отчаянно.

— Я не могу ждать, — мой голос был хриплым прямо сейчас. — Не могу ждать, чтобы оказаться внутри тебя. Почувствуй меня. Почувствуй, насколько я твёрд от одной только мысли об этом, — я упёрся членом в её задницу, и она вздрогнула напротив меня: мои слова и жёсткий член толкнули её через край. Она издала небольшой всхлип, который заглушила моя рука, и наконец-то кончила, расслабляясь возле меня.

Я держал свою руку в её трусиках в течение минуты или двух, наслаждаясь тем, как она выглядела и как это чувствовалось, а затем с неохотой убрал ладонь и застегнул ширинку на её джинсах. Я облизал свои пальцы, когда Поппи повернулась ко мне лицом, её глаза сияли,

а щёки пылали даже в темноте.

— Иди в кровать, Поппи, — сказал я, когда увидел протестующее выражение её лица из-за моего ухода. — Увидимся в четверг вечером.

Это ударило меня как тонна очевидных — размером с поцелуй — кирпичей, когда следующим утром я повторял по памяти мессу: я влюбился в Поппи Дэнфорс.

Мне не хотелось просто отчаянно трахать её. Я не был всего лишь безумно счастлив, пытаясь помочь ей обрести веру. Я был окончательно и бесповоротно на пути к тому, что влюбиться в неё.

Спустя месяц.

Глупый, глупый, глупый.

И теперь, когда её нигде поблизости не было, я обнаружил, что моя навязчивая идея вышла из-под контроля, как будто наркоман, требующий дозы.

Я представил себе её голос, наполняющий храм после Роузена и пожилых женщин, покинувших утреннюю мессу. Я представил себе её лицо и растрёпанную косу в то время, пока изучал копии страниц из Библии для следующей мужской группы. Я поймал себя на том, что начал гуглить фото Дартмута и Ньюпорта вместо того, чтобы тщательно просматривать форумы «Ходячих мертвецов». Я даже (жуть, знаю) загуглил её семью, пролистывая фото элегантных людей на изысканных благотворительных мероприятиях и наконец обнаружив её старый снимок со своего рода благотворительной акции для политиков. Её и нескольких привлекательных людей, которые, вероятно, были её родителями, братом и сестрой: её отец — седовласый и широкоплечий, а её мать стройная и изящная. Её брат и сестра одеты в такую же дорогую одежду, их лица с похожими высокими скулами.

Я нажал на картинку, чтобы разглядеть каждого из них и увидеть увеличенное лицо Поппи. Она была очевидно моложе, хотя и не слишком — возможно, двадцать лет — и было видно, что она явно чем-то недовольна. Когда все остальные блистали своим богатством, счастливо улыбаясь в камеру, Поппи же с трудом удавалось сжать губы, а её глаза были направлены за объектив камеры, словно она была поглощена чем-то, что доступно лишь её взору.

Волна нежелательной ревности и подозрений тотчас зародились в моей груди. Она смотрела на Стерлинга? Это выглядело так, словно он был каким-то небольшим секретом, о котором знал только я. Или, может быть, она просто смотрела на призрак своего личного несчастья, безрадостного будущего, расшифрованного в рассадке гостей и меню?

Я думал о том фото весь оставшийся вечер, даже настраиваясь для молодёжной группы. Я также думал о *ней* — о встрече с ней в четверг — и каждые несколько минут ловил себя на мысли, что улыбаюсь без какой-либо на то причины, за исключением того, что желал увидеть Поппи снова.

Сегодня в молодёжной группе мы говорили о том, как Иисус был искушён в пустыне, и с прошлой недели произошёл драматический поворот: я чувствовал полную отстранённость от стихов. Я не был в пустыне... Я был в месте, где шумела зелёная листва и мчалась чистая вода.

Что изменилось? Мне было интересно. Между прошедшей неделей и этой, между вчера и сегодня?

Всё случилось прошлой ночью. Это молитва, магия, аромат её волос. Поцелуй, скрывавший нечто, что было выше физического и духовного. Они больше не были изолированы и разделены, а стали едины... И вместе с тем познание её перешло от сбивающего с толку к чертовски удивительному. Потрясающему. Не в *простом* смысле этого слова, а в том смысле, что это наполняло меня благоговением.

Она наполнила меня благоговением. Она заставила меня видеть мир с обновлённым чувством изумления, где каждое дерево зеленее, каждый угол острее, каждое лицо более приятное и готовое помочь.

Это не значило, что моя вина исчезла полностью. Я метался от иллюзий до упрёков, наказывая себя большим количеством пробежек, отжиманий, работы по всей церкви, проводя часы в молитвах и в поисках ответа.

Почему Бог привёл Поппи ко мне, если я не должен был влюбляться в неё?

Было ли действительно настолько страшно для Божьего человека заниматься сексом? Протестанты делали это в течение половины тысячелетия и не казались обречёнными попасть в ад больше, чем католики.

И было ли неправильно желать то и другое? Я хотел возглавлять эту церковь, помогать людям познать Бога. Но, чёрт побери, я хотел и Поппи тоже и не считал, что было справедливо, что я должен был выбирать.

Бог не ответил. Какая бы магия ни царил в храме последние пару недель, она скрылась от меня, и в некотором смысле это был его ответ.

Я должен был выяснить это лично.

ГЛАВА 12.

В четверг я был таким беспокойным, будто был зверем в клетке.

Я пытался смотреть Netflix, пытался читать. Мой дом был идеально чистым, а газон покосенным. Я мог сфокусироваться исключительно на Поппи. На том, что увижу её сегодня вечером.

В итоге я сдался и пошёл в свою комнату. Сел в кресло возле кровати и расстегнул джинсы. Весь день я ходил с полустояком, и лишь мысли о мастурбации — в чём я отказывал себе последние три года — было достаточно, чтобы я кончил. Я сделал пару движений, пока мой член не встал по стойке смирно, и вспомнил, как влажная щёлка Поппи чувствовалась вокруг меня. Я откинулся на спинку кресла, моя челюсть была сжата, когда я наконец-то сдался и потянулся к своему телефону.

Она ответила после второго гудка.

— Алло? — этот голос. Он был хриплым даже по телефону.

Я обернул руку вокруг своего члена и медленно поглаживал себя.

— Где ты?

— В клубе, — я мог слышать, как она двигалась, словно ища укромное местечко для разговора. — Но я почти закончила. Что происходит?

Я колебался. Боже, это было так охрененно глупо, но мне хотелось услышать её голос в своём ухе, когда я это делал.

— Я твёрдый, Поппи. Чертовски твёрдый, так что не могу трезво мыслить.

— Ох, — сказала она. А затем в её голосе отразилось понимание. — Ох, Тайлер, ты

что...

— Да.

— Как? — спросила она, и я снова услышал, как она передвигалась, а затем как закрылись двери. — Где?

— В своей комнате. Со спущенными джинсами.

— Твои ноги разведены в стороны? Ты лежишь или сидишь? — её вопросы были пронизаны желанием и голодом. Это заставило меня усилить хватку.

— Я откинулся назад. И да, мои ноги широко расставлены. Это заставляет меня думать о том, как ты стояла на коленях между ними и сосала меня.

— Я хочу сделать это снова, — мурлыкала Поппи, и я каким-то образом знал, что она тоже касалась себя. — Хочу лизнуть тебя от основания до кончика. Я хочу взять тебя глубоко в рот.

— Я хочу этого тоже.

— Ты используешь всю свою руку или только пальцы?

— Всю руку, — ответил я, поглаживая себя сейчас в полной мере, желая, чтобы Поппи была здесь.

— Подожди, — сказала она, затем последовало несколько секунд тишины. Мой телефон внезапно завибрировал. — Тебе пришло сообщение, — коротко добавила Поппи.

Я отвёл телефон от лица и чуть не упал в обморок. Она прислала мне фото, где её пальчики ласкали её киску.

— Ты чертовски грязная, — заверил я.

А затем пришёл другой снимок, этот был сделан под углом, поэтому я мог увидеть её чёрный высокий каблук, упирающийся в край стола.

Святое дерьмо.

— Я могу слышать тебя, — произнесла она. — Я слышу, как твоя рука ласкает член. Боже, хотелось бы мне это увидеть.

— Мне бы тоже хотелось, — сказал я, и мне удалось дотянуться до своей камеры и включить видео — всё это я делал одной рукой, потому что не мог замедлиться.

— Я такая мокрая, — заверила она. — И такая аморальная. Я сейчас в кабинете босса — ммм — у меня всё такое скользкое; хочу, чтобы это был твой член вместо моих пальчиков, хочу этого так сильно. Я надела сегодня эти шпильки, зная, что позже оберну их вокруг твоей талии.

Я держал образ её каблуков и киски в своей голове, когда позволил её словам творить чудеса. Моя кульминация прошла сквозь меня, и я толкнулся в свою руку, громко застонав, как только сперма хлынула из моего члена, а затем, выдохнув, пробормотал «блядь», пока оргазм медленно отступал.

— Я люблю тебя слушать, — донёсся её голос из динамика телефона, — твои звуки. Я думала о них прошлой ночью, когда играла с собой в номере отеля.

— Непослушная девочка, — я отослал ей видео. — Теперь твоя очередь проверить сообщения.

Последовала пауза, а потом, как только она включила видео, я услышал безошибочные звуки собственной мастурбации и уловил свой стон, эхом разнёсшийся по кабинету её босса.

— О мой Бог, — прошептала она, и было предельно ясно, что это я звучал сейчас из динамиков. — Чёрт, Тайлер. Это так... Если бы я была там, слизала бы всё до последней капельки.

— Если бы ты была здесь, то всё бы ушло в твою тугую киску, — рыкнул я.

— Иисус, — простонала она. А затем: — Да, — за которым последовали маленькие хриплые стоны, вернувшие мой член к жизни. И, наконец, тишина, перемежавшаяся с громким вздохом и скрипом стула, когда Поппи садилась.

Я услышал щелчок, выключив динамик.

— Тайлер?

— Да?

Улыбка слышалась в её голосе.

— Звони в любое время.

Я каким-то образом сумел пережить остальную часть дня, бегая до тех пор, пока не мог думать, и без особого энтузиазма систематизируя материалы для заявки епископа Бове в комиссию, в то же время нетерпеливо поглядывая на часы (и заглушал чувство вины, собирая заметки о сексуальном грехе).

Около семи часов вечера мой телефон завибрировал:

«Я дома. Хочешь, чтобы я пришла к тебе?»

Я ответил сразу же:

«Встречу тебя в церкви».

Вечер четверга был единственным на неделе без каких-либо мероприятий, групп или продолжающегося изучения Библии, поэтому церковь пустовала. Был ещё довольно ранний вечер, чтобы уйти спать, и я нуждался в правдоподобной причине консультации или финансовых вопросов в том случае, если кто-то увидит Поппи, которая входит в церковь. Было бы немного сложнее объяснить её ночной визит в одиночестве в пасторский дом.

Я незаметно проскользнул внутрь через заднюю дверь и практически бегом направился по коридору в нартекс (прим.: пристройка перед входом в храм; располагается с западной стороны и изнутри полностью открыт в основной объём храма), где главный вход был заперт. Я повернул затвор, открывая дверь, а за ней уже стояла Поппи в коротком красном платье, в чёрных туфлях на высоком каблуке, с красными губами и готовая для меня.

Сначала я хотел быть нежным, чтобы разделить побольше тех глубоких, сладких поцелуев, оставлявших нас ошеломлёнными и потрясёнными, но это платье и эти каблуки...

Нахер нежность.

Я схватил её за запястье и потянул внутрь, едва найдя время, чтобы запереть дверь до того, как прижать Поппи к поверхности и накрыть своим ртом её губы. Я скользнул руками под её попку и поднял её так, что она была зажата между деревом и моим пахом, которым я тёрся об неё, пока мы целовались.

И это был тот самый момент, когда я обнаружил, что она без нижнего белья.

— Поппи, — позвал я, прерывая наш поцелуй и опуская руку вниз между нами. — Что это?

— Я же говорила тебе, — ответила она, пытаясь совладать с дыханием. — Ты сделал меня сегодня грязной. И мне пришлось их снять.

— Таким образом, ты провела остальную часть дня в чём мать родила?

Она кивнула, прикусывая свою губу.

Я оттолкнулся от стены, по-прежнему удерживая её, и понёс Поппи в святилище, используя свою спину, чтобы открыть двери. Она обвила ноги вокруг моей талии, и это было так естественно, так хорошо держать её в своих руках, что мне никогда не хотелось бы отпускать её.

— У меня неприятности? — спросила она немного застенчиво.

— Да, — прорычал я, покусывая её шею. — Много неприятностей. Но сначала я собираюсь нагнуть тебя и точно определить, насколько плохой ты была.

Мой план заключался в том, чтобы взять её в своём кабинете, но я не мог ждать и пяти минут, чтобы дойти туда; мне едва удавалось держаться, чтобы не расстегнуть свои джинсы и не трахнуть её прямо здесь. Я мог бы перегнуть её через скамью, но хотел, чтобы она была в состоянии собраться и контролировать себя. Рояль стоял на другом конце церкви, но алтарь... Священный каменный стол церкви находился всего в паре шагов от нас.

«Прости меня», — подумал я, а затем бережно поднял Поппи по низким ступенькам. Я опустил её вниз и развернул лицом к алтарю, радуясь её идеальному росту в этих каблуках.

— Алтарь, — пробубнила она. — Я твоя жертва сегодняшней ночью?

— Хочешь быть ею?

В ответ на это она положила руки плашмя на алтарную ткань, изогнув спину и выставив вверх округлые формы своей попки.

— Ох, очень хорошо, ягнёнок, но недостаточно, — я положил руку на её спину и надавил, наблюдая за тем, как подол платья медленно полз вверх по её бёдрам, когда она нагибалась вперёд. Я давил до тех пор, пока её щека не прижалась к алтарю, а затем взял её запястья и вытянул их над её головой. — Не двигайся ни на дюйм, — прошептал я еле слышно ей на ухо.

Затем отправился в ризницу, где нашёл опояску (прим.: также известна как цингулум и является длинной верёвкой, как шнур с кистями или перекрученными концами, завязывается вокруг талии на внешней стороне альбы. Цвет может быть белым или может варьироваться в зависимости от цвета литургического сезона). Когда я вернулся обратно в апсиду, Поппи всё ещё была в том же положении, в котором я её и оставил, что приятно удивило меня. Я вознагражу её за это позже.

Я быстро завязал белую верёвку вокруг её запястий и рук, думая о молитве священников, которую они должны были проговаривать, завязывая свои опояски. «Препояшь меня, о Господь, вервием чистоты и погаси в сердце моём пламя вожделения, дабы добродетели воздержания и целомудрия пребывали во мне...»

Обёрнутая вокруг запястий, связавшая эту женщину моей страстью, опояска послужила противоположной цели: не погасить ничего. Всё моё тело было в огне для неё, пламя уже лизало каждый дюйм моей кожи, и единственный способ погасить его — глубоко — по самые шары — погрузиться в её сладкую киску. Я должен был чувствовать себя плохо из-за этого.

Должен.

Я сделал шаг назад, чтобы полюбоваться своей работой: положением её рук, вытянутых вперёд и связанных друг с другом, будто под властью молитвы; положением чёрных каблуков, которые вонзились в ковёр; положением её попки, выставленной напоказ и бывшей полностью в моём распоряжении.

Я вернулся к Поппи, задирая подол её платья одним пальцем:

— Это демонстрирует ужасно много, ягнёнок. Знаешь насколько?

Она взглянула на меня поверх своего плеча:

— Да, — ответила она. — Я могу чувствовать лёгкий ветерок на себе...

Я преклонил колени позади неё, как тогда после её исповеди, но на этот раз только для изучения. Подол платья действительно прикрывал то, что того требовало, и малейшее движение вверх показало бы нежно-розовую бороздку её щёлки.

— Почему ты надела это платье сегодня, Поппи?

— Я хотела... Я хотела, чтобы ты меня трахнул в нём.

— Такая неприличная. Но не настолько неприличная, какой бываешь в общественных местах и на работе со своей выставленной напоказ голой киской, — я встал, затем провёл рукой вверх по её бёдрам, захватывая пальцами мягкую ткань и поднимая её выше. — Что, если бы ветер вдруг задрал твоё платьице? — я ласкал её попку, пока говорил. — Что случилось бы, если бы случайно ты скрестила ноги, а кто-то бы смотрел на это под прямым углом?

Голос Поппи вышел приглушённым из-за её руки:

— Раньше я раздевалась за деньги. Меня это не заботит.

Удар.

Она сделала глубокий вдох, а я наблюдал, как красный отпечаток моей руки проявился на её заднице, такой ясный даже при тусклом вечернем освещении.

— Это заботит меня, — сказал я. — Ты знаешь, каким чертовски ревнивым я стану, если другой мужик увидит тебя вот такой? Как я ревную тебя к Стерлингу?

— Тебя не должно волн...

Удар.

Она задрожала, а затем изменила свою позу, чтобы подтолкнуть свою задницу ближе к моей руке.

— Знаю, — ответил я ей. — Дело не в этом. Я не использую твою прошлую жизнь против тебя. Но это... — я позволил своей руке скользнуть вниз, чтобы ладонью обхватить её киску, которая стала горячей, припухшей и влажной, — нынче вечером я забираю. Делаю своей. И она же превращает тебя в плохую девчонку, бывшую из-за неё сегодня такой безумной, — я снова шлёпнул Поппи, и она простонала в свою руку. — Не знаю, что такого в тебе, — продолжил я, придвинувшись к её уху, — но ты пробудила во мне грёбаного пещерного человека. Посмотри на меня, Поппи.

И она сделала это: один прекрасный глаз цвета ореха приоткрылся над её связанной рукой. Я притронулся к её киске, и та была настолько скользкой напротив моей ладони, что потребовалась вся моя сила, чтобы не показать, насколько диким меня сделало то, что Поппи могла заводиться от порки и подчинения. Но я должен был поставить именно эту галочку, урегулировать последний вопрос, потому что не хотел попасть в феминистский ад, находящийся на первом месте среди других, на которые я уже был обречён.

Я снова сжал её киску, а Поппи изо всех сил старалась удержать свой взгляд на мне.

— Поппи, я... Я хочу быть таким с тобой. Грубым. Собственником. Но ты должна мне сказать, что это нормально, — я положил голову ей на спину, а затем заскользил своим лицом к её шее. — Скажи мне, что это нормально, Поппи. Скажи эти слова, — Боже, этот запах лаванды, и её шелковистые локоны у моей щеки, и ощущение её влажной киски, пульсирующей в моей руке. — Просто... Блядь.

— Да, — произнесла она, и её голос был настойчивым, чётким, громким. — Да, пожалуйста.

— Пожалуйста, что? — мне было необходимо убедиться. Ибо то, что я желал сотворить с этой женщиной... Левит (прим.: третья книга Пятикнижия (Торы), Ветхого Завета и всей Библии; в талмудической литературе чаще именуется «Торат коханим» («священнический устав»), посвящена религиозной стороне жизни народа Израиля) даже не приблизился к охвату числа всех тех способов, которыми я хотел осквернить её.

Вместе с нуждой я мог слышать в голосе Поппи улыбку:

— Тайлер, ты именно то, что я хочу. Используй меня. Будь грубым. Оставляй отметины, — она замолчала. — Пожалуйста.

Это было всё, в чём я нуждался. Я поцеловал её в затылок, а затем выпрямился, чтобы снова шлёпнуть её по попке, сразу после чего растёр отпечаток для успокоения пылающей кожи.

— Встань и развернись, — приказал я, и она тотчас исполнила.

Одного взгляда на её лицо было достаточно, чтобы кончить, ибо она выглядела так, словно была готова сделать что угодно — что угодно — лишь бы быть оттраханной, и в моей голове было много идей того, чего бы мне хотелось сотворить с ней.

Но сначала.

Я развязал её запястья, поцеловав неглубокие бороздки, оставленные верёвкой, а затем потянулся к ней и расстегнул платье. Оно упало к её ногам, оставив Поппи абсолютно голой, за исключением её шпилек. Я минуту глазел на неё: на созревшие слезинки её груди, достаточно больших, чтобы их сжать, и достаточно маленьких, чтобы поддерживать свою форму. На её гибкий живот, худенький и мягкий, немного округлый; на такие бёдра, в которые можно впиться своими пальцами. На обнажённый треугольник её киски — совершенно гладкой — и на неотразимый изгиб её попки.

— Я только сейчас поняла, что ты без... — она указала на своё горло.

— Выходной день, — мой голос был хриплее, чем я ожидал.

Я завёл руку за свою шею и захватил ткань футболки, через голову стаскивая ту со своего тела и наслаждаясь тем, как губы Поппи приоткрылись, а рука скользнула ко рту, пока она пялилась на меня. Я расстегнул ремень, протащил кожу через петли моих джинсов и бросил его на пол. Затем скинул туфли и снял джинсы.

Обычно я любил оставаться хотя бы частично одетым во время секса, но мне хотелось преподнести ей это — мою наготу — в качестве подарка. И хоть это и эгоистично, но я желал чувствовать каждый дюйм её кожи на своей. Это мой первый трах за три года, и я ничего не собирался упускать.

— Иди сюда, — произнёс я. — Становись на колени.

Она исполнила приказ, встав передо мной на колени, скрестила позади себя лодыжки, тем самым дразня меня этими каблуками, и теперь мне стало слышно её дыхание.

— Сними их, — сказал я, указывая подбородком вниз на свои чёрные боксёры-брифы (прим.: представляют собой обтягивающие трусы в виде шортов, гибрид трусов-боксёров (англ. boxer shorts) и трусов-брифов (англ. briefs)).

Поппи повиновалась, нетерпеливо сдёргивая их с моих бёдер, а я застонал, когда моя эрекция наконец-то оказалась на свободе. Она прижала мягкие красные губы к шелковистой коже моего члена.

— Дай мне сосать тебя, — выдохнула она. — Дай мне заставить тебя почувствовать

себя лучше.

Я приложил свой большой палец к её губам, провёл им вдоль нижней из них, оттянув ту вниз, чтобы открыть шире её рот.

— Сиди спокойно, — приказал ей, а затем направил свой ствол в её ждущие уста.

Святое дерьмо.

Святое дерьмо, это чувствуется так хорошо.

Такое происходило только в субботу, но я уже забыл, что рот этой женщины похож на кусочек неба, тёплый и влажный, с этим щёлкающим, порхающим язычком, танцевавшим вдоль нижней части моего члена.

Я запустил руки в её волосы, портя любую прелестную укладку, бывшую у неё, и медленно потянул назад, смакуя каждую секунду того, как её губы и язык целовались с моей кожей. Затем я скользнул внутрь снова, но на этот раз не так мягко, мой взгляд метался от её губ к каблукам, к её руке, кружившей на клиторе, пока я медленно трахал её ротик.

Она не сводила своих глаз с моих, вглядываясь в меня через длинные, тёмные ресницы, и я вспомнил обо всех тех моментах, когда они меня чертовски отвлекали, и о тех случаях, когда хотел её трахнуть (а затем отшлёпать её сладкую попку, от которой я был без ума).

Я усилил хватку в её волосах. Я хотел жёстче, хотел заставить её плакать, хотел вколачиваться в неё, пока не достиг бы точки, когда едва смогу сдерживаться, чтобы не выстрелить ей в горло.

— Готова? — прошептал ей, по-прежнему желая соблюдать осторожность и получать согласие. Но затем она раздражённо застонала, будто была недовольна тем, что я снова спрашивал. — Плохой ягнёнок, — сказал я и грубо вонзился в её рот.

Было слышно, что она начала задыхаться, когда мой член достиг задней части её горла, но я дал ей всего минуту до того, как начал толкаться снова и снова. Я знал, что длиннее и толще большинства мужчин и что меня сложнее принять, но не собирался давать ей поблажку, только если она сама не попросит об этом, не после того выпада.

— Тебе нравится быть плохой? Тебе нравится, когда я тебя наказываю?

Ей удалось кивнуть, её слезящиеся глаза смотрели на меня в этом искреннем, отрешённом порыве, и я знал, что это правда.

Клянусь.

— Ты сводишь меня с ума.

Она улыбнулась вокруг моего члена, и, блядь, я должен быть прощён за все эти грехи, потому что Святой Петр сам бы не смог отвергнуть такую женщины. Я ещё несколько раз толкнулся в её рот до тех пор, пока не почувствовал хорошо знакомый узел в животе, но затем я вытащил свой ствол, моё дыхание было рваным от усилий, потребовавшихся мне, чтобы не кончить на её прекрасное лицо.

Вместо этого я использовал свой большой палец, чтобы вытереть глаза Поппи, испачканные теперь макияжем и слезами. Слегка размазанную помаду я оставил так, как было.

На самом деле было слишком заманчиво поцеловать, облизать и укусить её, поэтому я поднял Поппи и смог осуществить это, когда понёс её к алтарю. Её губы припухли от моего натиска, но всё же были такими уступчивыми к моему поцелую, такими восхитительно мягкими. Я застонал ей в рот, когда она, проскользнув мимо моих зубов, попробовала мой язык, и после этого прижался к ней ещё плотнее. Жёстче и сильнее, и я едва мог дышать, целуя эту женщину.

Я усадил её на алтарь, но не прервал поцелуй, поглаживая её груди и бёдра. Было, чёрт возьми, практически невозможно остановиться, но я достиг точки, где мало что имело значение, за исключением проникновения в неё, поэтому я отстранился.

— Ложись на спину, — сказал я, разрывая наш поцелуй и держа свою руку на её затылке, чтобы она случайно не ударилась.

Алтарь был длинным, а Поппи не была высокой женщиной, поэтому смогла комфортно расположиться, даже оставив свободное пространство. Я провёл рукой по её животу, обходя заднюю часть алтаря и таким образом находясь лицом к святилищу, как если бы начинал обряд причастия (прим.: заключается в освящении хлеба и вина особым образом и последующем их вкушении. Согласно апостолу Павлу, при этом христиане приобщаются Тела и Крови Иисуса Христа (1Кор. 10:16, 1Кор. 11:23–25); также «Евхаристия»). За исключением того, что вместо Тела и Крови Христа, расположенных передо мной, у меня была Поппи Дэнфорс.

Я пробежался кончиком носа вдоль её челюсти — ох, так медленно — и вниз по её телу, любя то, как ненасытно она выгибалась и льнула к моему прикосновению.

Она была для меня пиром — складочки, и впадинки, и мягкие изгибы — а такое обладание ею было словно первый — мощный и инстинктивный — глоток воздуха после всплытия на поверхность воды, и мне было плевать на все грехи, которые совершались мной в данный момент, я собирался упиваться этим каждую минуту.

Я покусывал внутреннюю сторону её бёдер. Кружил языком по каждому дюйму её киски. Мял её груди своими грубыми руками, пока она хныкала, куснул впадинку её пупка, пососал каждый её сосок, пока она извивалась на алтаре. Я брал поцелуи от неё, нежели делился ими с ней. Я скользнул пальцами в её щёлку, но не для того, чтобы заставить Поппи почувствовать себя хорошо, а для того, чтобы я смог насладиться ощущением влажности на кончиках моих пальцев.

Мне было известно, что она получала удовольствие от всего этого, и, пока Поппи со мной, я хотел заставлять её кончать часто и сильно. Когда я ласкал, и трогал, и вдыхал её запах, и питался её вздохами? Всё это было для меня.

И после, когда закончил получать то, что хотел, когда был настолько твёрд, что не мог мыслить здраво, я взобрался к ней на алтарь, встав на колени между её разведённых ног.

Я ждал ничтожные доли секунды, ждал громоподобно сошедший голос Бога, ждал такого же небесного вмешательства, как было тогда, когда Авраам связал своего единственного ребёнка и был готов к жертвоприношению. Но этого не произошло. Здесь была лишь шепчущая Поппи с трепещущей грудью:

— Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...

Я не знал, как кто-то мог так бесчувственно оттолкнуть Поппи: будто простую женщину, всегда желавшую такое, будто не более, чем шлюху, родившуюся в теле дебитантки. Потому что прямо сейчас, когда её глаза потемнели, а кожа пылала, она была самой священной вещью, которую я когда-либо видел. Чудо из плоти, ожидающее мою плоть, чтобы соединиться с ней.

— Ты поистине прекрасна, — произнёс я и провёл пальцем по её челюсти. Потом потянулся к её руке, переплетая наши пальцы. — Что бы ни случилось после этого, я лишь хочу, чтобы ты знала, что это того стоит. Ты этого стоишь. Ты стоишь всего.

Она открыла рот, затем закрыла его снова, словно не могла найти нужные слова. Одинокaя слеза покатилаcь вниз из уголка её глаза, и я наклонился над ней, чтобы забрать ту

поцелуем.

— Тайлер... — начала Поппи, но, поцеловав, я заставил её замолчать.

— Просто послушай, — сказал я, опускаясь между её бёдер. Она вздрогнула, как только головка моего члена прижалась к её входу. — Это, — проговорил я и частично толкнулся в неё, едва способный дышать, настолько тугой она была вокруг меня, — это твоё тело.

Я наклонил голову и заключил нежную кожу её шеи в плен своих зубов.

— Это твоя кровь, — прошептал я ей на ушко.

Я вошёл в неё полностью, и она вскрикнула, в то время как её спина выгнулась над алтарём.

— Это ты, — сказал ей и пустому святилищу я, — это ты, отдавшаяся мне.

После мы оставались в том же положении, впитывая новое ощущение друг друга, ощущение моих бёдер, прижатых к её мягкости, ощущение её тугого — тугого — канала вокруг меня. Я волновался, что кончу, просто пребывая в таком состоянии, просто находясь внутри.

Но затем я заметил, как она прерывисто дышала и кусала свою губу, и понял, что Поппи приспособилась к моему размеру. Я едва мог поместиться, и что ещё хуже, это чувствовалось охеренно хорошо.

Господи, я был таким мудаком. Я недостаточно её подготовил, и часть меня находила это настолько горячим, что едва ли у меня получилось обращаться с ней так, как это обязан делать хороший мужчина. Мне было необходимо наклониться и несколько раз прикусить её шею и плечи, чтобы заставить себя успокоиться, ведь я хотел лишь вколачиваться в неё, словно она была маленькой куклой для траха, изливаться в неё, словно больше ничего не существовало, за исключением её киски.

Но нет, не таким должен был быть наш первый раз. Я говорил ей, что хочу быть грубым, но того, что мне смертельно сильно хотелось дать ей, было чертовски слишком много, и я не мог спокойно подвергать моего ягнёнка такому.

Наконец слегка овладев собой, я наполовину вышел, потянулся вниз и принялся потирать её клитор, размышляя над тем, что нужно слезть с неё и всё завершить другим способом, который бы не причинил ей боль. Она поймала мою руку.

— Нет, — произнесла Поппи. — Перестань быть хорошим парнем. Я тебе сказала, чего желаю. А теперь дай мне это.

— Но я хочу, чтобы ты тоже этим наслаждалась.

— Я буду, — ответила она, её глаза были большими, распахнутыми и воодушевлёнными. — Дай мне то, чего я хочу, Тайлер. Я хочу этого. Пожалуйста.

Мой член дёрнулся, я застонал от её слов и медленно погрузился в неё. Мои бёдра и руки дрожали из-за подавленной потребности, но я не мог быть таким парнем, я не хотел быть им, парнем, использующим женщину для своих нужд и при этом не доставляющим ей удовольствия. Поппи сказала, что хочет этого, и знаю, что спросил у неё и получил разрешение, но она до сих пор не знала, каким грубым я могу быть, как далеко могу зайти.

Она обвила мою шею руками и приподнялась к моему уху.

— Как я могу подтолкнуть тебя к черте? Хмм? — она пошевелилась подо мной, и я втянул воздух, ведь внезапное движение после покоя было почти чрезмерным. — Как могу заставить тебя разорвать меня на части?

Ну, дерьмо.

— Я могу заверить, что это то, чего ты хочешь, — продолжила Поппи, мурлыкая мне в

ухо. — Я могу чувствовать твою дрожь. Сделай это. Просто выйди и войди со всей дури. Разве это не будет ощущаться хорошо?

Блядь, да, ещё как. Это ощущалось настолько хорошо, что я делал это снова и снова, сомкнув глаза и выдыхая медленно и неровно. Каждый раз, когда толкался в неё, я опускался напротив её клитора и выходил постепенно, чтобы задевать точку G; некий галантный голос говорил мне убедиться, что она кончит, остальная же часть меня сражалась с ним и умоляла бездумно её трахнуть.

— Куда делся тот человек, который отшлёпал меня? — спросила она. — Куда делся тот трахавший моё горло мужчина, пока из моих глаз не потекли слёзы?

Мои глаза оставались закрытыми, но теперь я их открыл, встречаясь с ней взглядом.

— Я не хочу сделать тебе больно, — ответил я, мой голос стал грубым от усилий быть сдержанным. — Я слишком о тебе забочусь.

— Тайлер, — взмолилась она. — Ты делал это раньше со мной.

— Не так.

— Посмотри, — распорядилась Поппи, — посмотри вниз на нас.

Я исполнил приказ, выйдя из неё по самый кончик, и это стало ошибкой, потому что видеть место, где мы соединялись, было так горячо, так первобытно, что это чувство будто взобралось по моему позвоночнику, и я даже не знаю, что это было — похоть, любовь, биология или судьба — но моя попытка благородства провалилась, и зверь внутри меня взял верх.

— Прости меня, — пробормотал я, а затем врезался обратно.

Она застонала от неожиданности, а я опустил своё тело на неё, поддерживая себя лишь с помощью предплечий, наших грудин и животов, прижавшихся друг к другу, мои бёдра вдавливались во внутреннюю поверхность её. Приковав её таким образом, я вколачивался в неё снова, и снова, и снова, неоднократно хороня себя в этой бархатной киске.

— Больше, — простонала она, и я дал ей это.

Было слышно, как её туфли слетели и упали на пол, а алтарная ткань соскальзывала, пока я вбивался в Поппи со всей силы, но меня это не заботило: я потерял себя, потерялся для неё, для мира и всего остального, за исключением её бормотания, пронзительных криков в моём ухе и влажного влагалища подо мной.

Это было прекрасно, я трахал совершенство, мне было неинтересно ничего, кроме моего члена, заполняющего эту женщину моей спермой, и почему, чёрт возьми, я ощущал себя так охрененно хорошо?

Я даже не знал, что именно говорил, пока вколачивался в неё: «Иисус, пожалуйста», и «прости меня», и «ты такая тугая», и «я должен, я должен, я должен».

И она тоже произносила в ответ слова, которые сопровождалась вздохами, стонами и пытением: «вот так», и «сильнее», и «близко, я уже близко».

Глубже, я должен был войти ещё глубже, даже осознавая, что это уже физически было невозможно, но затем я приник к её роту, целуя Поппи с неким ожесточением, и яростью, и благоговением. Мы оба могли едва дышать, но отказывались останавливаться, и я трахал её, всё время чувствуя, как она напрягалась, изгибалась и наконец расслабилась подо мной. Она дёрнулась, вскрикивая в мой рот, её ногти прочерчивали красные линии боли вниз по моей спине — мы благополучно достигли её оргазм вместе, потому что она была дикой штучкой, одержимой женщиной, которая походила на тигрицу подо мной, но я продолжил объезжать её, а потом вот оно, вот оно, вот оно, я продолжал целовать её, когда вонзился в

последний раз и кончил.

Мучительно я кончил.

Каждое подёргивание моего члена было похоже на дрожь моей души, каждый мускул напрягся и сжался, будто меня пнули в живот. Я во всех отношениях был настолько голым перед этой женщиной: с моих нервов будто содрали кожу, сердце было широко открытым, а моя вечная душа будто находилась прямо рядом с вжавшимися бёдрами, толкающими мой член и сперму, теперь бывшую повсюду, стекавшую на белую алтарную ткань, и да, именно поэтому Церковь хотела, чтобы брак и секс шли рука об руку, потому что сейчас я чувствовал себя женатым на ней, как мужчина может быть женат на женщине.

Я сделал несколько последних толчков, отдавая свою кульминацию и самого себя до последней капли, затем приподнялся на руках, чтобы посмотреть на Поппи сверху вниз.

Она пресыщенно улыбнулась и сказала:

— Аминь.

ГЛАВА 13.

Я вошёл в ризницу и вышел с небольшим прямоугольником белой ткани, пурификатором. Он обычно используется для протирания чаши причастия после каждого глотка вина.

Сегодня я использовал его, чтобы очистить Поппи.

Вы могли подумать, что занятие сексом на моём алтаре и использование священных предметов, как правило, предназначенных для ритуалов высшего порядка, означают, будто я не воспринимал свою веру всерьёз, будто проскользнул прямо мимо греха в святотатства, но это неправда. Или, по крайней мере, не вся правда. Я не мог это объяснить, но каким-то образом это *всё* было святым: алтарь, реликвия внутри и мы на вершине. Я знал, что за пределами этого момента должно быть чувство вины. Там будут последствия. Там будут воспоминания о Лиззи и всё то, за что я хотел бороться.

Но сейчас — с ароматом Поппи на моей коже, с её вкусом на моих губах — я чувствовал лишь связь, любовь и обещание чего-то яркого и красочного.

Закончив вытирать Поппи, я завернул её в алтарную ткань, бережно отнёс к краю лестницы и сел. Я сжал её в объятиях, касаясь своими губами её волос и век, бормоча слова, которые, думал, Поппи должна слышать: какой она была прекрасной, ошеломляющей и совершенной.

Хотел бы я сказать, что *сожалею*, даже если мой разум и душа по-прежнему кружились в ошеломлённом удивлении от всего произошедшего, однако не уверен, должен ли просить прощения из-за того, что потерял контроль и был так груб с ней, или из-за того, что мы вообще занимались сексом.

Но я не сожалел. Потому что *этот* момент заслуживал согрешения больше, нежели случившийся секс, который изменил нас. Этот момент, когда она, положив голову на мою грудь и умиротворённо дыша, свернулась в моих руках. Когда алтарная ткань покрывала её тело длинными, ниспадающими складками, но проблески её бледной кожи всё же проступали.

Поппи провела пальцами вверх по моей груди, задержавшись на ключице, и я обнял её крепче, словно мог вжать её прямо через свою кожу в самую душу.

— Ты нарушил свой обет, — сказала она в итоге.

Я посмотрел на неё; она была такой сонной и грустной. Я прижался губами к её лбу.

— Знаю, — наконец-то ответил я. — Знаю.

— Что теперь будет?

— А что ты хочешь, чтобы было?

Она подмигнула мне:

— Хочу снова тебя трахнуть.

Я засмеялся:

— Как сейчас?

— Да, как сейчас.

Она перекрутилась в моих руках, пока не оседлала мои ноги, и одного глубокого поцелуя хватило, чтобы я вновь стал твёрдым. Я приподнял её и ввёл себя в неё, тихо постанывая ей в шею, пока она опускалась обратно.

Знакомые ощущения снова накрыли меня. Теплота и влажность. Её попка против моих бёдер. Её груди были так близко к моему рту.

— Что ты хочешь, чтобы произошло дальше, Тайлер? — спросила она, и я не мог поверить, что Поппи спрашивала меня об этом *сейчас*, пока объезжала меня, но потом, когда попытался ответить, я понял причину. Она не хотела мою сдержанность, так как желала, чтобы я был честным и грубым; в данный момент я и не мог быть каким-то другим.

— Не хочу прекращать происходящее между нами, — признался я. Она двигала своими бёдрами назад и вперёд, а я уткнулся лицом в её груди, чувствуя, насколько быстро моя кульминация приближалась, очень быстро. — Я чувствую, словно...

Но я не смог сказать. Не сейчас, когда она держала меня полностью в своей власти. Просто было слишком рано, не говоря уже о том, что смехотворно.

Пастор не может позволить себе влюбиться.

Мне не позволено влюбляться.

Её пальчики скользнули в мои волосы, и она потянула мою голову назад так, чтобы смотреть на меня.

— Я скажу это, если ты не хочешь, — ответила она.

— Поппи...

— Я хочу знать о тебе всё. Хочу, чтобы ты рассказал мне, что думаешь о политике, и хочу, чтобы ты читал для меня Священное Писание, и хочу вести разговоры на латыни. Я хочу ежедневно трахаться с тобой. Я фантазирую о том, как мы двигаемся в унисон, как проживаем каждый момент вместе. Что это, Тайлер, если не...

Я закрыл её рот своей рукой и в одно мгновение перевернул на спину, врезаясь в неё.

— Не говори этого, — приказал я ей. — Не сейчас.

— Почему? — шепнула она, её глаза были распахнуты, и в них читалась боль. — Почему нет?

— Потому что, если ты скажешь это, если я скажу это, всё изменится.

— А разве уже не изменилось?

Она была права. Всё изменилось в тот момент, когда я поцеловал её в присутствии Бога. Всё изменилось, когда я нагнул её над тем роялем. Возможно, всё изменилось тогда, когда она шагнула в мою исповедальню.

Но если я люблю её... Если она любит меня... Что это значило для всей моей работы здесь? Я не мог крутить тайный роман и продолжать бороться с сексуальной

безнравственностью духовенства, но, отказавшись от своего призвания, я потерял бы возможность бороться вообще. Я потерял бы того человека, которым являлся.

Другой же путь подразумевал потерю Поппи, а я не был к этому готов. Поэтому вместо ответа на вопрос я вышел, перевернул её и толкнулся в неё сзади, пока другой рукой обхватил её бёдра и нашёл клитор. Всего три или четыре таких же удара, и она была там, будто я знал об этом; чем агрессивней я действовал, тем быстрее Поппи кончала.

Я последовал за ней через край, распевая её имя как молитву и всё время изливаясь, как если бы мог вытрахать будущее и его ужасные варианты.

Ох, Боже, я бы всё отдал за то, чтобы это стало правдой.

— Я всё ещё не могу поверить тому, насколько чистый твой дом, — сказала Поппи.

После приведения в порядок Святилища мы прокрались в домик священника и теперь лежали в моей постели. Я перебирал её волосы с увлечением, граничащим с благоговением, и поклонялся этим длинным тёмным локонам, закручивающимся вокруг моего пальца и задевавшими мои губы. Мы вели ленивую постельную беседу, переходя от рассуждений о «Ходячих мертвецах» и обсуждений любимых текстов на латыни к приглушённым рассказам обо всех случаях, когда нуждались друг в друге весь прошлый месяц.

Я собирался снова её поцеловать, когда она произнесла это, поэтому довольствовался тем, что скользнул рукой под простыни и вместо этого нашёл её грудь.

— Я люблю, когда вещи чистые.

— Думаю, это замечательно. Просто нечасто наблюдаешь подобное у таких мужчин, как ты.

— Как я? Пасторов?

— Нет, — она придвинулась ко мне и улыбнулась. — Молодых. Очаровательных. Хорошо выглядящих. Ты был бы фантастическим бизнесменом, знаешь ли.

— Мои братья — бизнесмены, — сказал я. — Но я никогда не интересовался этой сферой; никогда не хотел денег, успеха или власти. Я любил старые вещи: древние языки и ритуалы. Боги.

— Думаю, я могу представить тебя подростком, — произнесла Поппи задумчиво. — Уверена, ты многих девушек сводил с ума: горячий, спортивный и начитанный. А также невинный.

— Нет, я не всегда был невинным, — мгновение я обдумывал пояснение, но мы только что обменялись кое-чем столь интимным, почему я утаивал это от неё? Лишь потому, что это было угнетающим?

Внезапно мне захотелось поделиться. Я хотел, чтобы она знала каждую тёмную вещь, которая тянулась за мной, хотел показать ей все мои тяготы и позволить ей снять их с моих плеч с помощью искусного ума и сострадания.

Я сдвинул руку с её груди и скользнул пальцами по её рёбрам, придвигая Поппи ближе ко мне.

— Днём, когда я нашёл свою сестру, — проговорил я, — стала одна из суббот мая. Случилась сильная гроза, но, даже если бы был дневной свет, вокруг царил полумрак будто в ночное время. Лиззи взяла машину Шона, чтобы добраться домой из колледжа — оба учились в КУ (прим.: Канзасский университет — государственный исследовательский университет США, крупнейший в штате Канзас) — и вот так она приехала домой на

выходные. Мои родители взяли Эйдена и Райана на обед, и я думал, что они забрали и Лиззи тоже. Я проспал, а когда проснулся, дом уже был пуст.

Поппи ничего не сказала, но прижалась ближе, что придало мне храбрости.

— Была яркая вспышка света, затем раздался грохот, словно взорвался трансформатор, и электричество вырубилось. Я пошёл за фонариком, но проклятые батарейки сдохли, поэтому мне нужно было спуститься в гараж, чтобы взять их. Мы жили в старом доме в Бруксайде, поэтому гараж располагался отдельно. Я должен был пробежаться под дождём, а когда добрался туда, сначала там было так темно, и я не увидел её... — Поппи нашла мою руку и сжала её. — Батарейки были у меня, и это была такая удача, что молния сверкнула как раз в тот момент, когда я отворачивался, иначе мне бы не удалось её увидеть. Она висела там, словно была заморожена во времени. В фильмах они всегда покачиваются и при этом издают скрип, но здесь всё было так неподвижно. Просто. Неподвижно. Помню, как побежал к ней и споткнулся об деревянный ящик из-под молока, наполненный разными шнурами, затем башня из банок из-под краски полетела вниз, и я оттолкнулся от пола. Там была стремянка, которую она использовала... — я не мог произнести ни слова, не мог сказать: *«стремьянка, которую она использовала, чтобы повеситься»*.

Я сглотнул и продолжил:

— Я поставил её снова в вертикальное положение и поднялся по ней. Когда спустил Лиззи вниз и держал её в своих объятиях, понял, что мои руки испачкались, когда я споткнулся. Они были мокрыми из-за дождя, а затем измазались грязью, маслом и сажой, поэтому я запятнал всё её лицо... Я сделал глубокий вдох, преодолевая панику, и набрал 911, затем позвонил родителям. Они с Эйденем поторопились домой и забежали в гараж раньше полиции; никто даже не подумал удержать Райана. Ему было восемь или девять лет, когда он увидел свою сестру мёртвой на полу гаража. А затем красно-голубые мигалки, медработники и подтверждение того, что холодная кожа и пустые глаза уже сказали нам. Лиззи Белл — волонтер в приюте для животных, любительница Бритни Спирс и тысячи других вещей, что делали её девятнадцатилетней девушкой — умерла.

В течение нескольких минут были слышны лишь звуки нашего дыхания, шелест простыней, когда Поппи тёрлась своей ногой о мою, но затем в моей голове начали медленно кровоточить воспоминания.

— Моя мама пыталась оттереть грязь, — сказал я в итоге. — Пока мы ждали людей коронера (прим.: в Великобритании, США, некоторых других странах специальный судья, в обязанность которого входит выяснение причины смерти, происшедшей при необычных или подозрительных обстоятельствах), чтобы отдать тело. Всё время. Но масло так легко не оттереть, и поэтому та грязь осталась на Лиззи вплоть до того, как мы должны были сказать ей «прощай». Я ненавидел это. Ненавидел так сильно. Я вылизал тот грёбаный гараж сверху донизу, так как посчитал это своей миссией. И с тех пор я содержу в чистоте всё в своей жизни.

— Почему? — спросила Поппи, сдвигаясь так, чтобы приподняться на локте. — Это заставляет тебя чувствовать себя лучше? Ты переживаешь, что нечто такое может случиться снова?

— Нет, не из-за этого. Не знаю, почему я продолжаю так делать. Думаю, это навязчивое состояние.

— Звучит как наказание.

Я не ответил ей, обдумывая всё в своей голове. Когда она перефразировала это таким

образом, всё выглядело так, будто я на самом деле не отпустил Лиззи, будто до сих пор боролся с её смертью, боролся с чувством вины, что заснул в тот день и не проснулся, чтобы остановить её. Но уже прошло десять лет, и разве этого недостаточно для меня?

— Что ей нравилось? — спросила Поппи. — Когда она была жива?

Мне хватило на раздумье минуты.

— Она была моей старшей сестрой. Поэтому, иногда она была по-матерински ласкова, а иногда придирчива. Но, когда я, будучи ребёнком, боялся темноты, Лиззи всегда разрешала мне спать в её комнате, и она постоянно прикрывала меня, когда, став старше, я нарушал комендантский час, — я взглянул на линии света на одеяле, пробивавшиеся через жалюзи. — Она на самом деле любила отстойную поп-музыку. Лиззи оставляла свою музыку в CD-плеере Шона, одалживая его машину, и он из-за этого так бесился, когда его друзья заскакивали в салон и затем, после включения проигрывателя, начинал играть какой-нибудь бой-бенд или Бритни Спирс.

Поппи задрала голову вверх.

— Лиззи причина того, что ты слушаешь Бритни Спирс, — догадалась она.

— Ага, — признался я. — Это напоминает мне о ней. Она любила петь настолько громко в своей комнате, что мы могли слышать её в любом уголке дома.

— Думаю, она бы мне понравилась.

Я улыбнулся.

— Думаю, да, — но затем моя улыбка исчезла. — В день похорон Шон и я решили на несколько минут ускользнуть от родственников в доме и пойти на обед в Тако Белл (прим.: международная сеть ресторанов быстрого питания адаптированной кухни текс-мекс). Мне захотелось повести, но мы не думали — мы не помнили — что Лиззи была последней за рулём. Её музыка начала играть, и Шон был... Он был огорчён. Огорчение не то слово, которым можно было описать состояние моего старшего брата. Ему только исполнился двадцать один год, поэтому он оплакивал смерть Лиззи как ирландец: с большим количеством виски и минимумом сна. Я повернул ключ в замке зажигания, и вступительные басы «Oops, I Did It Again» заиграли оглушительно неприятно, потому что Лиззи всё время увеличивала громкость; мы оба замерли, глядя на плеер так, будто из слота только что вылез демон, потом Шон начал кричать, ругаться и бить по приборной панели настолько сильно, что старый пластик треснул, а весь автомобиль трясся от его горя и ярости. Они, Лиззи и Шон, были ближе всего по возрасту и, соответственно, являлись лучшими друзьями и заклятыми врагами. Они разделили машины и друзей, учителей и в конечном итоге колледж, имея разницу в возрасте всего лишь в год, и из всех братьев Белл именно в жизни Шона её смерть образовала самую большую дыру. Так что в тот день он пробил отверстие в своей машине, а потом мы отправились в Тако Белл и никогда не обсуждали это. До сих пор. Я никому не рассказывал эту историю прежде, — произнёс я. — Легко говорить о Лиззи вот так.

— Как так?

— Голым и уютно устроившимся. Просто... С тобой. С тобой всё становится легче.

Она положила голову мне на плечо. Мы уже довольно долго так лежали, и когда я подумал, что она уснула, Поппи сказала в темноте:

— Является ли Лиззи той причиной, почему ты боишься перестать сдерживаться со мной?

— Нет, — ответил я озадаченно. — Почему она должна?

— Потому что создаётся впечатление, словно она является мотивацией во всём, что ты делаешь. И ей причиняли боль сексуально. Мне кажется, это заставляет тебя бояться действовать, то есть сделать с кем-то другим то, что случилось с ней.

— Я... Я никогда не задумывался об этом в таком ключе, — я снова нашёл её волосы и принялся играть ими. — Не знаю, возможно, именно поэтому. Только в колледже я осознал, как мне это нравится, но было трудно. Если я находил уверенную в себе, умную и с чувством собственного достоинства девушку, она не хотела грубого секса. Если находил девушку, которой нравилась грубость, то причиной всегда была какая-то эмоциональная травма, и да, всякий раз, когда мне встречалась такая девушка, я думал о Лиззи. Сколько знаков мы пропустили. И если я когда-нибудь узнал бы, что парень воспользовался ею, когда она чувствовала себя вот так, то...

— Звучит так, будто тебе не везло с девушками.

— Не всегда. В колледже у меня было несколько действительно хороших подруг. Но было легче заблокировать эту часть меня, чтобы иметь здоровых, уверенных девушек и ванильный секс. Так было безопаснее.

— И тогда ты стал пастором.

— И это было *намного* безопаснее.

Она села и взглянула на меня, линии тени и света от уличного фонаря пересекли её лицо.

— Что ж, ты не делаешь мне больно. Я серьёзно. Посмотри на меня, Тайлер, — я посмотрел. — Мне не нравится грубость, потому что я эмоционально повреждена. Всю мою жизнь меня воспитывали как принцессу, меня баловали, хвалили и защищали от всех тех вещей, что могли бы когда-либо навредить мне. Стерлинг стал первым человеком, который не относился ко мне таким образом.

Стерлинг.

Моя челюсть сжалась. Мне не нравилось, что он являлся её первым в столь многом (что, знаю, было совершенно безрассудно, но всё же. Возможно, я не любил это из-за того, что Поппи настолько пристально вспоминала те первые разы с ним).

— Отчасти это, вероятно, табу и, стало быть, грязно, поэтому заводит меня. Но другая часть этого заставляет меня чувствовать себя нерушимой. Сильной. Как и человек, с которым я стану встречаться, будет достаточно уважать меня, чтобы увидеть это. И я достаточно сильна иметь такой опыт в спальне, но при этом вести совершенно здоровую жизнь вне её.

— Как жаль, что это не сработало со Стерлингом.

«*Вау, Тайлер. Удар ниже пояса*». Но я был взволнован, ревновал и чувствовал себя так, будто меня отчитали за то, в чём не было моей вины.

Она напряглась:

— Это не сработало со Стерлингом, потому что он не мог разграничивать спальню и реальную жизнь. Он считает, раз мне нравилось такое обращение во время секса, значит, я хотела подобные отношения всё время. Что только и желала быть шлюхой, но на самом деле я хотела быть лишь его шлюхой, когда мы были наедине. Вот почему я ушла от него в клубе.

«*Но не перед тем, как позволила ему трахнуть себя*».

Словно прочитав мои мысли, Поппи сузила глаза:

— Ты что, ревнуешь к нему?

— Нет, — солгал я.

— Ты даже не должен здесь лежать со мной, — сказала она. — Мы не можем держаться за руки на публике, мы *ничего* не можем делать вместе, потому что это грех. Ты можешь потерять свою работу и, в сущности говоря, можешь быть отстранён от единственной вещи, дающей твоей жизни смысл, и ты беспокоишься о моём бывшем парне?

— Ладно, хорошо. Да. Да, я ревную тебя к нему. Ревную, потому что он может приехать сюда ради тебя, и ревную, потому что он *реально может* это сделать. Он может следовать за тобой. А я не могу.

Мои слова повисли в воздухе на протяжении долгого времени.

Она опустила голову.

— Тайлер... Что же нам делать? Что мы делаем?

Она снова вернулась к этой теме. К той теме, о которой я не хотел думать.

Я потянулся к ней и приподнял над собой, сползая ниже так, что она встала на колени над моим лицом.

— Мы должны поговорить об этом, — произнесла Поппи, но затем я щёлкнул языком по её клитору, и она застонала; я знал, что мне снова удалось задержать этот момент, отложить разговор и его решения на другое время.

ГЛАВА 14.

Иисус сказал, что сделанное во тьме перейдёт в свет. И когда утром проснулся один в постели, я точно знал, что Он имел в виду. Потому что всё, что мне удалось оттолкнуть прошлой ночью, снова напирало со всех фронтов, и я встретился с этим не только лицом к лицу, но и в одиночку.

Куда она делась? Не было никакой записки или чашки кофе в раковине. Поппи ушла без прощаний, тем самым вогнав в мою грудь похожий на остриё осколок.

«Она *мирянин*», — напомнил я себе. Это то, что делали миряне: они встречались, трахались и уходили. Они не влюблялись по малейшему грёбаному поводу.

Прошлой ночью, я думаю, она собиралась это сказать. Она была готова признаться мне... Или я вообразил это? Возможно, я внушил себе, что та искра между нами была чем-то взаимным, общим. Возможно, я был для неё диковинкой — красивый пастор — и теперь, когда удовлетворила своё любопытство, она была готова двигаться дальше.

Я нарушил свой обет ради женщины, которая даже не соизволила остаться на завтрак.

Я потащился в ванную и, посмотрев в зеркало, заметил двухдневную щетину, бардак на голове и безошибочные пятна засосов на ключице.

Я ненавидел мужчину в отражении и чуть не ударил кулаком зеркало, желая услышать звук разбивающихся осколков и почувствовать яркую боль тысячи глубоких порезов. А затем я сел на край ванны и поддался желанию заплакать.

Я был хорошим человеком. Я очень усердно трудился, чтобы стать хорошим человеком, посвятил всю свою жизнь служению Богу. Я советовал, утешал, проводил часы в созерцательных молитвах (прим.: созерцательная молитва есть высшее состояние молитвенное, по временам являющееся в избранных Божиих. Отличительная черта созерцательной молитвы — выпадение из сознания всего окружающего) и медитации.

Я был хорошим человеком.

Так почему я сделал это?

Поппи не появилась на утренней мессе, я ничего не слышал от неё весь день, хотя проходил мимо окна чаще, чем было нужно, чтобы перепроверить, стоит ли всё ещё на подъездной дорожке её светло-голубой Fiat.

И он был там.

Я проверял свой телефон каждые три минуты, набирал и стирал несколько сообщений, а затем ругал себя за это. Этим утром я плакал как ребёнок в своей ванной. Глупый, отражающийся от кафеля, захлёбывающийся плач. Это было бы к лучшему, если бы между нами было какое-то расстояние. Я не мог сосредоточиться, когда был рядом с ней. Не мог держать всё под контролем. Она заставляла меня чувствовать себя так, будто каждый грех и наказание стоили того, чтобы услышать один из её хриплых смешков, но прямо сейчас я нуждался в анализе и разборе этого беспорядка, который назывался моей жизнью. Под этой дистанцией подразумевались благоразумие, половое воздержание и первый клочок здравого смысла, обнаруженный мной с тех пор, как я встретил Поппи.

Моё уязвлённое самолюбие после её ухода без прощаний не имело ничего общего с этим.

Эта ночь была вечеринкой-снова-в-школу для молодёжной группы, так что я провёл её за поеданием пиццы и игрой в Xbox One, а ещё пытался удержать парней от выставления себя полными осликами, когда те старались впечатлить девушек. Как только последний подросток покинул церковь, я прибрался в подвале и пошёл домой, разделся и натянул штаны для сна. Потерявшись в своих мыслях, я смотрел из окна своей спальни на подъездную дорожку Поппи.

Церковь заявляла, что происходящее между нами было неправильно. Это были похоть и блуд. Это была ложь. Это было предательство.

Но церковь также говорила о той любви, преодолевавшей любые преграды; Библия была заполнена историями людей, исполняющих волю Господа *и* имеющих весьма человеческие желания. Я имею в виду, что точно являлось грехом? Кто бы пострадал от того, что Поппи и я будем любить друг друга?

«*Это вопрос доверия*», — напомнил я себе. Потому что, пока я как теолог боролся с гносеологической природой греха, я также являлся пастором, а пасторы должны быть практичными. Проблема заключалась в том, что я пришёл сюда укрепить доверие к церкви и исправить зло, причинённое другим мужчиной. И не имело значения, насколько мои отношения с Поппи были взаимными и ничем не примечательными, они по-прежнему разрушат всё. Мою работу, мои цели, мою память о смерти Лиззи.

Лиззи.

Было так приятно разговаривать о ней. В моей семье нечасто беседовали о Лиззи. В действительности не всегда, если только я не был один на один со своей мамой. И разговоры об этом не умаляли боль, но на этот раз было по-другому. Легче. Я отступил от окна и подошёл к тумбочке, чтобы достать любимые чётки, состоящие из множества серебряных и нефритовых бусин.

Они принадлежали Лиззи.

Я не стал молиться, но пропустил бусины между пальцами, пока сидел, думал, мучился и в конечном итоге позволил своему разуму погрузиться в истёртые бороздки беспокойства

и вины. В новую тернистую боль от отсутствия Поппи и во все страхи, вдохновившие её. В упорную борьбу со всем этим и тем, что преследовало меня чаще тогда, когда я засыпал: вероятность того, что она закончила со мной.

Следующим утром проходил блинный завтрак, и Поппи появилась на нём, но избегала меня, говорила только с Милли и ушла, как только последний гость поднялся по лестнице.

— Она приходила вчера во второй половине дня на «Приди и Посмотри», — сказала Милли. — Она кажется весьма заинтересованной в присоединении. Я объяснила ей, как катехизис работает, и думаю, что она приняла это, хотя и спросила, сможет ли пройти его в другой церкви, — Милли сурово посмотрела на меня. — Вы не поссорились, правда?

— Нет, — проямлил я. — Всё хорошо.

— Вот почему этим утром вы оба выглядели так, словно вам причинили физическую боль?

Я поморщился. Милли была резче, чем большинство людей, но я не хотел, чтобы *кто-либо* другой заметил динамику отношений между Поппи и мной, будь они напряжённые или дружеские. Мы занимались сексом только один раз, а это уже просочилось через всевозможные трещины в плотине.

— Церковь Святой Маргариты нуждается в ней, Отец Белл. Я, безусловно, надеюсь, что ты не собираешься проебать этот шанс.

— Милли!

— Что? — спросила она, поднимая свою стёганую сумочку. — Пожилая леди не может ругаться? Лови момент, Святой Отец.

А затем она ушла.

Милли была права. Церковь Святой Маргариты нуждалась в Поппи. И я тоже нуждался в ней. И церкви Святой Маргариты я также был нужен, а Поппи нуждалась во мне. Слишком много людей нуждались друг в друге, и не было никакой возможности, чтобы я смог делать несколько дел одновременно; отпусти я один (прим.: имеется в виду предыдущее выражение в оригинале «keep all the balls in the air», дословно переводимое как «удерживать все шары в воздухе»), и это имело бы катастрофические последствия.

Так продолжалось до тех пор, пока воскресным вечером меня не одолела тоска, и тогда я послал ей сообщение:

«Думаю о тебе».

Было такое ощущение, словно моя грудь и горло сшиты вместе, и я чуть не вскочил на ноги, когда увидел три вращающихся точки на экране, означавшие, что Поппи набирала ответ. Но затем они пропали.

Я глубоко вздохнул. Она перестала печатать. Она не собиралась отвечать.

Я даже не хотел думать о том, что это значило. Поэтому взамен я наградил себя разогретой запеканкой Милли, тремя сериями «Карточного домика» (прим.: американский телесериал 2013 года в жанре политической драмы, адаптация одноимённого сериала BBC по роману Майкла Доббса) и здоровой порцией скотча.

Я засыпал с чётками Лиззи между моими пальцами, каким-то образом чувствуя себя ещё более отдалённо от своей собственной жизни, чем когда-либо.

Я не видел Поппи этим утром на мессе, поэтому после исповеди Роуэна совсем не ожидал того, что она скользнёт по другую сторону кабинки.

Это могли бы быть нерешительный скрип двери, безошибочный шорох платья на мягких бёдрах или электричество, посылающее покалывания по моей коже, но я знал и без каких-либо слов, что это была она.

Её дверь закрылась, и какое-то время мы сидели в тишине, её дыхание было тихим, а я тревожно постукивал большим пальцем по ладони, ненавидя то, что уже был полутвёрдым, лишь находясь рядом с ней.

В итоге я спросил:

— Где ты пропадала?

Она выдохнула:

— Здесь. Я была прямо здесь.

— Я этого не ощущал, — я был смущён, насколько горько и ранимо прозвучал мой голос, но меня это не заботило.

Тайлер Белл в двадцать один год никогда бы не позволил девушке попасть под его броню гордости и никогда бы не показал ей, что она ранила его. Но теперь мне почти тридцать, колледж позади, и то, что не было важно для меня тогда, значило многое сейчас.

Или, возможно, не я был тем, кто изменился. Возможно, такое влияние на меня оказывала Поппи в любом возрасте и месте. Она сотворила что-то со мной, и я подумал (немного обиженно), что это несправедливо. Разве справедливо, что она могла вот так сидеть там и не беспокоиться тогда, когда я переживал о нас, что бы ни значило «нас» в данном случае.

— Ты злишься на меня? — спросила она.

Я прислонился к стене:

— Нет, — ответил я. — Немного. Не знаю.

— Ты знаешь.

Слова слетели с моих губ:

— Всё выглядит так, что я рискую всем, а ты ничем; и ты являешься единственной, кто убегает, и это не кажется справедливым.

— Убегаю от чего, Тайлер? От отношений, которых у нас не может быть? От секса, который разрушит твою карьеру, или ещё хуже? Я провела последние три дня, стуча головой об стену, потому что хочу тебя — я хочу тебя так сильно — но, заполучив тебя, я сломаю тебе жизнь. Как, думаешь, я чувствую себя из-за этого? Считаешь, я хочу разрушить твой источник дохода и твою общину, и всё ради себя?

Её вспышка надолго задержалась в моей голове после того, как она перестала говорить. Я и не думал, что она тоже будет испытывать чувство вины, что будет ощущать себя виновной. То, что Поппи хотела бы избегать меня, потому что не могла вынести бремя вины и быть частью того, что погубило бы меня.

Я не знал, что ответить на такое заявление. Я был благодарен и сбит с толку, в то же время всё ещё чувствуя боль.

Поэтому я произнёс первое, что пришло на ум:

— Как давно ты исповедовалась?

Выдох.

— Так вот как продолжится этот разговор?

Меня не волновало, каким образом будет происходить беседа, а также, как долго она продлится, мне просто хотелось говорить с ней.

— Если ты этого желаешь.

— А знаешь что? Да, я желаю.

Поппи.

«Секс до брака является грехом, так? И я уверена, что занятие сексом с пастором является грехом. И, наверное, трах на алтаре не указан где-нибудь в Папской Энциклике (прим.: основной папский документ по тем или иным важнейшим социально-политическим, религиозным и нравственным вопросам, адресованный верующим, или епископам, или архиепископам отдельной страны, и второй по важности после апостольской конституции), но я предполагаю, что это тоже грех. Поэтому я каюсь в этом. Сознаюсь, какой безумной себя чувствовала на том алтаре с тобой между моими ногами. В конечном итоге уговорила тебя дойти до конца. Мы были людьми больше, чем когда-либо — больше животными, чем когда-либо — но почему-то я до сих пор чувствую себя так близко к Богу, будто вся моя душа проснулась, пришла в полную готовность и начала танцевать. Я посмотрела на распятие — Христа на кресте — и подумала: вот что значит быть растерзанным за любовь. Это то, что зовётся перерождением. Я смотрела на него над твоим плечом, пока ты вбивался в меня, и Христос делал то же самое, и всё это ощущалось словно единственным секретом и мерцающей тайной: проникновенной и неясной. Я чувствовала, будто мы делали что-то воистину древнее, будто столкнулись с какой-то тайной церемонией, слившей нас воедино; но как я могу наслаждаться этим чувством, как могу праздновать это, когда речь идёт о такой высокой цене?»

Я сказала тебе, что чувствую свою вину — это правда — но она сокрыта под многим другим, и я просто не могу разделить вину, радость и желание. Каждый раз, когда размышляю, я прихожу к решению сказать тебе, что мы должны соблюдать твои обеты и твой выбор, или сказать о том, что мы должны выяснить, каким способом — каким угодно образом — сможем снова видеться друг с другом, но тут же меняю своё мнение.

Беспокойство — это грех, даже я знаю, но я всё же больше, чем просто полевая лилия (прим.: отсылка к отрывку из Евангелия от Матфея (Мф. 6:27–33) о полевых лилиях). Я лилия, которая бы вырвалась из земли и легла бы у твоих ног. Когда дело доходит до тебя, я становлюсь неприкаянной и беспомощной, и в твоей милости дать солнечный свет и воду. И я даже не могу принадлежать тебе. Как мне можно не беспокоиться?»

Прошлой ночью я так сильно хотела ответить на твоё сообщение, но не знала, что могу сказать, как уместить свои мысли в два или три связанных предложения. Я желала прийти в твой дом и поговорить, но знала, что, если сделаю так, не смогу удержаться и не прикоснуться к тебе, не трахнуть тебя; и я не хотела усложнять всё ещё больше, чем уже было.

Но после, продолжая смотреть на твоё сообщение, я гадала, как именно ты думал обо мне, и задавалась вопросом, вдруг ты вспоминал, как я ощущалась, будучи обёрнутой вокруг тебя. Как я извивалась под тобой. Я задавалась вопросом, вспоминал ли ты свою кухню и нас двоих, смотревших вниз на то, как твой член вошёл в меня.

И вот моё финальное признание. Я встала на колени на полу своей спальни, будто собираясь молиться, но вместо того, чтобы молиться, развела свои ноги и принялась трахать себя пальцами, представляя, что это ты.

И когда кончила, я молилась Богу, чтобы ты смог услышать, как я выкрикивала твоё имя».

ГЛАВА 15.

Люди могут судить меня за то, как ускорилось моё дыхание. За то, как я гладил себя через брюки. Но было достаточно, чтобы прекратить сопротивление, образа коленопреклонённой Поппи с закрытыми глазами и с мыслями обо мне в тот момент, когда её пальчики игрались с этой прекрасной щёлкой.

— Поппи, — сказал я, расстёгивая пряжку. — Расскажи мне больше.

Я знал, что она могла слышать звук расстёгиваемого ремня. Знал, что могла слышать движение молнии. В её вдохе и выдохе чувствовалась дрожь.

— Я использовала одну руку, чтобы касаться груди, — прошептала она. — А другой потирала клитор. Я хотела твой член так сильно, Тайлер, и это было всем, о чём я могла думать. Как он растягивает меня. Как ты каждый раз попадаешь по той идеальной точке.

Откинувшись назад, я освободил член из своих боксёров и обхватил его, медленно водя рукой вверх и вниз.

— О чём ты думала, когда кончала? — спросил я.

Боже, я хотел, чтобы это было грязно. Хотел, чтобы это было так чертовски грязно.

Поппи не подвела:

— Я думала о том, как ты брал мою попку, пока ласкал меня пальцами. Как ты кончал мне на спину.

Чёрт. Я был твёрдым тогда, но теперь... Теперь я был практически каменным. Да кого я обманывал? Мне необходимо трахнуть её снова, и я собирался сделать это прямо здесь, в церкви, среди белого дня.

— Мой офис, — произнёс я сквозь стиснутые зубы. — Сейчас же.

Она стремглав вылетела из кабинки, и я последовал за ней, засунув член обратно, но не потрудившись даже застегнуться. Как только мы оказались в офисе, я захлопнул и закрыл дверь, а затем повернулся к Поппи, когда она сделала то же самое.

Мы сошлись как две грозовые тучи: столкновение отдельных существ, немедленно ставших единым целым. Мы были руками, губами, зубами; мы кусались, целовались, стонали; я повёл её задом наперёд, чтобы уложить на свой стол, но наши ноги зацепились друг за друга, и мы упали на пол, тогда как мои руки обернулись вокруг неё в защитном жесте.

— Ты в порядке? — спросил я встревоженно.

— Да, — сказала она нетерпеливо, схватив меня за воротник, чтобы привлечь обратно к губам.

Её поцелуи свели меня с ума, а мягкость рта вторила шелковистому жару под её юбкой.

— Я должен трахнуть тебя, — удалось мне выдавить между поцелуями.

Это была констатация факта. Предупреждение. Я скользнул рукой вниз и в очередной раз обнаружил, что она была без нижнего белья.

— Непристойно, — сказал я. — Адски непристойно.

Она выгибалась под моими прикосновениями, приподнимая свои бёдра так, чтобы предоставить моим пальцам лучший доступ, и, протолкнув в её щёлку два из них, я поцеловал её шею. Поппи была такой мокрой, а моё грубое обращение, казалось, только возбуждало её ещё больше, потому что она, комкая мою рубашку в кулаках, задыхалась, пока я продолжал своё нападение, сопровождая его такими непристойностями, как «динамщица»,

«иллюха» и «ты хочешь это, ты же знаешь, что хочешь».

Она стонала, а мои слова дразнили её больше, чем когда-либо могли мои пальцы, и части меня было стыдно за то, насколько я возбуждился, говоря ей такие унижительные вещи, другая же моя часть сказала первой заткнуться и просто уже действовать.

Я припал своим ртом к её, когда сдёрнул боксёры достаточно для того, чтобы освободить свой член, а затем слепо подался бёдрами вперёд, погружая себя одним грубым движением.

Она обвила ногами мою талию и руками шею, её обжигающий рот был повсюду, и это было похоже на удерживание в руке провода под напряжением: то, как она двигалась и извивалась подо мной, пока я врезался в неё, позволяя любому сомнению, ревности и страху овладеть мной. Я буду трахать её до тех пор, пока она не почувствует, что принадлежит мне. Я буду трахать её до тех пор, пока она не сможет ходить.

Я буду трахать её до тех пор, пока *сам* не смогу ходить.

Каждый толчок подводил меня всё ближе и ближе, но одна мысль никак не могла отпустить меня, поэтому я прижал Поппи к себе и надавил тем самым на клитор, чувствуя, как её мышцы сокращаются вокруг меня. Она уже близко.

— Позволь мне взять твою попку, Поппи, — сказал я. Провёл кончиком своего носа вдоль её подбородка, заставляя задрожать. — Я хочу трахнуть тебя туда.

— О, мой Бог, — прошептала она. — Да. Пожалуйста.

Не было времени думать об организации, не было времени даже рассмотреть вариант перебраться в более подготовленное место. Всего в нескольких шагах отсюда у меня было кое-что, что могло сработать, и я не собирался тратить время на поиски чего-то ещё.

Я вынул свой пульсирующий и изнывающий от боли член и поднялся.

— Так и оставайся, — произнёс я и засунул своего парня обратно в боксёры, чтобы совершить короткую прогулку к хранилищу в задней части церкви: небольшому шкафу, где мы держали наши священные масла.

Мои руки дрожали, когда я открывал двери. Это были масла, благословлённые во время Страстной недели (прим.: последние шесть дней Великого поста, предшествующие Пасхе и следующие за Неделей цветоносной) моим епископом, они используются только для таинств типа крещения, конфирмации (прим.: в латинском обряде Католической церкви другое название таинства миропомазания, в ряде протестантских церквей — обряд сознательного исповедания веры) и елеосвящения (прим.: таинство православной и католической церквей, заключающееся в помазании тела освящённым елеем, одно из семи таинств). Я выбрал стеклянный флакон — масло миро (прим.: специально приготовленное и освящённое ароматическое масло) — и пошёл обратно к Поппи, усердно стараясь не смотреть на распятие и табернакль.

Она осталась на полу: её юбка всё ещё была скомкана на талии, щёки покраснелись. Как только снова запер дверь, я встал над Поппи и потянул за свой воротник, пытаюсь его снять.

— Нет, — сказала она, её зрачки были большими и тёмными. — Оставь его.

Мой член дёрнулся. *Грязная девчонка.*

— Ты когда-нибудь убьёшь меня, — ответил я ей и встал на колени.

Перевернул её на живот, чтобы её сладкая попка была перед моим лицом и чтобы она могла положить свою голову на руки, если будет необходимо.

Я раскупорил бутылочку и макнул в масло кончик своего пальца, которым после обвёл

тугой бутон её попки. Она задрожала от моей ласки, невольно напрягаясь каждый раз, когда я её там касался. Но её киска тоже трепетала, и я мог видеть, как Поппи начала прижимать бёдра к полу, пытаясь несколько облегчить боль в клиторе.

Добавив больше масла на свои пальцы, я начал дразнить и исследовать ободок её дырочки, массируя его, расслабляя. Запах бальзама — древний, елейный — заполнил комнату.

— Ты знаешь, что это такое, Поппи? — спросил я. Она покачала головой, лежащей на руках. — Это священное масло. Его используют при крещении или посвящении в духовный сан. Им даже мажут стены церкви при постройке.

Я провёл рукой по гладкому и твёрдому изгибу её спины, чувствуя её вздох напротив моего прикосновения, и в этот самый момент мой палец проскользнул внутрь.

Она ахнула.

— Я тебя помазал им, — объяснил ей. — Я освятил тебя изнутри. Чувствуешь это? Это мой палец трахает твою задницу. И буквально через минуту это будет мой член. Мой член будет освящать тебя. Нет, не прикасайся к себе, сладкая. Мы ведь собираемся кончить вместе.

Я взял её руку, ранее скользившую по её животу, и завёл ей за голову, в то же время продолжая обрабатывать её попку своим пальцем в масле. Её задний проход был таким чертовски тесным, и осознание того, что мой член скоро прорвётся в неё, превращало меня в безумца.

Я не мог больше ждать. Я налил приличное количество масла на свою ладонь, а затем провёл ею по члену — вид, открывающийся передо мной, и я сам, скользящий в своей руке, толкали меня через край.

— Тайлер, — произнесла Поппи, оглядываясь на меня. — Я занималась этим прежде. Но не с таким размером, как у тебя, — она выглядела слегка нервной, но всё ещё лежала на полу, готовясь быть оттраханной.

Я желал сказать ей, что буду нежен с её задницей, но всё же не хотел давать обещание, в исполнении которого не мог быть уверен (потому что, *блядь*, едва ли я мог держать что-либо под контролем, глядя на всё это). Вместо этого я прошептал:

— Скажи мне остановиться, и я тут же прекращу, хорошо?

Она кивнула и опустила голову, приподнимая свои бёдра навстречу мне. Наклонившись, одной рукой я направил свой член к её входу, а другой потянулся к маслу, наливая его ещё больше на её попку и на свой член до тех пор, пока мы полностью не стали скользкими и готовыми к траху.

Я поставил склянку на место и снова начал её ласкать, толкаясь в её тесноту и чувствуя, как она открывается мне навстречу и медленно впускает меня.

Головка моего члена нажимала, нажимала и наконец ослабила первоначальное сопротивление, и вдруг я оказался внутри, а её попка окутала меня настолько тугим жаром, какого не чувствовал никогда раньше, даже с другими девушками, с которыми занимался этим. Мне было необходимо опустить голову, сделать несколько глубоких вздохов и досчитать до десяти, прежде чем я мог быть уверен, что не взорвусь слишком рано, дабы насладиться ею должным образом.

Я сделал небольшой толчок.

— Ох, ягнёнок, это будет плотное трение, — предупредил я.

И так оно и было.

В тот момент, когда полностью погрузился в неё, я остановился, давая ей время привыкнуть к моему размеру. Она набрала и выпустила воздух, а потом резко и жадно вдохнула, когда я нашёл её клитор и принялся за него. Я не шевелился какое-то время, просто давал ей почувствовать мою полноту, пока пытался использовать созданное в ней напряжение, подводя её к краю обрыва, чтобы мы могли спрыгнуть вместе.

Мне хотелось уточнить, готова ли Поппи к большему, но я знал, что она будет разочарована всегда спрашивающим разрешения Хорошим-Парнем-Тайлером, поэтому начал медленно двигаться, в любой момент ожидая от неё сигнала о том, что ей необходимо время или что мне нужно остановиться.

Я поднял её бедра, поставив её на четвереньки. *Тишина.*

Я устроил своё собственное тело, чтобы продолжать ласкать её клитор. *Тишина.*

Я вышел всего на дюйм, а затем толкнулся внутрь тоже на дюйм. *Тишина.*

И постепенно привыкнув, она показала своё желание, толкаясь ко мне как ненасытный котёнок, коим и была, хныкая в знак протеста, когда моя рука покидала её клитор. И я давал ей всё больше и больше, пока не начал вытаскивать свой член до головки и скользить им обратно, до сих пор не торопясь, даже хладнокровно, но теперь наращивая темп.

В то же время я гладил её ноги и спину, ласкал клитор и повторял, какой хорошей девочкой она была, такой хорошей маленькой шлюшкой, позволяющей мне трахать её сладкую попку, моей покорной маленькой шлюшкой, принадлежащей мне, не так ли? Она только и хотела меня внутри себя, только и жаждала мой член, мои пальцы и мой рот.

Она кивала в ответ на мои слова, на все из них, дрожала, пока я трахал её, покрытую потом, и сотрясалась, словно её лихорадило. Я намеревался сдерживать её до самого конца, но такой вид сводил меня с ума, делал меня одержимым от мысли о её кульминации, пока мой ствол находится в её попке, поэтому я взялся за её клитор всерьёз, надавливая на него подушечкой моего среднего пальца и кружа над ним жёстко и быстро, как ей нравилось.

Через несколько секунд она кричала, прижимая задницу к моим бёдрам так, что я был похоронен в ней по самые яйца, её пальцы царапали ковёр, а бессловесное хныканье вырывалось из её горла. Я наблюдал, как она распадалась на части. Тщательно собранная и вылепленная оболочка Поппи Дэнфорс исчезала как строительные леса, оставляя после себя дрожащее и слабое создание, состоящее из желания, а после она выдавила из себя одно слово — это был конец, я был потерян. Потерян для своего контроля, своих обетов, для всего остального, за исключением необходимости отметить эту женщину самым примитивным и низменным из возможных способов.

Одно слово.

«Твоя».

Теперь я вёл себя грубо, стискивая её бедра и врезаясь в неё, ворчал себе под нос, преследуя своё освобождение, пока она задыхалась от остаточных толчков своего оргазма, а её задница была такой чертовски скользкой, такой чертовски тесной, продолжающей сжимать меня снова и снова. И потом меня накрыло, словно приливная волна темноты, настоящего безумия, грохочущего и рычащего; это прокатилось вдоль моего позвоночника к яйцам, — чёрт побери, я кончал, кончал, кончал так, что помутилось в глазах, и уже собирался упасть в обморок, пока разряжался: упасть в обморок или просто продолжить кончать и кончать, будто тому не было завершения.

Я вышел в последний момент, поэтому мог наблюдать, как мой оргазм хлестал её задницу и, возвращаясь каплями и ручейками со спермой, чем-то напоминающими дождь,

стекал в многослойную розу её входа и по изгибам спины и бёдер.

Поскольку моё зрение прояснилось и мои чувства вернулись, я мог восхититься своей авторской работой: задыхающейся, дрожащей женщиной передо мной, покрытой *полностью* мной.

Поппи вновь растянулась на животе, каким-то образом делая это элегантно и эротично. — Приведи меня в порядок, — скомандовала она, будто маленькая королева, которой и была, а я поспешил подчиниться.

Я вымыл её влажным полотенцем и после продолжал удерживать на полу, пока массировал ей бёдра, спину и руки, шепча милые слова, какие мог придумать на латинском и греческом языках, и цитировал «Песнь песней», когда покрывал каждый дюйм её кожи поцелуями.

И по тому, как она улыбалась про себя, как всякий раз закрывала глаза, пытаясь скрыть слёзы, я мог сказать, что это было тем, чего никогда не делал Стерлинг. Он никогда не заботился о ней после секса, никогда не баловал её, не хвалил и не вознаграждал.

Я даже не пытался не чувствовать триумф по этому поводу.

И после того, как Поппи была приведена в порядок, мы сели и продолжили работать над нашим сбором средств. Она помогла мне подготовиться к мужской группе, а затем отправилась в женскую в дом Милли. Всё это время я ощущал аромат масла на нашей коже, и ничего, кроме пребывания с этой женщиной каждую минуту каждого дня, не будет достаточно, чтобы утолить разверзшийся в моём животе голод.

Или, что было более опасно, утолить голод в моём сердце.

ГЛАВА 16.

Нечто поменялось для меня в тот день, нечто, как я понял, было изменено на какое-то время. Это походило на чувство, испытываемое мною в детстве, когда я снимал свои роликовые коньки после нескольких часов катания и мои ноги ощущались аномально невесомыми и лёгкими. Или, возможно, походило на то чувство, когда папа, Райан и я, отправившись в поход, наконец-то сбрасывали рюкзаки на землю после нескольких часов движения, и я ощущал себя настолько свободно, что мог поклясться, будто зависал на несколько дюймов над поверхностью.

Я не мог дать этому название, но это были лёгкость и подъём и имело какое-то отношение к Лиззи. Нечто общее с разделением её смерти и последствий с Поппи, к её сказанным шёпотом словам: *«Является ли Лиззи той причиной, почему ты боишься перестать сдерживаться со мной?»*

Теперь я осознал, пока в своей ладони перебирал чётки Лиззи, что именно моя сестра стала причиной многих событий. Она была причиной всему. Её смерть стала тем бременем, которое я нёс, было бы ошибочно мстить. Но что, если я могу изменить это? Что, если я могу забыть месть ради любви? Это было именно тем, что призваны делать христиане: в конечном счёте ставить любовь превыше всего.

Любовь. Это слово было бомбой. Неразорвавшейся бомбой, живущей в моей груди.

Той ночью я написал Поппи: **«Ты не спишь?»**

Биение сердца и: **«Нет».**

Мой ответ был незамедлительным: **«Я могу прийти? У меня для тебя подарок».**

«Ну, я собиралась сказать нет, но теперь, зная о подарке... Приходи;)»

Надев тёмную футболку и джинсы, я проложил осторожный и спокойный путь через парк. Было уже поздно, и парк был расположен в природной ложине, защищённой от взглядов, но я до сих пор нервничал, поэтому стремительно шагал вниз, придавливая сорняки и высокую траву на пути к калитке Поппи. Я открыл её, морщась от каждого скрипа ржавой защёлки, а затем достиг её двери и постучал несколько раз по стеклу.

Она открыла дверь, и её лицо озарила самая красивая чёртова улыбка, какую я только видел.

— Ничего себе, — сказала она. — Ты здесь. Как нормальный человек.

— Неужели ты сомневалась, что раньше я не был нормальным?

Она покачала головой, отходя в сторону, чтобы я мог пройти внутрь, а затем закрыла за мной двери.

— Я никогда не встречалась с кем-то, кого фактически не могу пригласить на свидание. И почти убедила себя, что ты существуешь только в церковных стенах.

— Встречаемся? — мой голос прозвучал слишком возбуждённо, слишком взволнованно. Я откашлялся. — Я имею в виду, мы встречаемся?

— Даже не знаю, чем *ты* считаешь то, когда грубо трахаешь чью-то задницу, Отец Белл, но я называю это так.

Внезапное чувство страха поселилось в моём животе — я шагнул к ней, схватил за руку и потянул её к себе, чтобы появилась возможность увидеть её глаза.

— Болит? — спросил я обеспокоенно.

Поппи просияла, посмотрев на меня:

— Только в хорошем смысле, — она приподнялась и поцеловала мою челюсть, а затем направилась в сторону кухни. — Хочешь выпить? Дай угадаю... Космо? Нет — гранатовый мартини.

— Ха. Виски: неважно, ирландский или шотландский. Но чистый.

Она указала в сторону гостиной, и я, пользуясь возможностью, отправился осмотреть её дом. Здесь всё ещё стояли коробки и банки с краской, и было предельно ясно, что Поппи не проявила особой заинтересованности в домоводстве, несмотря на наличие привлекательной мебели и прислонённых к стене изысканных фотографий и картин.

Стопки книг покоились у стены в ожидании постоянного дома, я провёл пальцами вниз по выпуклым корешкам башни, одинаково ощущая наслаждение и тайную ревность из-за того, насколько начитанной была эта женщина. Там присутствовали не только привычные фамилии — Остин, Бронте и Уортон — но и те имена, которые я никак не ожидал увидеть рядом с теми: Джозеф Кэмпбелл, Дэвид Юм и Мишель Фуко. Я листал «Так говорил Заратустра» (давнее возмездие от моего магистра теологии и уроков по истории), когда Поппи появилась с нашими напитками.

Наши пальцы соприкоснулись, когда я взял свой стакан Macallan, но затем поставил его с напитком Поппи, потому что мне захотелось её поцеловать. Я мечтал скользнуть своими руками вверх, к её тонкой шее, и обхватить её лицо, в то же время исследуя её рот; я хотел подтолкнуть её к дивану, чтобы можно было опрокинуть её назад и медленно раздеть, снимая с неё каждый предмет одежды.

Но я пришёл сюда не за тем, чтобы трахнуть её (ну, не *только* трахнуть), поэтому, насладившись поцелуем, отстранился и взял свой напиток. Поппи выглядела немного ошеломлённой после поцелуя, и мечтательная улыбка появилась на её губах, когда из своего

бокала она сделала глоток мартини, а затем объявила, что собирается приготовить для нас закуски.

Я продолжил медленное изучение её гостиниой, чувствуя себя расслабленным и умиротворённым. «*Я делаю всё правильно*». Это может стать новым началом для нас, для меня. Что-то официальное, чтобы обозначить наши отношения — так ведь работают ритуалы, да? Нечто осязаемое для выражения непостижимого. Подарок, показывающий Поппи, что она значит для меня — что мы значим для меня — показывающий ей не только странную, но и божественную трансформацию, которая произошла в моей жизни из-за неё.

Дом был небольшой, но недавно отремонтированный, с гладкими деревянными полами, крупным оригинальным камином и искусными линиями отделки. У окна стоял широкий деревянный стол с находящимися на нём iMac, принтером, сканером, аккуратными стопками папок и ящичком, наполненным дорого выглядящими ручками, — всё это являлось единственным символом хоть какого-то реального намерения распаковаться и обжиться.

Рядом со столом притаилась открытая картонная коробка, в которой лежали обрамлённые учёные степени Поппи, забытые и погребённые среди остальных отверженных офисных принадлежностей: наполовину использованного блокнота со стикерами и начатой коробки конвертов.

Дартмут — бакалавр экономики, с отличием.

Школа бизнеса Дартмута — магистр делового администрирования, с отличием.

И ещё один диплом, который я совсем не ожидал увидеть: *Университет Канзаса* — бакалавр изящных искусств, танец. Датировано весной этого года.

Я поднял его, когда Поппи вернулась с разделочной доской, заполненной сыром и ломтиками груш.

— Ты получила вторую степень?

Она покраснела и занялась установкой подноса на кофейном столике.

— У меня было достаточно свободного времени после переезда сюда, и я, как только начала зарабатывать столько денег в клубе, решила потратить их с пользой. В этот раз моих родителей не было рядом, чтобы запрещать мне получать степень по танцам, поэтому я просто сделала это. Я сумела уместить её в три года вместо четырёх.

Я подошёл к ней:

— Ты когда-нибудь станцуешь для меня?

— Я могу сделать это прямо сейчас, — сказала она, прижав руку к моей груди и толкнув меня на диван.

Она оседлала меня, широко расставив ноги, и мой член незамедлительно с интересом подскочил. Но её бёдра, прижатые к карманам моих слаксов, заставили меня вспомнить, почему я пришёл сюда в первую очередь.

Обхватив одной рукой талию Поппи и тем самым заставив её замереть, я достал из кармана небольшой свёрток, обёрнутый папиросной бумагой.

Она склонила голову, когда я протянул его ей.

— Это мой подарок? — спросила она, выглядя восторженной.

— Это... — я не знал, как объяснить, чем это было. — Он совсем не новый, — закончил я сбивчиво.

Развернув его, она уставилась на нефритовые чётки, уложенные в обёрточную бумагу. Она не спеша подняла их, серебряный крестик кружился в слабом освещении.

— Они прекрасны, — прошептала она.

— У каждого человека должны быть хорошие чётки. По крайней мере, так всегда говорила моя бабушка, — я переместил свои руки на внешнюю сторону бёдер Поппи, чтобы у меня была возможность смотреть куда-нибудь ещё, за исключением чёток. — Эти принадлежали Лиззи.

Я почувствовал, как её тело напряглось на моих коленях.

— Тайлер, — произнесла она осторожно. — Я не могу принять их.

Она попыталась отдать подарок обратно, но я поймал руку Поппи и сжал её пальцы вокруг чёток.

— После смерти Лиззи никто не захотел забрать что-то из её вещей, напомиравших им о том, чему она подвергалась в церкви. Её Библия, молитвенные карточки, свечи — всё это мой отец выбросил, — я вздрогнул, вспоминая его бешеную ярость, когда он узнал, что я достал из мусора её чётки. — Но мне хотелось сохранить что-то её. Я хотел оставить в своей памяти все грани жизни Лиззи.

— Разве ты больше не хочешь?

— Разумеется, но после того, как мы поговорили в ту ночь... Я осознал, что должен отпустить эту частичку её. И когда думаю о ней, ну, знаю, что ты бы ей понравилась, — я встретился с Поппи взглядом. — Она бы полюбила тебя так, как люблю я.

Губы Поппи приоткрылись, её глаза расширились с надеждой и страхом, но до того, как она успела отреагировать, я взял её пальчики в свои и сказал:

— Позволь мне научить тебя, как ими пользоваться.

Да, я был трусом. Я боялся, что она не скажет, что любит меня, и боялся, что она скажет, что *полюбила* меня. Я испугался осязаемой связи между нами, испугался нити, пронзившей мои рёбра и окутавшей моё сердце, которая также пронзила и окутала Поппи.

Её глаза не покидали моих, пока я перемещал её руку от её лба к сердцу, а потом к каждому плечу.

— Во имя Отца, Сына и Святого Духа, — сказал ей я. Затем положил её пальцы на распятие. — Теперь мы прочтём Апостольский символ веры (прим.: текст Апостольского Символа был всегда широко распространён в Западной Церкви и используется ныне в богослужении Римско-католической, Англиканской и некоторых иных протестантских, а также православных церквей западного обряда. Также он входит в состав молитвы розария) ...

Мы молились вместе с ней, сидящей у меня на коленях, она негромко повторяла за мной, наши пальцы в унисон перебирали бусины чёток, и где-то во время чтения десятой части я осознал, насколько твёрдым был и насколько её соски проступали сквозь ниспадающую мягкую ткань майки. Я был осведомлён об этих больших глазах цвета ореха, о волнистых длинных волосах, о пытлимом уме, что вглядывается в любого, и о каждом её выражении лица.

«Это любовь, — думал я изумлённо и мечтательно. — Это ощущается как установление креста. Ощущается как принятие новой жизни... Как Поппи Дэнфорс».

И когда произносил последние слова молитвы, я чуть не забыл, кому молился.

Славься Царица... Отрада и надежда наша.

Позднее, когда я двигался над ней и в ней, эти слова крутились в моей голове: слова, настолько неотъемлемые от Поппи, настолько неотделимо связанные с яркостью её ума и с раем её тела.

Святая. Царица. Отрада.

Надежда.

ГЛАВА 17.

— Джордан.

Священник, стоявший на коленях передо мной, не перестал молиться, даже не повернулся ко мне лицом. Вместо этого он продолжил бормотать про себя тем же размеренным голосом и в том же размеренном темпе, а я очень хорошо изучил Джордана, чтобы знать, что это был вежливый способ сказать мне идти к чёрту, пока он занят молитвой.

Я сел на скамью позади него.

Джордан являлся единственным знакомым мне лично пастором, который всё ещё молился по «Литургии часов» (прим.: В Римско-католической церкви общее наименование богослужений, должных совершаться ежедневно в течение дня; также книга, содержащая эти богослужения. Название «Литургия часов» утвердилось в ходе литургической реформы после II Ватиканского собора. До этого времени на протяжении столетий богослужение суточного круга именовалось *Officium divinum*, отсюда закрепившийся в музыкальной науке термин *оффиций*), практике, бывшей настолько монашеской, чтобы считаться почти устарелой, что, вероятно, и стало одной из причин, привлёкших его. Как и я, он любил старые вещи, но его увлечение выходило за рамки простых книг и случающейся иногда духовной встречи. Он жил как средневековый монах: всё его время было почти целиком и полностью посвящено молитве и ритуалам. Именно эта мистическая, неземная натура привлекла в его приход так много молодых людей; за последние три года его присутствие превратило эту старую церковь в гетто, которая была так близка к закрытию, когда он принял её, в нечто процветающее и живое.

Джордан закончил молиться и перекрестился, с целенаправленной медлительностью вставая лицом ко мне.

— Отец Белл, — сказал он формально.

Я сдержался, чтобы не закатить глаза. Он всегда был таким: отчуждённым и напряжённым. Даже однажды, когда в семинарии он случайно напился на барбекю и, пока его рвало всю ночь, я должен был нянчиться с ним. Но то, что казалось высокомерием или холодностью, на самом деле было лишь признаком его полного энергии внутреннего мира, неизменной атмосферой святости и вдохновения, которой он жил, атмосферой настолько очевидной для него, что Джордан не понимал, почему другие люди не чувствовали этого наравне с ним

— Отец Брэйди, — произнёс я.

— Полагаю, ты здесь для исповеди?

— Да.

Я встал, и он окинул меня взглядом сверху вниз. Последовала долгая пауза, момент, когда выражение его лица изменилось от смущённого к грустному, а затем стало нечитаемым.

— Не сегодня, — сказал он наконец, а потом развернулся и пошёл в сторону своего офиса.

Я был в растерянности:

— Не сегодня? В смысле никакой исповеди сегодня? Ты занят, или что-то ещё?

— Нет, я не занят, — ответил он, продолжая идти.

Мои брови взлетели вверх. Кому-то отказывали в исповеди в соответствии с церковным законом? Уверен, что нет.

— Эй, подожди, — произнёс я.

Он не остановился. Он даже не удосужился повернуться, чтобы признать, что я сказал что-то или побежал за ним.

Мы вошли в небольшую прихожую с дверями по бокам, и, последовав за ним в кабинет, я понял, что это было намного больше, чем его обычное сдержанное отношение. Отец Джордан Брэйди был расстроен.

Он определённо не был огорчён, когда я приехал.

— Чувак, — сказал я, закрывая за собой дверь его кабинета. — Какого чёрта?

Он сел за стол, ранний дневной свет окрасил его русые волосы в золото. Джордан был симпатичным парнем с тем видом волос и здоровым цветом лица, которые обычно вы могли видеть в рекламе Calvin Klein. Он также был в хорошей форме: мы встретились в первом семестре нашей программы по богословию, а после постоянно сталкивались в местном тренажёрном зале. В конечном итоге мы делили квартиру следующие два года, и я был уверен, что больше всего подхожу под понятие его друга.

Именно по этой причине я отказывался сдаваться.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он не поднимал глаз, работая на своём ноутбуке:

— Вернись позже, Отец Белл. Не сегодня.

— Церковное право говорит, что ты должен послушать мою исповедь.

— Церковное право ещё не всё.

Это удивило меня. Джордан не был нарушителем. Джордан был в двух шагах от того, чтобы стать жутким убийцей из «Кода да Винчи».

Я сел в кресло напротив его стола и сложил руки на груди:

— Я не уйду, пока ты не объяснишь мне, почему именно не хочешь слушать мою исповедь.

— Я не против, если ты останешься, — сказал он спокойно.

— Джордан.

Он сжал губы, будто споря с самим собой, и когда в итоге взглянул на меня, карие глаза смотрели обеспокоенно и пронизательно.

— Как её зовут, Тайлер?

Страх и адреналин пронзили меня. Нас кто-то видел? Кто-то понял, что происходит, и доложил Джордану?

— Джордан, я...

— Не стоит лгать насчёт этого, — ответил он, причём произнесено это было без отвращения, а скорее с напряжённостью, что выбило меня из колеи, подтолкнуло к краю больше, чем когда-либо мог сделать его гнев.

— Так ты дашь мне исповедаться? — потребовал я.

— Нет.

— Почему, блядь, нет?

— Потому что, — медленно сказал Джордан, ставя свои локти на стол и подаваясь

вперёд, — ты не готов остановиться. Ты не готов её отпустить, и, пока ты этого не сделаешь, я не смогу отпустить тебе грехи.

Я откинулся на спинку стула. Он был прав. Я не был готов отпустить Поппи. И не хотел останавливаться. Почему я тогда был здесь? Думал ли, что Джордан прочитает какую-то особенную молитву и все мои проблемы решатся? Думал ли, что, приехав сюда, я изменю то, что было в моём сердце?

— Как ты узнал? — взглянув на свои ноги, спросил я, уповая на Бога, что это произошло не потому, что Поппи и меня кто-то видел.

— Господь сказал мне. Когда ты вошёл, — ответил Джордан так просто, словно кто-то рассказывает, где он покупал недавно одежду. — Подобно тому, как Он говорит мне сейчас, что ты не готов положить этому конец. Ты ещё не готов исповедоваться.

— Бог сказал тебе, — повторил я.

— Да, — произнёс он с кивком.

Это звучало странно. Но я ему поверил. Если бы Джордан сообщил мне, что точно знает, сколько может поместиться ангелов на булавочной головке, я бы и тут ему поверил. Он был таким человеком — одной ногой в нашем мире, другой в следующем — и я достаточно сблизился с ним за годы нашей дружбы, чтобы с уверенностью сказать, что он видел и чувствовал то, что остальные не могли.

Гораздо меньше разочаровывало, когда я не был одним из «остальных» в обсуждаемом вопросе.

— Ты нарушил свои обеты, — проговорил он мягко.

— Бог сказал тебе и это тоже? — спросил я, не потрудившись скрыть горечь в своём голосе.

— Нет. Но я могу видеть это в тебе. Ты несёшь равное бремя вины и радости.

Да, вот и подвели итоги.

Я спрятал лицо в руках, переборовший эмоции, но внезапно ошеломлённый всем этим, смущённый своей слабостью перед человеком, который никогда не поддастся ни одному искушению.

— Ты ненавидишь меня? — пробормотал я в свои руки.

— Ты же знаешь, что нет. Как и Господь. И знаешь, я не буду ничего говорить епископу.

— Не будешь?

Он покачал головой:

— Не думаю, что Бог хочет этого прямо сейчас.

По-прежнему потрясённый, поднял голову:

— Так что мне делать?

Во взгляде Джордана было что-то вроде жалости.

— Ты вернёшься, когда будешь готов исповедаться, — высказался он. — А до этого ты должен быть чрезвычайно осторожным.

Осторожным.

Чрезвычайно осторожным.

Я думал об этих словах, когда навещал маму и папу, когда мыл посуду после ужина в их раковине, когда в темноте ехал домой. Когда пробирался через парк, чтобы снова трахнуть Поппи.

Прямо сейчас ничто во мне не было осторожным.

ГЛАВА 18.

Осторожным.

Неделей позже я смотрел на потолок Поппи. Она прижималась ко мне, её голова располагалась на моей руке, её дыхание было медленным и ровным. Я лежал без сна, наблюдая за ней после наших занятий любовью, глядя на то, как мягкие линии её лица расслабились после экстаза, и не чувствуя ничего, кроме бездумной удовлетворённости. Но теперь, когда Поппи спала в течение нескольких часов, довольство переросло в тревожное сомнение.

Последние несколько суток были будто из сна или сказки, где мои дни преследовались структурированными благодеяниями, и это была жизнь пастора, и где мои ночи были наполнены стонами, вздохами и скольжением кожи по коже.

Ночью мы могли притворяться. Мы могли пить и смотреть Netflix, могли трахаться и после вместе принимать душ (а затем снова трахаться). Мы могли дремать рядом друг с другом и спокойно засыпать. Мы могли делать вид, что являемся обычной парой, которая уже несколько недель в отношениях, но ничто не удерживало нас от обсуждения таких нормальных для пар тем, как встреча с родителями друг друга, или где бы мы провели День Благодарения.

Но мы остро и болезненно осознавали собственное притворство, свой обман. Мы мошенничали, потому что правда была намного хуже: правда о том, что этот рай закончится тем или иным способом.

Что, если у этого не будет конца? Если завтра я позвоню епископу и скажу ему, что хочу уйти? Что я хочу лишиться духовного сана и снова стать нормальным мужчиной?

Из поздней латыни «laicus», что означало «мирянин». Чтобы стать мирянином.

Что, если через несколько месяцев после этого момента я смогу встать на колени перед Поппи и предложить ей не оргазм, а свои руку и сердце в браке?

Я закрыл глаза, выключая реальный мир и позволяя своему разуму отправиться туда, куда не позволял ему уйти до этого: в будущее. В будущее, где были мы, дом и несколько малышей Белл под ногами. Я бы последовал за ней куда угодно и, если она захотела бы работать в Нью-Йорке, Лондоне, или Токио или остаться в Канзас-Сити, был бы рядом с ней. Поступил бы как Руфь с Ноеминь (прим.: в «Книге Руфи» подробно изложена история жизни главной героини книги, Руфь. «Книга Руфи» — это своего рода буколическая повесть, яркими красками рисующая патриархальный быт того времени. Рассказ о том, как бедная Руфь собирала колосья на жатве богатого Вооза, как последний, обратив на неё внимание, приказал рабочим побольше оставлять недожатых колосьев, как, по совету свекрови (Ноеминь), Руфь стыдливо предъявила свои родственные права на Вооза и как последний перед старейшинами города утвердил своё право на неё, изложен с неподражаемой простотой и искренностью); был бы готов сделать её жизнь и желания своими собственными, и любое место, какое только выбрала бы Поппи, мы превратили бы в наш дом. Проводили бы наше совместное время трахаясь и любя. Когда-нибудь наблюдали бы, как её живот растёт вместе с моим ребёнком внутри.

Но что я должен был делать? У меня было две степени, и обе одинаково бесполезны в реальном мире, бесполезны везде, за исключением Божьих Храмов и храмов науки. Я мог бы преподавать, думаю, богословие и, возможно, языки. Я всегда хотел быть учёным, который

сидит в несколько пыльной библиотеке, углубившись в пыльные книги и выискивая забытые знания тем же путём, что археолог выкапывает забытые жизни. Идея возбуждала меня, проносясь сквозь мои мысли подобно дождевым каплям и всплескам возможностей. Новые города, новые университеты... Список в моей голове был составлен из мест, имеющих лучшие классические и богословские программы: там должен был быть способ, с помощью которого я смог бы объединить их, может, подать заявку на получение докторской программы или устроиться на работу в качестве помощника...

Я открыл глаза, и этот славный дождь из фантазий прекратился, а вес всего, что должно было остаться позади, обрушился на меня. Я бы покинул этот город: Милли, молодёжную и мужскую группы, всех прихожан, которых так заботливо направлял к Богу. Я бы оставил позади блинный завтрак, одежду в кладовке и всю работу по борьбе с извращенцами в духовенстве. Я бы оставил позади дар превращения хлеба в плоть, вина в кровь, и дар прикосновения одной рукой к завесе, отделяющей этот мир от мира иного. Я бы оставил позади Отца Белла — человека, которым стал — я был бы обязан отбросить его прочь, будто бы он омертвевшая плоть и загубленное оперение, и взрастить новый облик с болезненной розовой кожей.

У меня была жизнь, копящая богатства на небесах, превосходящая себя как бегун на соревнованиях, и я размышлял об отказе от этого... Ради чего? Я пытался унять заученные наизусть стихи, сгрудившиеся в моей голове, стихи о сеянии в плоть и жатве тления (прим.: Послание к Галатам 6:7–8), стихи о плотских страстях, ведших войну с моей душой. *Предайте смерти в себе всё то, что принадлежит земному.*

Предайте смерти мою любовь к Поппи.

Моё горло сжалось, а во рту пересохло; тревога обострилась, будто кто-то приставил нож к моему горлу и требовал выбрать сейчас же, но как мне сейчас выбирать, если оба варианта обходятся такой ценой?

Потому что, оставшись на этом же месте, я потерял бы спящую рядом со мной женщину: ту, которая спорила о расовых и гендерных различиях в «Ходячих мертвецах», которая брала из воздуха неизвестные литературные цитаты, которая пила так, словно тонула, и которая делала меня таким твёрдым, каким я не бывал никогда в своей жизни.

Осознание этого нанесло мне резкий укол паники.

Повернувшись к ней, я погладил ладонью её бок: вниз по наклону её рёбер и вверх по изгибам её бедра. Она немного пошевелилась и, всё ещё крепко спав, приникла ближе, отчего моя грудь напряглась.

Я не мог потерять её.

И я не мог удерживать её.

Этот тип страха, этот конкретный вид паники не должны были делать меня твёрдым, но они делали. Настолько твёрдым, что мне было необходимо потянуться вниз и погладить себя. Я был охвачен необходимостью заклеить мою девочку ещё раз и похоронить себя внутри неё, как будто ещё один оргазм окажет влияние на наше обречённое будущее.

Я скользнул рукой между нами, придвигая своё тело к ней и находя эти нежные губки между её ног, начал дразнить их, щёлкая пальцами по клитору и по розовым складочкам вокруг её входа. Она подвинулась и довольно вздохнула — сонный вздох — её бедра раскрылись, дабы предоставить мне лучший доступ, хотя её глаза оставались закрытыми, а лицо расслабленным. Она по-прежнему спала.

Я наклонил голову, чтобы взять в рот сосок, нежно посасывая его, кружа своим языком

вокруг затвердевшей вершинки, и теперь Поппи извивалась, но всё ещё пребывала в царстве Морфея, и к чёрту это, я не мог больше ждать. Я приподнял одну из её ножек и закинул на моё бедро, тем самым располагая себя над её входом. До сих пор удерживая её, я толкнулся вперёд, и сомнения, как занавес, опускающийся поверх залитого солнцем окна, или как дверь, подавляющая шум вечеринки, тотчас были заглушены. Они исчезли перед лицом нашей связи, перед ощущением её тугой щёлки, обхватившей меня. Боже, я мог бы остаться в таком положении навсегда, даже не двигаясь, лишь находясь внутри Поппи, и чувствовать её пробуждение и потягивание, словно она томящаяся кошка, пока стойко удерживал бы её бёдра вплотную к моим.

Наконец-то её глаза открылись: сонные, но довольные.

— *Ммм*, — пробормотала она, сильнее обхватывая мою талию своей ногой. — Мне нравится просыпаться вот так.

— И мне, — ответил я хрипло, убирая прядь волос с её щеки.

Она положила руку на моё плечо и толкнула меня назад, перекатывая нас так, что я оказался лежащим с ней на моих бёдрах; она начала объезжать меня медленно, лениво покачиваясь. Сон и секс растрепали ей волосы, превратившиеся в нечто запутанное, в беспорядочные локоны на её бледных плечах и мягкой груди, а уличный фонарь, который светил в окно, окрасил её изгибы в оттенки света и тени.

Иногда она была слишком красива, чтобы смотреть на неё.

Заложив руки за голову, я откинулся назад, просто наблюдая за тем, как она получала от меня наслаждение, как начала двигаться всё быстрее и быстрее, тогда как её глаза были закрыты, а руки упирались в мой живот. С этого ракурса я видел нуждающийся бутон, трущийся об мой таз, и крошечный проблеск того местечка, где заполнял и растягивал Поппи, и, блядь, я могу потерять это прямо сейчас, если не буду осторожным.

— Вот это моя девочка, — прошептал я. — Используй меня, чтобы кончить. Вот так. Ты сейчас такая чертовски сексуальная. Ну же, детка, возьми это. Давай.

Её рот приоткрылся, а я словно зачарованный наблюдал за тем, как мышцы её живота напряглись и сжались, когда она застонала и дрожала на протяжении всей кульминации, в конечном итоге подавшись вперёд и устроившись на моей груди.

Я крепко обнял её, а затем перекатил нас, чтобы оказаться над ней; Поппи лежала на спине, когда я наклонился и стал посасывать её шею. Я запустил руку под неё и нашёл то, что хотел: небольшой тугий ободок позади её киски. Она вжалась в матрас, будто пыталась избавиться от моего прикосновения, но это бы не сработало, совсем не сработало, ведь у меня были плану на эту её часть, и они выходили далеко за рамки того, что был в состоянии сделать кончик одного пальца.

— Ты говоришь мне нет?

Она закусила губу, а затем покачала головой:

— Не *«нет»*. Да.

— Тогда дай мне свою попку, — прорычал я ей на ухо. — Дай, и тогда мне не придётся брать её.

Она слегка выдохнула, что сделало меня безумным, и затем Поппи перестала бороться с моим прикосновением.

— Там есть смазка, — задыхалась она. — На прикроватном столике.

Не потрудившись выйти из неё, я просто навалился на Поппи своим весом, когда потянулся к столику, и схватил совершенно новый тубик лубриканта.

— Похоже, ты подготовилась, ягнёнок.

— Либо это, либо моё специальное священное масло, — полушутя сказала она, почти задыхаясь.

Я вышел из неё, чтобы уложить к себе на колени, и развёл её ноги шире. Без спешки разогревал её, постепенно втирая смазку внутри неё, а другой рукой ласкал её клитор и тем самым обрабатывал обе дырочки Поппи до тех пор, пока она, скользкая штучка, не начала извиваться. Затем схватил её за бёдра и толкнулся в попку.

Я должен был остановиться и дать ей несколько минут, чтобы она привыкла, но меня так часто посещали страх и сомнение, что единственным успокоением для моих мыслей стали сильные выпады моими бёдрами; её пальцы впивались в мою спину, а её пылкий жар будто взял мой член в тиски.

— Тайлер, — выдохнула она.

— Ягнёнок, — произнёс я, вставая на колени и обвивая руки вокруг её бёдер.

— Я собираюсь кончить снова.

— Хорошо.

Мой собственный оргазм был уже на подходе: покалывающее пульсирование в моём тазу пронеслось при виде мурашек на её коже и румянца, коснувшегося её живота, когда она играла со своим клитором.

— Ох, это так хорошо, детка, — проворчал я. — Ты такая хорошая девочка. Покажи мне, насколько тебе это нравится.

Её глаза встретились с моими:

— Трахни меня так, как будто ты хочешь, чтобы я была твоей.

Её слова потянули за ту ленту, что подёргивалась у моего сердца, — я зажмурился. Я без труда мог трахать её таким образом, потому что хотел, чтобы она навсегда стала моей. Мы знали друг друга лишь шесть недель, но я желал провести с ней остаток всей своей жизни.

Я был таким глупцом.

Я притянул её ближе, вбиваясь в узкое отверстие снова и снова, наблюдая за её достижением вершины и пиком, тогда как Поппи продолжала умолять меня сделать её своей, и как она могла не видеть, что уже моя? Что я уже её? Мы принадлежали друг другу, и я, наблюдая за её пульсирующей от оргазма киской, погружаясь в неё по самые яйца и выпуская своё семя, осознал: то, что не было исправлено, не было распутано, стало таким сложным за последние полтора месяца.

Как только оба достигли кульминации, мы посмотрели друг на друга, и всё успокоение, какое мне удавалось поддерживать, исчезло в одно мгновение. Я поднялся, чтобы взять влажное полотенце, а когда вернулся, Поппи задумчиво наблюдала за мной.

— Тайлер?

— Да? — я сел на кровать и принялся очищать её.

— Не знаю, как долго смогу выносить это.

Я замер.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты знаешь, что я имею в виду, — ответила она, и в её словах слышалась дрожь. — Я хочу быть с тобой. Я хочу заявить права на тебя. Я влюблена в тебя, Тайлер, и тот факт, что у нас нет никакого будущего, убивает меня.

Я закончил её вытирать, пока думал над ответом, и отшвырнул использованное полотенце на соседний стул.

— Я не знаю, как выглядит будущее, — сказал я наконец. — Только знаю, что люблю тебя... Но также люблю свою работу и свою жизнь. Поппи, то, что у меня есть здесь... Это больше, чем просто милосердие или молитвы. Это жизненный путь. Я решил посвятить всю свою жизнь моему Богу, каждую минуту дня, и не знаю, смогу ли существовать без этого.

Мы оба избегали того факта, что прошлые несколько минут едва ли были прожиты для Бога, они были для нас, нас одних.

— Думаешь, я не знаю этого? — произнесла она, приняв сидячее положение. Она не потрудилась прикрыться простынёй, и я заставил себя отвести взгляд от этих дерзких сисек, чтобы можно было сосредоточиться на её словах. — Это всё, о чём я думаю. Я не могу заставить тебя отказаться от этого — вижу, что ты это любишь. Чёрт, за это я и люблю тебя. Что ты страстный, дающий и религиозный, что ты посвятил свою жизнь Богу. Но я переживаю, — и теперь там появились настоящие слёзы, — что взамен ты откажешься от меня.

— Нет, — прошептал я. — Не поступай так с собой.

Но я не сказал ей того, что она хотела услышать. Не знал, откажусь от неё или нет, потому что это убивало меня, но и возможность разоблачения и потери всего, за что я боролся, убивало меня тоже.

Я мог видеть тот момент, когда Поппи осознала: я не собирался говорить ей, что мы будем вместе; прежде чем мне удалось произнести ещё что-то — не знаю что именно, но хоть *что-нибудь* — она легла обратно и повернулась на бок так, что мне была видна лишь её спина.

— Я хочу тебя настолько сильно, что могу испытать острое наслаждение, лишь думая об этом. Но я не буду причиной, из-за которой ты потеряешь свою жизнь, — ответила она, её голос в моей голове звучал словно колокол. — Я не стану основанием какого-либо сожаления. Не думаю, что смогу это вынести... Смотреть на тебя и гадать, есть ли в тебе частица, хоть немного ненавидящая меня за то, что я причина, по которой ты секуляризирован.

Она даже знала правильное слово... Она занималась исследованиями. Это порадовало меня и в то же время опечалило.

— Я никогда не смогу ненавидеть тебя.

— Правда? Даже если поставлю тебя перед выбором: я или твой Бог?

Блядь, это удар под дых.

— Это ещё не всё, Поппи. Не делай этого.

Она вздохнула, причём так, что обычно предвещало резкий ответ, но затем, казалось, замерла. Вместо этого Поппи произнесла:

— Ты должен пойти домой. Скоро рассвет.

Её напряжённый голос убивал меня. Я хотел успокоить её, обнять её, трахать её. Почему мы должны были говорить об этих ужасных вещах, когда могли бы продолжать и дальше притворяться?

— Поппи...

— Увидимся позже, Тайлер.

Её ответ был безусловным, как и любое стоп-слово. Меня отвергли.

Я шёл через туманный парк, руки в карманах, а плечи сгорблены из-за ночной прохлады сентября, пытался молиться, но только для того, чтобы собрать все обрывки мыслей воедино.

«Она хочет жить полной жизнью», — про себя сказал я Богу. Она хотела жизнь с браком и детишками; жизнь, в которой любовь могла бы присутствовать так же, как и работа, семья и друзья; жизнь, где ей нет нужды скрываться. И кто мог винить её?

«Что мне делать?»

Бог не ответил. Вероятно, потому, что я нарушил свою священную клятву служить Ему, осквернил Его церковь всевозможными способами и неоднократно совершал перечень грехов, о которых едва сожалел, ибо был слишком увлечён. Я сделал идола из Поппи Дэнфорс и теперь буду пожинать плоды того, что оказался изолирован от Бога.

«Покаяться. Я должен покаяться».

Но больше не видеть Поппи... Даже сама мысль об этом проделывала дыру прямо в моей груди.

Я поднялся по ступенькам и, подойдя к задней двери пасторского домика, побрёл через свою кухню в голубоватом свете раннего рассвета. У меня ещё оставалось несколько часов для сна, прежде чем мне нужно будет вставать к утренней мессе, и я надеялся, что утром что-нибудь изменится, что дальнейшие шаги будут понятными, но знал: этого не произойдёт, и мысль об этом была невероятно удручающей.

— Долгая ночка?

Я практически получил сердечный приступ.

В полутьме в моей гостиной сидела Милли, одетая в подходящий тренировочный костюм.

— Милли, — произнёс я, пытаюсь скрыть, что я чуть было не обмочился. — Что ты здесь делаешь?

— Я прогуливаюсь каждое утро, — ответила она. — Очень рано. Не думаю, что ты когда-либо это замечал, если учесть то, что, кажется, не ложишься спать до самого последнего момента.

— Я не замечал, ты права.

Она пришла позвать меня на прогулку прямо сейчас?

Милли выдохнула:

— Отец Белл, я знаю.

— Извини?

— Я знаю. О тебе и Поппи. Я видела, как ты прокрадывался через парк по утрам.

Вот же дерьмо.

Ох, дерьмо, дерьмо, дерьмо.

— Милли...

Она подняла руку.

— Не надо.

Я тяжело опустился в кресло, отчаяние и паника сплелись в моём животе. Кто-то знал, кто-то знал, кто-то знал. Конечно, всегда было так. У меня никогда не было роскоши выбора, как всё это доиграть до конца, и я был грёбаным идиотом, если когда-либо считал иначе.

Я смотрел широко раскрытыми глазами, и то, что выпалил, не являлось милостивым, любезным или бескорыстным, но было чистым инстинктом выживания.

— Милли, пожалуйста, ты не можешь никому не рассказать, — я скользнул на колени перед ней. — Пожалуйста, пожалуйста, не говори епископу, я не знаю, как смогу жить с самим собой...

Но потом я замолчал, потому что не делал ничего, кроме как умолял честную женщину

отказаться от её чести, и всё ради нераскаявшегося грешника.

— Прости, — произнёс вместо этого. — Ты, вероятно, думаешь, какой я ужасный, страшный человек... Мне так стыдно. Даже не знаю что сказать.

Она встала.

— Можешь сказать, что будешь осторожен.

Я взглянул на неё:

— Что?

— Отец, я пришла предупредить тебя, и есть весома причина, почему сделала так вместо того, чтобы пойти к епископу. Этот город *нуждается* в тебе, и нам точно не нужен ещё один скандал с пастором, — с небольшой улыбкой она покачала головой. — Особенно когда речь идёт о чём-то таком безобидном, как влюблённость во взрослую женщину, которая была бы идеальна для тебя... Если бы ты не был пастором.

— Милли, — сказал я, мой голос звучал надломлено, отчаянно. — Что я должен делать?

— У меня нет ответа для тебя, — объяснила она, направляясь к двери. — Я знаю лишь то, что решение лучше принять как можно скорее. Такого рода события никогда не остаются тайными, Святой Отец, независимо от того, как сильно ты стараешься. И нет никакого способа, чтобы такая женщина, как Поппи, была бы готова стать твоей тайной любовницей до конца своих дней. Она стоит гораздо больше этого.

— Так и есть, — отозвался я; холодное железное бремя обрушилось на меня, как только я осознал, что был не лучше Стерлинга. В сущности говоря, вынуждал её делать то же самое, за исключением того, что даже не был с ней честен... Или не предложил ей ничего взамен.

— До свидания, — попрощалась Милли, и в ответ я кивнул ей на прощание, жалкий и взволнованный, слишком жалкий и взволнованный, чтобы даже подумать о сне.

Прошло лишь несколько недель с тех пор, как я отдал Поппи чётки Лиззи? И теперь всё ощущалось так, будто разбивалось на куски, словно бусины из разорванных чёток безудержно рассыпались по полу: слишком многочисленно и быстро для меня, чтобы угнаться за ними.

Милли знала. Джордан знал. Поппи, возможно, и вовсе не хотела быть со мной...

Я отправился на долгую пробежку, а затем довольно рано очутился в церкви, чтобы отпереть её и подготовиться к мессе; отвлекался на протяжении всей службы на мысли о встрече с Милли, о нашей с Поппи не-схватке и о том факте, что два человека теперь в курсе моего романа и что даже это слишком много.

«Тайная любовница».

«Будь осторожен».

«Я влюблена в тебя, Тайлер».

В действительности я был настолько рассеян, что едва не пролил вино, а потом случайно прочитал заключительную молитву два раза подряд: мой разум находился в милях от священной мольбы духовного лица, а именно всего-навсего в кружащемся водовороте грёбаных неправильных событий прямо, блядь, сейчас.

После мессы я вышел из ризницы с опущенной головой, проверяя свой телефон (Поппи не присутствовала на мессе и также не написала мне), и мне было интересно, сердится ли она всё ещё на меня. Так что сначала я не заметил, что некто стоял в центральном проходе, пока этот кто-то не сдвинулся, лишь тогда шум привлёк моё внимание.

Это оказался мужчина: высокий, черноволосый, моего возраста. Он был одет в костюм цвета хаки с голубым галстуком и серебряным зажимом — слишком нарядно для

сентябрьской пятницы в Вестоне, но каким-то образом на нём это не выглядело смешно. Он снял солнечные очки и окинул меня льдисто-голубым взглядом.

— Ты, должно быть, Тайлер Белл.

— Да, это я, — подтвердил я, убирая телефон в карман брюк.

Я снял ризу, и епитрахиль, и остальные атрибуты своей должности, за исключением колоратки (прим.: элемент облачения клириков и иных священнослужителей в западных Церквях и церковных общинах, представляющий собой жёсткий белый воротничок с подшитой к нему манишкой, застёгивающийся сзади и надевающийся под сутану, или же белую вставку в воротничок-стойку обычной рубашки), и вдруг почувствовал себя недостаточно одетым, будто нуждался в какой-то дополнительной броне, дополнительном авторитете в присутствии этого человека.

Как глупо. Он был гостем в моей церкви. Всё, что мне было нужно, — это быть дружелюбным.

Я шагнул вперёд и пожал ему руку, что он, казалось, поприветствовал небольшой, оценивающей улыбкой на губах.

— Могу я вам чем-то помочь? — спросил я. — К сожалению, вы пропустили нашу утреннюю службу, но у нас будет ещё одна завтра.

— Нет, думаю, ты уже помог, — ответил он, проходя мимо меня, его голова поворачивалась к каждому уголку церкви. — Я лишь хотел встретиться с тобой и лично увидеть, что из себя представляет Отец Тайлер Белл.

Эм...

Мои кишки завязались узлом от тревоги. Хоть и знал, что это невозможно, я не мог не беспокоиться, что каким-то образом он являлся следствием знания правды Джорданом и Милли, что он здесь, чтобы в итоге подёргать за те ниточки, которые распутают мою жизнь.

Мужчина развернулся на каблуках, вставая со мной лицом к лицу.

— Я хотел бы знать размер и облик своего конкурента.

— Конкурента?

— За Поппи, конечно.

Моему мозгу потребовалось всего мгновение, чтобы сообразить, переоценить эту встречу и понять, что я разговаривал со Стерлингом Хаверфордом III. Чтобы оценить его тело (в хорошей форме, чёрт возьми этого парня), одежду (дорогую, чёрт возьми этого парня ещё раз) и поведение, бывшее почти абсурдно самоуверенным, самоуверенным до высокомерия; но в броне этого человека была трещина. Он не сомневался, что будет успешным, не сомневался, что уйдёт отсюда с тем, за чем пришёл (и да, я подозревал, что Поппи была для него именно *чем-то*, а не *кем-то*). В этот жалкий миг я точно знал, где мы стоим, прекрасно понимал, какие средства он будет использовать, а также был в курсе, что одним из них была эмоциональная власть над Поппи и что я мог легко проиграть эту битву... У меня не было права на борьбу в этом сражении.

Стерлингу только и нужно было это ничтожное мгновение, чтобы почувствовать своё превосходство. Его рот скривился в презрительной усмешке: едва различимой, чтобы быть проигнорированной, но достаточно очевидной, чтобы в точности продемонстрировать, какого рода *конкуренцию* он имел в виду.

Тем не менее я не был идиотом, что бы там Стерлинг себе не думал, и я, конечно, не собирался оправдывать его ожидания в отношении моей реакции.

— Боюсь, ты ошибаешься, — ответил я, награждая его спокойной улыбкой. — Нет

никакой конкуренции. Мисс Дэнфорс уделила внимание моей церкви, и она заинтересована в последующем наставлении перехода в неё, но это всё, на что наша дружба распространяется.

Я почти ненавидел то, насколько легко ложь срывалась с моего языка, ведь раньше гордился тем, что не прибегал к ней, но теперь существовало множество всего, чем я больше не мог гордиться. И в этот момент речь шла не о морали, а о выживании.

Стерлинг вскинул бровь.

— Так вот как это будет, — он сунул руки в карманы, всё в его позе кричало о залах заседаний, яхтах и надменности.

«Хороший парень Тайлер, будь славным парнем Тайлером, — твердил я себе. — А ещё лучше, будь Отцом Беллом». Отец Белл не ревновал к этому человеку, не завидовал его привлекательности, дорогой одежде и притязаниям на Поппи. Отца Белла не заботила словесная перепалка с незнакомцем, и он, конечно, не будет заниматься чем-то таким варварским, как борьба за взрослую женщину, которая была способна сама сделать собственный выбор и проявить свою силу.

Я прислонился к скамье и послал ему ещё одну улыбку, зная, что моя поза выражала непринуждённый контроль и будничное дружелюбие, а также напоминала ему, что я был столь же высок и строен, как и он.

— Прости, но не думаю, что понимаю тебя, — ответил я в итоге. — Как я уже говорил, нет никакой конкуренции.

Он воспринял мои слова иначе:

— Тебе так хочется думать, не так ли? — Стерлинг ещё раз окинул меня взглядом, а потом, казалось, изменил тактику, опёршись на скамью и скрестив руки. — Она рассказывала обо мне? — спросил он. — Уверен, что да. Исповедь — это ведь католическая хрень, правильно? Она упоминала меня в своих исповедях?

— Я не вправе...

Он взмахнул рукой, и его обручальное кольцо сверкнуло на коже.

— Правильно. Конечно же. Ну, может, после всего она не хотела раскрывать определённые подробности обо мне. Сколько раз я мог довести её до оргазма. Насколько громко она кричала моё имя. Все места, где я трахал её. Ты знаешь, что однажды я поимел её всего в нескольких футах от сенатора США? Во время открытия выставки в The Met (прим.: The Metropolitan Museum of Art (Метрополитен-музей) — один из крупнейших и четвёртый по посещаемости художественный музей мира. Расположен в Нью-Йорке, США)? Она всегда была готова. По крайней мере, для меня.

Лишь годы выработанного сострадания и самодисциплины сдерживали меня от удара кулаком прямо в классическую квадратную челюсть этого парня. Не только из ревности, но и в равной степени из-за мужской потребности защитить достоинство Поппи и удержать её от альтернативы быть связанной с этим мудаком.

«Она не нуждается в твоей защите её чести», — сказал мне Феминистический Союзник Тайлер. Но обычному Тайлеру ирландско-американского происхождения, тому, который наслаждался сексом, и виски, и отборным матом на футбольных матчах, было плевать. Не имело значения, если она нуждалась во мне, и не имело значения, что я не имел прав на неё, — Вселенная пошатнулась из-за мудачества парня, а мой кулак чесался от желания исправить это.

— Задело за живое? — спросил Стерлинг, насмехаясь.

— Я считаю Поппи одной из своей паствы, — произнёс я, склоняя голову в согласии. К счастью, мой голос не выдал ничего, кроме лёгкого неодобрения. — Мне больно слышать, когда о любом из них отзываются неуважительно.

— Ох, конечно же, — прокомментировал Стерлинг. — И я восхищаюсь, как ты предан своей истории. Я человек, соответствующий себе, — он вытащил конверт из внутреннего кармана своего пиджака и вручил его мне. — Тем не менее я также состоятельный человек, и поэтому мы можем забыть первоначальное позёрство и приступить к сути дела.

Я смотрел на него, разматывая шнурок в верхней части конверта, и достал оттуда большие глянцевые фотографии. Часть меня переживала, что на них запечатлены он и Поппи, ещё одно доказательство их прошлого, расстраивающего меня, но нет. Нет, это было гораздо, гораздо хуже.

Широкоплечий мужчина ночью пересекает небольшой парк. Тот же человек у тёмной садовой калитки. Кадр целующихся у кухонного окна мужчины и женщины.

Я выдохнул.

Там не было наготы, слава Богу, — ничего греховней поцелуя, но это не имело значения, потому что на них всех запечатлено несомненно моё лицо, и этого оказалось достаточно. В действительности этого было более чем достаточно: фотографии влекли за собой осуждение.

— И будь уверен, у меня есть цифровые копии, — бодро заявил Стерлинг. — Так что смело забирай их. В качестве сувенира.

— Ты нас преследовал, — произнёс я.

— Я говорил тебе, что являюсь состоятельным человеком. Когда Поппи продолжила отказываться отвечать на мои звонки, даже после того, как я сказал, что приеду к ней, я начал задаваться вопросом, не встретила ли она кого-то другого. Поэтому я решил всё выяснить. Поскольку она не согласилась — пока — на моё предложение, я не возражал, если бы она трахала кого-нибудь. Но влюбиться в другого мужчину... Ну, я знаю Поппи и знаю, какого рода препоны это создаст.

— Ты преследовал нас, — повторил я. — Ты хоть слышишь себя? Это безумие.

Стерлинг казался сбитым с толку:

— Почему?

— Потому что, — ответил я, гнев взял надо мной верх, и мои слова звучали напряжённо и натянуто, — люди не преследуют других людей. *Особенно* экс-подружек. Это является домогательством — это действительно юридическое определение домогательства. Меня не волнует, что ты богат и можешь заплатить кому угодно, чтобы сделать всё за тебя, — это та же самая чертовщина.

Он всё ещё выглядел растерянным:

— Тебя расстроило именно это? Не то, что у меня есть сведения, которые могут разрушить твою жизнь? Не то, что я неизбежно покину этот город с Поппи рядом со мной?

— Ты настолько уверен в этом исходе, — сказал я, заставляя себя забыть образ Стерлинга, обладающего Поппи. — Но ты забыл, что он не имеет ничего общего с тобой или со мной — это её выбор.

Стерлинг пожал плечами, словно я либо нарочно притворялся тупым, либо умышленно вёл себя благородно, и у него больше не было времени на это.

— Так в чём же суть дела? — спросил я, складывая фотографии в конверт.

— Пардон?

— Ты сказал, что хотел оставить позади позёрство.

Я бросил фотографии на скамью рядом со мной и, скрестив руки, выпрямился. Мне было отрадно видеть, что Стерлинг тоже выпрямился, будто был недоволен дополнительным дюймом, который я имел против него (в росте, я имею виду. [Хотя это действительно ужасно, но грубой части меня было до смешного приятно узнать, что у Поппи я был самым большим]).

— Да. Ну, вот оно, Отец, — он произнёс слово «отец» так, словно оно было в кавычках (я позволил себе ещё одну короткую фантазию, где впечатываю свой кулак в его глазницу):

— Я хочу, чтобы Поппи поехала со мной домой в Нью-Йорк. Хочу, чтобы она была моей.

— Несмотря на то, что ты женат.

Он снова одарил меня тем взглядом, слегка недоверчивым и как бы вопрошающим: «*Ты идиот?*» — и тот бы меня побеспокоил, если бы не моё моральное превосходство в этом соревновании. За исключением... На самом деле я не мог претендовать сейчас на какой-либо уровень моральных ценностей, высший или низший, так? Эта мысль безмерно угнетала меня.

К счастью, Стерлинг ничего не заметил и продолжил:

— Да, несмотря на то, что я женат. Брак не является таинством в моей семье: это списание налогов. И у меня нет никаких намерений заключать больше правовых соглашений, чем я хочу от своей жизни. Я никогда не любил жену, и она чувствует то же самое по отношению ко мне.

— Но ты любишь Поппи?

Стерлинг поджал губы.

— Любовь и желание по существу являются одним и тем же, — объяснил он. — Не то чтобы такой человек, как ты, знал это.

— По крайней мере, я уважаю твою честность, — ответил я. — Ты не лжёшь себе и, полагаю, не станешь лгать ей.

Неожиданный комплимент, казалось, удивил его, но он быстро пришёл в себя.

— Поппи не волнуется об этом настолько, насколько — как она сама думает — должна делать это, — сказал он мне. — Ты можешь питать иллюзии, что Поппи не вернётся со мной, раз я её не люблю, но она не ты. Она знает числа, смысл, закладные. Я предложу ту валюту, которая ей знакома: деньги, похоть и безопасность — и именно поэтому выиграю.

Я подумал о плачущей в исповедальне Поппи; о том моменте, когда мы стояли вместе в святылище, купаясь в Божьем присутствии. Она была не просто электронной таблицей с раздвинутыми ногами, и Стерлинг идиот, если он вырос с ней и умудрился пропустить все те глубоко духовные и эмоциональные грани Поппи Дэнфорс.

— Она намного больше, чем это.

— Как мило. Действительно мило, — Стерлинг снова надел очки. — И просто чтобы ты знал: ты гораздо *меньше* того, на что я рассчитывал. Я пришёл сюда, ожидая увидеть Александра Борджиа (прим.: Александр VI Борджиа вошёл в мировую историю как самый развратный и аморальный первосвященник среди безнравственных пап-меценатов XVI века), а вместо этого нашёл Артура Димсдейла (прим.: герой романа «Алая буква» американского писателя Натаниеля Готорна — молодой, но очень одарённый и уже приобретший известность проповедник в пуританском Бостоне середины XVII в., человек, являющийся для окружающих примером праведной жизни, но носящий в сердце печать своего тайного прегрешения, мучимый раскаянием и не находящий в себе сил признаться в содеянном). Я

был настолько готов к грязной борьбе и всё же подозреваю, мне не придётся сражаться вовсе.

— Это не борьба, — произнёс я. — Это личность.

— Это всего лишь женщина, Отец, — Стерлинг сверкнул широкой белозубой усмешкой. — Скоро станет *моей* женщиной.

Я не ответил, хотя каждая нервная клетка так и кричала: «*Ты ошибаешься, ты ошибаешься, ты ошибаешься*». Вместо этого я попросту наблюдал, как он бросил мне вызов, а затем, засунув руки в карманы, легко зашагал вниз по проходу, будто ничего в этом мире его не заботило.

ГЛАВА 19.

Различие между завистью и ревностью тонко, но ощутимо, если однажды вы познаете вкус и очертание обеих. Ревность хочет то, что имеет кто-то другой, например, похожие на соседские автомобиль или дом. (Или хочет быть мужчиной, владеющим сердцем своей девушки, а не каким-то мудаком, родившимся с серебряной ложкой во рту^{*}, у которого наверняка есть выдвижной ящик для всех его запонок.) (прим.: в оригинале WASP-у asshole, где WASP, White Anglo-Saxon Protestant, — это самое привилегированное, влиятельное и богатое меньшинство в США, это люди, родившиеся с серебряной ложкой во рту, получившие всё с самого рождения и вступившие в защищённый, чистый, белый мир. Они наследуют богатство, живут в исторических домах, особо одеваются, знают своих предков (изображения которых висят по стенам) на сотни лет назад, их высокий досуг — охота на лис, конная езда и тому подобные светские забавы в своём кругу, очень-очень закрытом.)

Зависть же ненавидит тот факт, что *у кого-то* есть то, чего нет у тебя; и такая ненависть проявляется в жажде искромсать шины своего соседа, потому что он не заслуживает грёбаный BMW и все, чёрт побери, об этом знают; но, если ты не можешь иметь это, ужасно несправедливо, что он получает желаемое.

Стерлинг попал в последнюю категорию. Дело не в том, что он непременно желал Поппи, не так, как, вероятно, хотел получить другие блага: новый летний дом, новую яхту или новый зажим для галстука. Но мысль о ком-то ещё, кто обладает ею, сжирала его изнутри, будто ненасытный паразит одержимости проникал в его нутро.

Сегодня у меня было достаточно времени для размышлений, потому что Поппи, видимо, пропала без вести. Сначала, после ухода Стерлинга, я пытался сохранять спокойствие, расхаживая в своём офисе и звоня ей, а затем посылая текстовые сообщения; конверт из манильской бумаги прожигал дыру в моём столе подобно алой букве (прим.: в вышеупомянутом романе «Алая буква» главная героиня всю жизнь обязана носить на одежде вышитую алыми нитками букву «А», что означает адюльтер). Что ей сказать, если она снимет трубку? Я бы просто сообщил ей, что Стерлинг нанёс мне визит, и ох, он, оказывается, следил за нами и ещё, кстати, шантажировал меня, чтобы я тебя отпустил, — абсолютно нормальная пятница, не хочешь посмотреть Netflix сегодня вечером?

Но Поппи не ответила ни на мои звонки, ни на смс, обычно же она делала это быстро, и в течение целого часа я наматывал круги по своему офису. Я просто должен пойти к ней домой. Произошедшее было действительно важно, и прямо сейчас нам нужно было это

обсудить, но слова Милли по-прежнему занимали не последнее место в моей голове — нечего и говорить об этом чёртовом конверте в нескольких дюймах от меня, бывшем как чёрная дыра, полыхающая погребальным костром бьющегося грешного сердца — я боялся идти к ней домой, переживая, как бы нас не поймали... *снова*.

Потом мне захотелось накричать на себя за то, что я такая киска. Нам было необходимо во всём разобраться, и это было важнее всего. Мне лишь нужно пробежаться, вот и всё. Каждый видел меня бегающим в любое время дня и ночи, и, пройди я мимо старого дома Андерсона, никто бы не счёл это странным.

Я быстро переоделся в спортивную одежду, прикрепил свой телефон к руке и добрался до дома Поппи меньше, чем за две минуты. Её Fiat стоял на подъездной дорожке, но, когда я, проскользнув в сад (благодарный ещё раз за разросшиеся кустарники, предоставляющие такую чудесную маскировку), постучал в её дверь, никто не ответил. Где она, чёрт побери, была? Это очень важное дерьмо, а Поппи недоступна? Возможно, решила вздремнуть? Может, в душе?

Я постучал и стал ждать. Написал сообщение, постучал и снова ждал. Вышагивал, и ждал, и много раз стучал, а затем послал всё *на хрен* и отпёр дверь ключом, лежащим под горшком с бамбуком.

Как только вошёл внутрь, я мог с уверенностью сказать — Поппи не спала и не была в душе. Меня встретила гробовая тишина, которая приходит только с пустотой, с отсутствием, и, конечно, я увидел, что её телефон и кошелёк исчезли с обычного места на столе, хотя ключи всё ещё были там. Значит, она куда-то ушла без них. Может, отправилась в центр города? В кафе или, возможно, в библиотеку?

Я повернулся, чтобы уйти, но затем мысль обрела форму и ударила меня в грудь, будто была ледяным клинком.

Что, если она со Стерлингом?

Я практически сполз по стене. Это имело смысл. Я что, действительно думал, что он проделал весь этот путь, лишь бы предупредить меня? Что он объявит войну, а потом будет ждать ещё несколько дней, чтобы открыть огонь? Нет, после ухода из церкви Стерлинг, вероятно, направился напрямиком к Поппи и в то время, когда я — идиот — топтал изношенный ковёр в своём кабинете, уже был здесь, убеждая Поппи пойти куда-нибудь с ним. На обед. В бар. Или в какой-нибудь гламурный отель в Канзас-Сити, где он бы трахнул её у панорамного окна.

Этот ледяной клинок поражал меня снова и снова: в горло, в спину, в сердце. Я даже не собирался бороться со змеями-близнецами, ревностью и подозрительностью, пока те обвивали мои ноги, потому что без тени сомнения знал, что был прав. Не существовало другой причины, по которой она бы игнорировала мои звонки и смс.

Она была со Стерлингом. Она была со Стерлингом, а не со мной, и я был совершенно не в силах изменить это.

После осознания того, что во второй половине дня Поппи не было дома, я забежал в кафе, и библиотеку, и винный сад, просто чтобы проверить, не пошла ли она поработать куда-нибудь ещё. Но нет, её не было ни в одном из этих мест; вернувшись домой, я отстегнул свой iPhone, но она по-прежнему не написала и не позвонила.

В отличие от епископа Бове.

Я не перезвонил ему.

Во время обычного сбора молодёжной группе я был разбит, сердит и встревожен. Но, к счастью, был вечер Xbox, поэтому мои разочарование и напряжение слились с теми же чувствами шумных подростков, сражавшихся со мной в игре. А в конце нашей встречи я прочитал краткую и подходящую случаю молитву.

— Боже, псалмопевец (прим.: здесь царь Давид) говорит нам, что слово твоё — луч света у наших ног: даже если мы не всегда знаем, куда ведёшь нас, ты обещаешь указать нам следующий шаг. Пожалуйста, сохрани для нас этот луч горящим, дабы наш следующий шаг, наш следующий час и наш следующий день были ясными. Аминь.

— Аминь, — пробормотали подростки и отправились домой к своим переживаниям, которые были (для них) такими же беспокоящими и тревожащими, как и мои.

Домашнее задание, влюблённость, несочувствующие родители и выпускной казались мне такими далёкими. Я хорошо помнил эти проблемы, хотя они были сильно омрачены смертью Лиззи. Подростки чувствовали себя иначе, нежели взрослые — без опыта, напомиравшего им о том, что их жизнь не разрушится из-за плохой оценки или неразделённой любви, они воспринимали всё острее и значительнее.

Но у меня был подобный опыт. Так почему же я до сих пор чувствую себя так, будто могу сломаться?

После молодёжной группы я сидел в своей гостиной с телефоном в руках, размышляя, должен ли связаться с епископом, звонил ли он, потому что Милли или Джордан рассказали ему о моих нарушенных обетах, и раздумывая о том, смогу ли продолжать притворяться, если он *не* знает. А затем я увидел это: присланное мне в смс фото.

Его отправили с неизвестного номера, но я всё понял в ту же секунду, когда открыл сообщение и увидел снимок Поппи, которая сидела в машине лицом к окну. Свет был тусклым, словно фотографирующий не использовал вспышку, и казалось, сделан он был на заднем сиденье, что навело меня на мысли о личном водителе за рулём. Я едва мог разглядеть локоны волос вокруг её шеи и ушей, мерцание небольших бриллиантовых гвоздиков, которые она иногда носила, и перламутровый блеск её блузы с бантом.

Стерлинг хотел дать мне знать, что он был с ней. Я понимал: это могло быть чем-то невинным, например, обедом или разговором, но, давайте честно, обед с бывшим был когда-нибудь абсолютно невинным?

Я попытался проглотить ощущение предательства. Как я мог претендовать на её время, если сам предлагал ей лишь украденные кусочки своего? Я не был такого рода парнем — или каким бы я ни был — который желает получать отчёт за каждую её минуту и каждую её мысль в ревностной надежде, что это поможет ей оставаться верной. Даже если бы у меня были права на её преданность (а их у меня нет, поскольку я был по-своему неверен, изменяя ей с Церковью), я бы не стал так поступать. Любовь безусловна и свободна, и даже я это знал.

Кроме того, именно этого и желал Стерлинг. Он хотел, чтобы я беспокоился и кипел от злости, чтобы сосредоточенно размышлял над его победой, но я не доставлю ему такого удовольствия и не стану оказывать Поппи медвежью услугу, обвиняя её посредством смс и голосовой почты.

Мы подождём с разговором, пока она не вернётся. Это было разумным решением.

Странно, но появление плана действий (или плана бездействия, так сказать) не помогло. Я пытался посмотреть телевизор, почитать и даже поспать, но в каждой паузе

между репликами, в конце каждого абзаца передо мной возникали непрошенные и ужасные образы Поппи и Стерлинга: они разговаривали, трогали друг друга и трахались. В конечном итоге я бросил всё это и направился в подвал, где занимался с гантелями и приседал, пока луна не начала опускаться, затем осушил наполненный на четыре пальца стакан Macallan 12 и лёг спать.

Я проснулся этим утром не только с болью в мышцах, но ещё и с муками совести, на телефоне по-прежнему не было пропущенных звонков или сообщений. Я предался тайной фантазии о том, как брошу его в кастрюлю с кипящей водой или взорву в микроволновой печи (накажу за всё, что пошло чертовски неправильно за последние сутки), но вместо этого пошёл готовиться к мессе и после неё к блинному завтраку.

Утро прошло в размытом пятне отработанных действий, особенно после сообщения Милли о звонке Поппи, сказавшейся больной и предупредившей о своём отсутствии на волонтерской работе (это сопровождалось взглядом, который был не совсем уничтожающим, но, безусловно, сердитым, и я, должно быть, выглядел довольно жалко, потому что она смягчилась и перед уходом сдержанно поцеловала меня в щёку).

А в субботу после полудня я обнаружил себя ничего не делающим, но старающимся бороться со своими чувствами, и знаете? Я решил, что собираюсь ещё немного потренироваться.

И выпить. Это тоже.

Наконец-то закончив уборку в подвале церкви, я увидел по дороге домой, что епископ Бове снова звонил и прислал мне сильно искажённое сообщение, которое также включало в себя несколько, как я предположил, случайных смайликов.

Я должен ему перезвонить.

Но вместо этого, переодевшись в свои тренировочные шорты, я схватил полупустую бутылку скотча и поспешил вниз по лестнице, где включил Бритни настолько громко, насколько могут работать динамики; я издевался над своими мышцами, кричащими от боли, посредством более тяжёлых гантелей, ещё большего количества приседаний и подъёма торса, между подходами потягивая виски прямо из бутылки.

Я собирался пить и потеть, пока не забыл бы о существовании Стерлинга. Чёрт, я бы пил, пока не забыл бы о существовании Поппи.

И я был уже близко. Пьяные отжимания начали убеждать меня, насколько моё тело не ценило одновременную интоксикацию и физическое напряжение, а руки практически отказывали, когда внезапно выключилась музыка и я уловил звук своего имени, произнесённого единственным голосом, который мне хотелось услышать.

Сильно удивившись, я встал на колени, когда Поппи направилась ко мне, одетая в ту же светлую блузку с бантом, запечатлённую на вчерашнем фото. Значило ли это, что она провела ночь со Стерлингом? Macallan и изнеможение дестабилизировали меня достаточно, чтобы я желал узнать — нет, обвинить — лишь это.

Но затем она тоже встала на колени, без колебаний запустила пальчики в мои потные волосы и наклонила своё лицо к моему.

В момент прикосновения её губ к моим всё остальное вспыхнуло и сгорело, будто подброшенная в воздух исчезающая бумага (прим.: имеется в виду особая форма нитроцеллюлозы, используемая фокусниками). Я забыл, почему наказывал своё тело, почему пил, почему не мог спать прошлой ночью.

Обернув руки вокруг моей талии, она разомкнула губы, заманивая меня в свой рот, и я

последовал туда, куда меня звали, обнаруживая наши языки вместе и целуя её со всей своей яростью. Я обхватил шею Поппи сзади, удерживая так, как не мог владеть её верностью или временем; другая моя рука потянулась под её измятую юбку-карандаш и наткнулась на кружево стрингов, отталкивая его в сторону, чтобы найти мягкую плоть между её ножек. Без прелюдии или предварительных ласк я толкнулся пальцем в её киску, бывшую тугой и не совсем влажной, хотя уже почти готовой для меня.

Поппи застонала в мой рот в ответ на вторжение, прерывая наш поцелуй со вздохом, когда я начал тереть её клитор большим пальцем, тогда как другой изгибался внутри неё.

Она прильнула ко мне, пока я обрабатывал её киску, и, Боже, прости меня, я настолько ревновал к возможности Стерлинга дотронуться до её щёлки прошлой ночью, что не мог различить, делал ли я всё это ради неё или ради себя, как будто смог бы вернуть её, заставив кончить.

Её тяжёлое дыхание, устремлённое в моё плечо, вчерашние причёска и макияж, помятая одежда — весь этот вид в стиле «пути позора» — были столь чертовски горячими и одновременно приводящими в бешенство, поэтому неудивительно, что она вздрогнула от моего голоса:

— На четвереньки. Лицом от меня.

Она сглотнула и медленно выполнила приказ.

— Тайлер... — сказала она, словно впервые осознав, что, возможно, задолжала мне объяснение.

— Нет. Ты не можешь говорить, — мой голос был хриплым из-за тренировки и скотча. — Ни одного грёбаного слова.

Мой член стал твёрдым, стоило мне услышать её голос, но к тому времени, как я задрал её юбку на бедра и стянул стринги к коленям, стояк стал настолько жёстким, что это причиняло боль.

«Я должен предупредить её, что пил. Я должен предупредить её, что злюсь».

Вместо этого я стащил шорты вниз и освободил свой член, в моей голове не было ничего, за исключением мысли трахнуть эту киску, но, как только конец моего ствола был у её щёлки, ревность переборола меня. Моя ревность и, возможно, совесть, которая была избита и с кляпом во рту, но всё ещё в состоянии не позволить мне — пьяному и в гневе — трахнуть женщину.

Поэтому я отстранился и взамен секса с ней обхватил ладонью свой член, взглянул на её задницу и принялся дрочить. Это не было тихо: я ворчал каждый раз, когда моя рука скользила по головке, а соприкосновение ладони и моего стояка создавало характерный звук мастурбации — вскрикнув, Поппи начала поворачиваться ко мне.

— Это несправедливо! — запротестовала она. — Не делай этого, Тайлер, — трахни меня. Я хочу, чтобы ты меня трахнул!

— Развернись.

— Ты даже не позволишь мне смотреть? — спросила она, звуча задетой и отстранённой.

«Ну, обидели мышку, написали в норку», — подумал Пьяный Тайлер, а Хороший Парень Тайлер поморщился. Но нет. Нет, она должна искупить вину. Хоть как-то.

Я шлёпнул её по заднице, и Поппи дёрнулась навстречу моей ладони, издавая низкий стон, говорящий мне о её стремлении получить больше, и мне хотелось подарить ей это, но часть меня в то же время не желала давать ей ничего, пока я не узнаю, не вернулась ли она

снова к Стерлингу. Но на хрен всё: это могло бы стать началом её искупления, поэтому я снова и снова порол её ладонью, чередуя ягодицы, пока те не окрасились розовым цветом.

Я мог видеть, как она становится более влажной, её щёлка практически рыдала для меня, но мне было всё равно — пусть плачет; затем последовала мощная волна: моя сперма покрыла всю её вчерашнюю одежду, кульминация была сильной, но резкой, неприятной и короткой, потому что Поппи не разделила её со мной. Она не была удовлетворена, поэтому и я тоже не был, хотя всё это произошло не ради удовольствия — ради своего рода мести, и, Боже, я был грёбаным мудаком.

Я сел на пятки, мои щёки покраснели от стыда. Я должен был прикоснуться к ней: мне следовало развести её ноги в стороны и вылизывать её, пока она не кончит. Какого рода ублюдок сделал бы такое с женщиной — в тот момент пьяный и ревнующий — и не отплатил бы тем же? Но как бы я прикоснулся к ней теперь, когда чувствовал себя так отвратительно из-за своих грехов и неудач, когда всё ещё был настолько подозрителен и расстроен, что не мог доверять себе контролировать её тело?

Я не мог. До этого я думал членом, но стало бы ещё хуже, прикоснись я к ней с подобными чувствами, бушующими внутри.

Запихнув себя в трусы, я схватил полотенце и вытер сперму с её одежды настолько тщательно, насколько это было возможно.

— Ты... Мы не... — Поппи обернулась и посмотрела мне в лицо, не утруждая себя поправить юбку; вид её обнажённой киски послал толчок прямо в мой член. Я бы снова стал твёрдым через минуту.

Я заставил себя отвести взгляд:

— Позволь мне помочь тебе встать. И затем, думаю, тебе следует пойти домой.

Она встала и прижалась ко мне.

— Ты пил, — сказала она, глядя мне в глаза. — Выглядишь дерьмово.

Поппи потянулась, чтобы погладить мою щёку, но я поймал её руку, удерживая ту в воздухе, пока боролся с тысячами тёмных искушений, с ощущением того, что, трахнув её достаточно жёстко, я бы смог стереть Стерлинга из её памяти.

Я отпустил её руку.

— Иди домой, — устало произнёс я. — Пожалуйста, Поппи.

Её взгляд ожесточился, глаза как огромные агатовые камни решимости.

— Нет, — ответила она, и это был тот сенаторский голос, тот самый голос председательницы ФРС (прим.: Федеральная Резервная Система, также известная как Федеральный Резерв или Fed — это центральный банк США). — Наверх. Живо.

Я не собирался спорить из-за её тона и ещё потому, что, поднявшись наверх, она как раз смогла бы уйти, но, как только мы достигли моей гостиной, Поппи положила свои ладони на мои плечи и повела меня к ванной комнате вместо того, чтобы отправиться к двери, а я оказался пьянее, нежели думал изначально, поскольку едва ли мог двигаться, не врезаясь в стены, и дерьмо, на улице по-прежнему было светло. До четырёх часов дня мне удалось напиться в стельку и наебать самую совершенную женщину в мире.

Тайлер Белл — Американский Герой.

Я позволил Поппи подвести меня к краю ванны, куда и сел.

— Почему ты не идёшь домой? — спросил я жалобно. — Пожалуйста, иди домой.

Она опустилась на колени и расшнуровала мои кроссовки, нетерпеливо дёргая за верёвочки.

— Я не оставлю тебя в таком виде.

— Мне не нужна забота, чёрт побери.

— Почему? Потому что чувствуешь себя слишком уязвимым? Поэтому ты не трахнешь меня? Или не прикоснёшься? Или даже не помотришь мне в глаза?

— Нет, — пролепетал я, хотя это была правда, которую мы оба знали.

— Поднимайся, — приказала Поппи тоном руководителя, и я повиновался, не наслаждаясь подчинением, но получая удовольствие от взаимодействия, от того, как она возилась со мной, как заботилась обо мне. Будто любила меня. Она стянула мои шорты, так что я остался голым, а затем потянулась через меня и включила душ. — Внутрь.

Я хотел запротестовать, пока не увидел, как Поппи растёгивает свою блузку и сбрасывает каблук. Она собиралась присоединиться ко мне.

Горячие брызги ощущались как небеса на моих воспалённых мышцах, потом рядом оказалась Поппи, и было ещё что-то с ароматом чистоты на мочалке; на какое-то время всё сосредоточилось на свежем запахе мыла, массаже мочалкой и мягком потоке воды, тёплом и утешительном. Когда она поставила меня на колени, чтобы помыть мне волосы, я без вопросов опустился на пол, прижимаясь лицом к её животу и одновременно гадая, существует ли слово для кожи, означающее больше, чем податливая, мягкая и сексуальная, — слово, объединяющее все эти качества в одно.

Я закрыл глаза и застонал, в то время как она массирует мне кожу головы, её пальцы создавали такое давление, которое и расслабляло, и стимулировало. Я сдвинул своё лицо и с мольбой поцеловал её пупок. Молил, однако, о том, чего не знал.

Но я точно знал, что впервые за двадцать четыре часа не был охвачен шквалом эмоций, не тяготился виной и не наказывал себя. Я был с Поппи, и её киска находилась совсем близко к моему рту, поэтому я наклонился и поцеловал вершинку её клитора, чувствуя дрожь под губами.

Но она упёрлась ладонями в мои плечи и оттолкнула меня от себя.

— Нет, пока я не позабочусь о тебе, — заявила она, смывая шампунь с моих волос.

Затем она оставила меня на том же месте, купаясь сама. Поппи не пыталась устроить шоу, не старалась быть соблазнительной, но до сих пор это была одна из самых сексуальных сцен, которую я когда-либо наблюдал: как её соски скользили между пальцами, пока она намыливала свою грудь; как пена струилась по её животу, а после стекала к её щёлке и бёдрам; как вода лилась по плавным полушариям её задницы, пока она, откинув голову назад, стояла под душем.

Когда Поппи выключила воду, мой член уже стал твёрдым как грёбаный камень, и я поймал её на том, как она краем глаза рассматривала мою эрекцию, глядя на меня с таким голодом, что мне захотелось взять её прямо на полу ванной.

Но ещё я протрезвел (не так уж и сильно) и понял, каким подонком был с ней в подвале, а также осознал, насколько не заслуживал такого ласкового обращения, каким она одаривала меня сейчас. Поэтому я не стал никого брать, просто вытерся и позволил оттащить себя к кровати.

— Ложись, — сказала она. — И засыпай.

Она не останется со мной? Блядь.

— Поппи, прости меня. Я не знаю...

— Что на тебя нашло? — закончила она за меня. — Судя по всему, полбутылки скотча. Но, — и тут Поппи опустила глаза, — думаю, я заслужила это.

— Нет, — произнёс я решительно, ну, не очень решительно, потому что теперь, устроившись на подушке, понял, что комната вращается вокруг меня. — Ты ничего подобного не заслуживаешь. Мне сейчас так стыдно за себя, я не стою того, чтобы ты даже находилась здесь. Тебе нужно уйти.

— Я не уйду, — ответила она с той же твёрдостью, которую я был не в состоянии проявить. — Тебе следует вздремнуть, а я почитаю книгу. Когда проснёшься, у меня найдётся способ, которым ты загладишь свою вину. Ладно?

— Ладно, — прошептал я, будучи неуверенным, заслуживаю ли того или нет.

Но ещё мне хотелось, чтобы она знала, *почему* я был таким ослом, *почему* вёл себя, как феноменальный ублюдок. То было глупое человеческое желание найти оправдание своим действиям: словно мне можно будет стереть все ошибки, как только она узнает мои причины.

Как тот, кто профессионально выслушивал рассказы о людских проступках и об их причинах, я должен был придумать что-нибудь получше. Но я был в отчаянии из-за того, что Поппи не испытывала ко мне лютой ненависти, и да, возможно, существовала крошечная часть меня, которая тоже хотела свалить с больной головы на здоровую, потому что — давайте смотреть правде в глаза — она провела ночь со Стерлингом, а затем заявила сюда в своём вчерашнем великолепии, и как я, мать вашу, должен был реагировать?

— Я знаю: прошлой ночью ты была с ним, — выпалил я и затаил дыхание, страшась, что она подтвердит это, но куда больше страшась того, что попытается отрицать.

Но Поппи не сделала ничего подобного. Вместо этого она вздохнула и натянула одеяло до моей груди.

— Мне известно, что ты знаешь, — произнесла она. — Стерлинг рассказал об отправленном тебе фото, — затем отвела взгляд: — Я чертовски сильно ненавижу его.

Это слегка воодушевило меня. Может, прошлой ночью, в конце концов, вовсе не было секса. Может, всё это не было продуманной прелюдией к тому, чтобы сказать мне об уходе Поппи к Стерлингу.

— Я не трахалась с ним, Тайлер, — заметив мой взгляд, сказала она.

И я поверил ей. Возможно, дело было в её откровенности и честности. Возможно, в её широко распахнутых и невинных глазах. Или, может, это было нечто более эфемерное: духовная связь, знающая, что её слова искренние.

В любом случае я решил поверить в сказанное ею.

Поппи сделала глубокий вдох:

— Мы поговорим ещё, когда ты проснёшься. Но я не... Ничего не было. Я не касалась его... Он не касался меня.

Поппи нашла мою руку и сжала её — это движение стало осью, вокруг которой пьяно накренилась комната.

— Я хочу только *тебя*, Отец Белл.

ГЛАВА 20.

— Просыпайся, соня.

Голос пронзил туманную, размытую завесу тяжёлого сна; звуковые волны и нервные рецепторы работали вместе, дабы пробудить мой мозг, уговорить меня проснуться и

вернуться в мир трезвой жизни.

Мой мозг не хотел этого понимать. Я перекатился, но вместо того, чтобы найти одну из моих старых, тонких подушек, моё лицо наткнулось на обнажённую плоть. Голые бёдра. Я обнял их бездумным жестом, зарываясь лицом в гладкую, ароматную кожу.

Пальцы прошлись по моим волосам:

— Время вставать.

То были больше бёдра, чем просьба, однако в итоге мне удалось открыть глаза, и как только я сделал это, тут же пожалел о содеянном.

— Брр, — простонал я. — Чувствую себя дерьмом.

— Из-за выпивки или твоего поведения?

Я прижался лицом к бедру Поппи.

— Оба варианта, — пробормотал я.

— Как я и думала. Что ж, время почувствовать себя лучше. Я оставила для тебя кое-какую одежду на кровати.

Бёдра исчезли, что меня опечалило. Поппи свесила ноги с кровати, встала и потянулась так, словно находилась в одном положении долгое время, но она больше не была обнажена, одетая теперь в короткую тунику с поясом на талии и сандалии-гладиаторы.

— Ты уходила, — обвинил я.

Она кивнула:

— Я не могла пойти туда, куда мы собрались, в одной из твоих футболок и, конечно, не собиралась надевать свою грязную одежду. Я уходила на несколько минут, клянусь.

Я медленно принял сидячее положение и взял воду и Адвил, которые она предложила.

— Теперь одевайся, — сказала она. — У нас свидание.

Через тридцать минут мы ехали в Fiat по межштатной трассе. На мне были тёмные джинсы и мягкий пуловер, который на последнее Рождество подарил мне Шон в своих непрекращающихся попытках улучшить мой гардероб. Это был повседневный наряд — вопреки смешной цене на свитер — и я гадал, почему мы выехали из города, если только не направлялись в какое-нибудь шикарное и дорогое место.

— Куда мы едем? — поинтересовался я.

Поппи не ответила сразу, проверяя зеркала и вытягивая шею, будто игнорировала из-за плотного ночного трафика в субботу. Я решил не давить на неё, хотя любопытство убивало меня, равно как и незначительная обеспокоенность тем, что кто-то мог бы увидеть нас вместе.

Наконец-то она произнесла:

— В одно место, куда я хотела тебя взять ненадолго. Но сначала: вчера. Мы должны поговорить о произошедшем.

Да, должны, но теперь, зная, что она не спала со Стерлингом, я в значительной степени хотел совсем избежать болезненного диалога. Эти последние полтора дня грубо вытолкнули нас за пределы фазы притворства, за пределы места, где мы могли просто воображать мир снаружи как неуместный шторм, безрезультатно бьющийся в наше окно, и я ненавидел это. Потому что вне этого места все решения и обсуждения медленно разобьют мою жизнь на маленькие кусочки.

— Итак, вчера Стерлинг пришел ко мне домой, — начала она. — После визита к тебе.

Поппи знала об этом?

Словно прочитав мои мысли, она ответила:

— Стерлинг любит хвастаться своими завоеваниями. В бизнесе, любви, мести — любым видом победы. Думаю, он считал, будто я впечатлюсь тем, насколько тщательно он загнал нас в угол при помощи этих доказательств наших отношений в виде фотографий.

Боже. Он такой мудака.

— Ты должен понять: я знала, что со временем он приедет сюда, и знала, что скажу ему о своём нежелании быть с ним. Но также я была уверена, что он не согласится на что-либо меньшее, чем отказ лицом к лицу, а ещё чувствовала, что должна ему, по крайней мере, обед и шанс всё обсудить. Я имею в виду, мы же встречались *годами*...

— И все эти годы он тебе изменял, — пробормотал я.

Она посмотрела на меня. Взгляд был не особо приятным.

— В любом случае, — продолжила Поппи, её голос зазвучал взволнованно, — я согласилась уехать из города и поужинать с ним. Мы закончили разговаривать так поздно, что я заснула в его гостиничном номере.

Мне не нравятся эти детали.

Мне вообще ни одна из этих деталей не понравилась.

— Но как я уже сказала, — снова заговорила Поппи, — ничего не было. Я продремала на диване до утра, а затем его водитель привёз меня домой. К тебе.

— Так он теперь в курсе, что ты с ним покончила? Он уйдёт?

Она колебалась:

— Да?

— Это вопрос? Ты говоришь, что не знаешь наверняка?

Её глаза оставались прикованными к дороге.

— Когда я уходила утром, он сказал, что полностью принял моё решение. И добавил, что не хочет, чтобы я была с ним против воли, — для него важны мои чувства. Поэтому Стерлинг отступает.

Я подумал о человеке, повстречавшемся мне вчера, о его ледяных голубых глазах и надменном голосе. Он не был похож на тот тип мужчин, которые сдаются. Впрочем, он походил на тех, кто может солгать о своей капитуляции.

— А те фото с нами... Стерлинг приложил максимум усилий, дабы выстроить потенциальную схему шантажа, и он вот так просто собирается отказаться от них?

Она закусил губу, снова бросая взгляд через плечо, чтобы перестроиться в другой ряд. Мне нравилась манера её вождения: быстрая, умелая, с привкусом агрессии, которая никогда не обернётся чем-то опасным.

— Не знаю, — сказала она беспомощно. — Он казался вполне определившимся, и да, трудно представить, будто Стерлинг так легко отступит и уйдёт, но и не думаю, что он стал бы врать насчёт этого.

— Зато я думаю, — пробубнил я себе под нос.

Она услышала:

— Слушай, Стерлинг не святой, но несправедливо демонизировать его только потому, что он мой бывший. Да, он творил плохие дела, но из-за этого не становится психопатом. Он лишь избалованный мальчишка, которому никто и никогда не говорил «нет». И я, честно говоря, не считаю, что Стерлинг что-то сделает с этими фотографиями.

Она его защищает? Ощущалось так, словно она действительно защищает его, и это

слегка меня разозлило.

— Он предложил вернуть тебе файлы? Или даже удалить их?

— Что? Нет. Но...

— Тогда я не думаю, что он планирует куда-либо уходить, — резюмировал я, не сводя взгляда с окна, за которым покрытые сумраком поля медленно переходили в разрастающийся город. — Он упоминал, что знает, что именно ты хочешь услышать, но это ещё не конец, Поппи. Для Стерлинга ничего не будет кончено, пока он не получит желаемое. Тебя.

Её рука скользнула поверх моей, и на мгновение я обиженно подумал о том, чтобы проигнорировать этот жест и не сплести наши пальцы вместе, — причинит ли ей это боль или покажет моё несогласие, я не был уверен.

Боже, я был таким козлом.

Схватив её за руку, я сильно сжал ту.

— Прости, — сказал я. — Это просто... Будто трезубец, направленный прямо в моё сердце. Я могу потерять тебя или свою работу — может, и то и другое.

— Ты не потеряешь меня, — настояла она, оглядываясь. — И ты не потеряешь свою работу. Пока не захочешь этого.

Я прислонил голову к прохладному стеклу окна. И снова он... Выбор. Чёрное и белое, день и ночь, одно или другое. Поппи или Бог.

— Милли знает, — ляпнул я неожиданно.

Я ощутил, как её рука напряглась в моей, и опять появился этот странный гнев: почему Милли — удивительная, надёжная Милли — тревожила больше, нежели Стерлинг? Но я перевёл дыхание и отбросил эти мысли. Я не позволю череде последних событий вбить клин между нами.

Я не допущу этого.

— Она не собирается никому говорить о нас, — заверил я Поппи.

А затем я поведал ей о произошедшем со мной вчера, в конечном итоге решив не скрывать от неё ничего, даже мои уродливые, глупые мысли, ибо был ей обязан. Я хотел быть ей обязанным. И действительно, чего я лишался? Я в любом случае был настолько близок к потере всего. И мог быть честным до конца.

Она слушала, пока я рассказывал ей обо всём: о Милли; о шантаже Стерлинга; о том, как я догадался, что она была с ним, ещё до его смс; и обо всех противных, завистливых чувствах, прямо сейчас прожигающих мою грудь, — когда я закончил, её губы были сжаты в красную линию, скрывая те зубы, которые казались мне странно сексуальными, и придавая чертам её лица серьёзное выражение, что было почему-то столь же привлекательно.

— Я понимаю, мы не так давно знаем друг друга, — произнесла она. — Но тебе никогда не придётся беспокоиться о том, что я тебя обману. Этого не произойдёт. Точка. Я не изменяю.

— Я не имел в виду... — мне хотелось подобрать правильные слова. — Я знаю *тебя*, настоящую тебя, и знаю, что ты не причинишь мне каким-либо способом боли. Но ещё знаю, что Стерлинг для тебя больше, чем просто бывший парень. Я знаю, что между вами двумя есть нечто давнее и мощное, и именно это меня беспокоило, а не какая-то воображаемая слабость в твоём характере.

— Не имеет значения, какое прошлое между мной и Стерлингом. Я никогда не изменю тебе. Подобное не в моей природе.

Я надеялся, что это правда. Я очень сильно надеялся. Но мне пришло на ум, что я никак не мог быть уверен в её верности, ведь не существовало гарантии доверия любимому человеку, как и суда, куда можно было бы предъявить иск, если тот в конечном итоге тебя предаст. Решение любить её, довериться ей в отношении Стерлинга делает меня уязвимым.

Но она уже была уязвима, любя мужчину, которому фактически не позволялось чувствовать к ней то же, поэтому, возможно, они были квиты.

Для поднятия настроения я сказал:

— Полагаю, я это понимаю. У Шона и Эйдена даже есть название-объяснение для таких людей, как ты; они дали этому имя «Ген Моногамии».

— Ген моногамии, — повторила она. — Думаю, в этом есть смысл.

Я откинулся назад. В поле зрения появился центр Канзас-Сити: стеклянные и кирпичные монолиты тянулись в сиреневое небо, ниже змеилась река серо-стального цвета.

— Ещё они шутят, будто у меня есть ген безбрачия, — продолжил я. — Хотя теперь я совсем не уверен, — отблески уличных фонарей и светофоров мелькали в автомобиле, пока Поппи ловко маневрировала в потоке машин, чтобы попасть в самое сердце города. — Возможно, это не ген безбрачия, — добавил я больше для себя, чем для неё. — Может, я ждал тебя всю свою жизнь.

Поппи втянула сквозь зубы воздух и свернула в переулок между двумя зданиями. Прежде чем я успел спросить её, что происходит, она остановила машину в парке и переползла ко мне на колени, отчего мой член с интересом оживился.

Её губы встретили мои с настойчивой, страстной, решительной жаждой, а её нетерпеливые руки были повсюду: в моих волосах, на груди, на ширинке джинсов.

— Я люблю тебя, — выдыхала она снова и снова, и напряжение нашей поездки растаяло. — Я люблю тебя, я люблю тебя, я люблю тебя. И прошу прощения за сегодня.

Я нашёл её попку под платьем и сжал, скользя своими пальцами между её бёдрами, чтобы кончиками провести вдоль полоски её стрингов, которая уже была влажной.

Но она, до того как я смог углубиться в это новое и интересное событие, с тяжёлым дыханием отшатнулась.

— У нас впереди грандиозная ночь, поэтому я не хочу разрушить её, начав слишком рано, — сказала Поппи с улыбкой. — Но ты не знаешь, что делаешь со мной, когда говоришь такие слова.

— Они правдивы, — прошептал я ей. — Я забочусь о тебе чертовски сильно и хочу... — я притянул её ближе к себе: её грудь упёрлась в моё лицо, а киска прижалась к эрекции, покрытой джинсовой тканью. — Я лишь хочу, чтобы так было всегда. Ты и я. Никаких решений. Никаких проблем. Только... мы.

Она поцеловала меня в макушку:

— Ну, если ты этого желаешь, то тебе понравится сегодняшняя ночь.

Сначала я подумал, будто Поппи сошла с ума, потому что вместо того, чтобы выбрать поход в ресторан, кинотеатр или нечто типичное для свидания, она заехала на офисную стоянку (я знал, что это был офис, только потому, что Бизнес-Братья трудились двумя небоскрёбами ниже, а Эйден встречался с девушкой, которая работала здесь).

Мы подошли к застеклённому вестибюлю с лифтами, и Поппи провела смарт-картой над запертой дверью. Когда замок щёлкнул, она потянула меня к дальнему лифту, снова

скользнула ключом, и мы устремились к тридцатому этажу.

Наконец-то я решился спросить:

— Куда мы идём?

Она одарила меня небольшой улыбкой, одной из тех, что оставляли меня прикованным к её рту:

— На мою работу.

Едва я успел обдумать услышанное, как мы вошли внутрь, а Поппи кивнула женщине за стойкой регистрации (которая была одета в сшитый на заказ костюм, словно работала в инвестиционной компании, а не в стрип-клубе). Поппи толкнула дверь из тонированного стекла, а я последовал за ней, и затем мы оказались в самом эксклюзивном клубе города, в месте, которое соблазнило магистра экономики управления Дартмута остаться, когда Уолл-стрит это не удалось.

По периметру помещения были выстроены стены, перекрывая тем самым окна предположительно для того, чтобы мигающие огоньки не сверкали в течение ночи (и чтобы естественный свет не мешал в течение дня). Но между стенами и окнами существовал значительный зазор, означающий, что любой гость мог взять свой напиток и, глядя на городской пейзаж, бродить в получившемся пространстве, как сейчас это делали несколько мужчин; когда Поппи проводила меня мимо, некоторые из них вели телефонные разговоры, которые звучали как деловые звонки.

Тут и там стены прерывались, давая мне возможность заглянуть внутрь главной комнаты. Две или три девушки в одиночку танцевали в стеклянных боксах, но несколько танцевали на полу, и я инстинктивно отвёл взгляд от обнажённой женской плоти. Возможно, в душе я всё ещё оставался пастором.

Но теперь мои глаза вернулись к короткой тунике Поппи, через ткань которой я мог чётко увидеть очертания её задницы.

Ага, всё верно.

Мы нырнули в один из проходов, а затем Поппи завела меня в комнату.

— Что мы делаем?

— Мой босс сказал, что я могу в любой момент использовать какую-нибудь из этих комнат. И я хочу этого прямо сейчас.

— Для меня?

— Для тебя. Теперь жди здесь, — улыбнулась она, а затем вышла, закрыв за собой массивную деревянную дверь *со щелчком*.

Так это и есть те самые приватные комнаты, о которых она рассказывала, как и та, где они со Стерлингом трахались. Эта мысль послала уже знакомый, проникающий глубже шип ревности, но потом я вспомнил машину и отчаянные «люблю тебя» от Поппи. Она была здесь... Со мной. Не с ним.

Тогда почему гнев всё ещё сворачивался змеёй в моём животе? Я ненавидел себя за это чувство, но не мог выгнать его, выковырять оттуда. Оно пробралось в мои вены, щекоча изнутри кончики моих пальцев с желанием... чего? Отшлёпать её попку за проведённое с бывшим время без моего позволения? Трахать её до тех пор, пока она не признает мой член единственным во всём мире?

Боже, я был таким грёбаным филистимлянином (прим.: считается, что слово «филистимлянин» (филистер) стало именем нарицательным при следующих обстоятельствах. Некий проповедник в 1693 г. в городе Иена на погребении студента,

убитого бургером, процитировал библейские слова Далилы, обращённые к Самсону: «Самсон! Филистимляне идут на тебя» (Ветхий Завет, Книга судей Израилевых гл. 15, ст. 16). Слово вошло в язык немецкого студенчества как синоним человека ограниченного, самодовольного, чуждого духу просвещения обывателя-конформиста — антипод человека просвещённого, прогрессивного и т. д).

Чтобы отвлечься, я решил оглядеться. Никогда раньше мне не приходилось бывать в стриптиз-клубе, но следовало признать, что тут гораздо лучше, чем я того ожидал. Обстановка состояла из кресла, дивана — оба обтянуты кожей («*Легче чистить*», — подумал я горько) — и возвышения в центре комнаты, бывшего достаточно широким как для размещения на нём шеста, так и для танца без его участия.

Свет синего и фиолетового оттенков был приглушён, музыка же играла довольно громко, но недостаточно, чтобы раздражать. Такого рода звук проникал в вашу кровь вместе с биением и требовательным ритмом; он сливался с вашими собственными мыслями и учащал пульс, уменьшая действие адреналина до устойчивого влияния.

Я сел на кожаный диван и, глядя на свои руки, наклонился вперёд. Что я здесь делаю? Почему она привела меня сюда? Из всех мест...

Но затем дверь открылась, и я перестал интересоваться чем-либо, кроме той возможности, когда смогу погрузить свой член в неё, потому что *ебать*.

На ней был парик цвета синей сахарной ваты, а макияж глаз был таким ярким, что я только и мог представлять себе, как эти подведённые карандашом глаза смотрят на меня, пока она сосёт мой член. И я тут же осознал, что она имела в виду, говоря, что клубу нравится нанимать дорого выглядящих девушек. Хоть я ни хера не смыслил в женском белье, точно знал, что эта аккуратно расшитая ткань её прозрачных трусиков, вероятно, не была типичной для наряда стриптизёрши. Как и соответствующий им шёлковый бюстгальтер с открытой грудью (прим.: в оригинале shelf bra — бюстгальтер с низким вырезом или с открытой грудью обладает косточками, но его чашечки очень малы и не покрывают сосок) или кружевные стикини, скрывавшие её соски, — всё в нежном цвете шампанского. Полоска шёлка того же оттенка была завязана на её шее бантом, и мне хотелось развернуть её как подарок в тот же момент и прямо там. Поппи всегда выглядела потрясающе — в одежде и без неё — но сейчас она преобразилась в Поппи, которую я видел мельком лишь в наши самые интимные мгновения.

Она подошла ко мне на шестидюймовых (прим: 15,24 см) каблуках настолько грациозно, словно была в балетках, и протянула руку:

— Твой кошелёк.

Смущённый, я достал его из своих (внезапно очень тесных) джинсов и вручил ей. Она вытащила из лифчика свёрток хрустящих купюр в пятьдесят и сто долларов, аккуратно вложила их в мой бумажник и вернула тот мне.

— Я хочу сыграть в игру, — сказала Поппи.

— Хорошо, — ответил я, и у меня внезапно пересохло во рту. — Давай поиграем.

Она облизнула губы, и мне стало ясно, что сейчас я не единственный чертовски сильно возбуждён.

— Ты мой клиент, а я лишь танцовщица, идёт?

— Идёт, — повторил я.

— Ты же знаком с определёнными правилами приват-комнат, так?

Я покачал головой, будучи не в силах отвести взгляд от её фигуры, от дорогого белья на

ней, от шёлковой полоски на шее, которую можно было бы так легко превратить в поводок...

— Итак, первым делом ты должен заплатить за своё нахождение здесь.

Затем Поппи положила руку на бедро, выглядя такой нетерпеливой и разгорячённой, и любые философские размышления, которые могли возникнуть у Хорошего Парня Тайлера, о столь унижительном притворстве — в первую очередь о пребывании в стрип-клубе — устремились к нулю. В тот момент, когда я вложил в её руку банкноты, воздух мгновенно изменился. Игра исчезла, и это стало нашей реальностью — не имело значения, что мы любили друг друга и что это были даже не мои деньги — я заплатил ей, а она взяла купюры и, устремив глаза на меня, теперь стояла на сцене, держась рукой за шест.

Она начала танцевать, и я откинулся назад, желая запомнить каждую деталь: как её ноги были обёрнуты вокруг шеста, пока она скользила по нему; как синие волосы задевали её плечи; как мышцы на её руках и плечах натягивались и напрягались друг напротив друга.

Приглушённый свет, громкая музыка, анонимность секса напоказ передо мной... Всё сочеталось с обжигающим пламенем в её глазах, словно Поппи желала *меня*: именно меня и меня прямо сейчас — теперь я понимал, почему Ирод предложил Саломее выбрать что угодно после того, как она станцует для него. Было нечто столь восхитительное в перетягивании власти между нами; в данной ситуации предположительно я сохранял весь контроль и достоинство, но в действительности всё было наоборот. Поппи завораживала меня, порабощала, пока я не захотел бы предложить ей не только деньги, которые она положила мне в бумажник, но и мой дом, мою жизнь и душу.

Поппи и её танец семи покрывал (прим.: также встречается вариант «танец семи вуалей»). Согласно общепринятой легенде, первой исполнительницей этого танца была иудейская царица Саломея, которая исполнила этот танец для царя Ирода. Во время танца она сбрасывала с себя семь накидок, пока не осталась обнажённой. Можно сказать, что это был древний стриптиз. Ирод был так восхищён Саломеей, что пообещал ей исполнение любого желания взамен на ещё один танец. По совету своей матери Саломея попросила принести ей голову Иоанна Крестителя на блюде. Как утверждает Евангелие от Матфея, Ирод исполнил своё обещание. Так в Библии был описан прообраз роковой женщины).

Потом она наклонилась, и я отвлёкся тем фактом, что теперь её задница была спереди и по центру и что сквозь ткань мне была видна тень её складочек — я бы дал любую клятву прямо тогда, лишь бы поласкать её там.

Я пошевелился, пытаясь найти для себя больше места в своих джинсах, но это было бесполезно. Вслед за тем передо мной возникла Поппи, положила ладони на мои колени и развела их в стороны достаточно широко, чтобы встать между ними. Она повернулась так, что её попа оказалась прямо напротив моего лица, и настолько близко, что было возможно различить отдельные цветы, вышитые на её нижнем белье, так что я провёл по ним пальцем.

Она перехватила мою руку:

— Ты должен заплатить больше, если хочешь прикоснуться, — промурлыкала Поппи, и я последовал за Иродом по пути духовной гибели, потому что для неё не существовало слишком высокой цены.

Без каких-либо возражений я отдал деньги, которые были засунуты ею в лифчик. Затем она направила мои руки по своим бёдрам и провела ими по бокам, а после вернулась к груди. Мгновение я поиграл с её стикини, одновременно любя и ненавидя незнакомое ощущение того, что её соски недоступны для меня.

Она села ко мне на колени, прижимаясь задницей к моей эрекции, и положила голову

мне на плечо, когда я ласкал её сиськи. Я уткнулся носом в её шею:

— Держу пари, ты проделываешь подобное со всеми проходящими сюда парнями.

— Только с тобой, — ответила Поппи бархатным голосом, извиваясь на мне; трение о мой член заставляло меня тихо постанывать. Она развернулась, таким образом оседлав меня. — Ты же знаешь, — произнесла она тем же низким, мурлыкающим голосом, — я никогда не позволяла никому делать этого, но, если хочешь, дам тебе увидеть мою киску.

Да, пожалуйста.

— Мне бы этого хотелось, — очень горжусь тем, что мне удалось не пропищать, будто я подросток.

Она протянула руку, и я снова вытащил бумажник. Оно и к лучшему, что это была лишь игра, ведь я бы никогда не смог себе позволить Поппи на жалованье священника.

После получения своей платы она запрыгнула на сцену и снова широко развела ноги, оттянув с промежности полоску ткани, чтобы показать мне то, что я желал увидеть. Это был влажный и соблазнительный розовый оттенок в тускло-голубом свете комнаты — цвет, который художники эпохи Возрождения должны были использовать для изображения Небесного света.

Загипнотизированный, я наблюдал, как она медленно проводила своей рукой вдоль шеи и вниз, мимо груди к нежному подъёму лобковой кости. С того местечка Поппи вычерчивала размашистые и лёгкие круги вокруг своей киски: широкую спираль через нижнюю часть живота и внутреннюю поверхность бёдер — выводя те ближе и ближе; когда в итоге она задела клитор, я испустил дрожащий вздох, не представляя, как сдержусь.

Она тоже вздохнула от прикосновения, толкаясь бёдрами навстречу своей руке, будто бессознательно пыталась трахнуть воздух, и из-за невозможности коснуться её киски я начал терять самообладание. Разве она не знала, что я мог бы заполнить её? Разве не знала, что я мог бы доставить ей удовольствие, если бы она позволила мне?

Я встал и подошёл к возвышению. Наши лица были на одном уровне, и я не сводил с неё глаз, скользя ладонями от её коленей к внутренней поверхности бёдер, отчего мои пальцы оказались слишком близко к её киске. Я повторил движение, на этот раз осмелившись приблизиться, гадая, подпустит ли она меня, возьмёт ли её похоть верх над правилом о деньгах. Я пробежался большими пальцами по её складкам, и Поппи вздрогнула — как и я — потому что, святое дерьмо, она была влажной. Настолько влажной, что я знал: мне удастся погрузить в неё свой член без всякого сопротивления.

— Ты хочешь вставить их в меня? — спросила она.

Я кивнул, раздвигая её половые губы большими пальцами и смещая эту мягкую розовую плоть в сторону, дабы полностью раскрыть себе её вход, умоляющий о пальцах или члене.

— Это влетит тебе в копеечку, — сказала Поппи озорно, накрывая мои руки своими.

— Ты жёстко торгуешься, — выдохнул я.

«Жёстко» было подходящим словом для описания моих ощущений. Я был в трёх секундах от того, чтобы расстегнуть джинсы и взять дело в свои руки (так сказать).

Найдя банкноту, я сложил её вдоль, чтобы Поппи было легче ту спрятать, но в этот раз она схватила купюру не рукой, а своим ртом, коснувшись губами моих пальцев, и это было так унижительно, так чудесно унижительно, отчего Ирод во мне ликовал на троне, по-королевски восторгаясь тем, что видит её с деньгами между зубами, зная, что теперь её киска принадлежала мне и была доступна для моих прикосновений.

Она приподнялась на коленях, будто бы собираясь встать, но прямо сейчас я получу то,

за что заплатил: обернув одной рукой талию Поппи, я дёрнул её вниз на два подготовленных для неё пальца. Она вскрикнула, а я мрачно улыбнулся, планируя воспользоваться всеми преимуществами этого уровня особых услуг. Обнимая её за талию, я прижал Поппи ещё ниже, таким образом её киска приникла к моей руке (которая в данный момент была прижата к сцене, но я не возражал), а разгорячённый комочек нервов беспрестанно тёрся об мою ладонь. Мои пальцы изогнулись в поисках выступающей мягкой точки, которая должна была подтолкнуть её к кульминации.

Я пошевелил ими, когда пропел ей на ушко:

— Если доведу тебя до оргазма, заплатишь мне?

Она захихикала, но смех моментально потонул в рваном вздохе, стоило мне сильнее прижать её к своей руке. Я укусил её ключицу и нежную кожу вокруг стикини, её влажность трепетала на моей ладони, а этот шёлковый бант просто умолял, чтобы им завязали её запястья; с резким звуком она кончила, безуспешно брыкаясь передо мной, пока я держал её ещё крепче и двигался жёстче, забирая всё до последней капли удовольствия от её оргазма.

Как только Поппи успокоилась, её тело расслабилось, чего нельзя было сказать обо мне. Я вытащил из-под неё руку и приложил пальцы к её губам, заставляя слизывать с них её собственный вкус, другой же рукой я расстёгивал свои джинсы.

Поппи посмотрела вниз, а после взглянула на моё лицо:

— Хочешь, чтобы я взяла его в рот? — спросила она, наблюдая за мной из-под полуопущенных ресниц, что было совершенно, блядь, разрушительно для моей способности формулировать связные мысли.

Я схватил несколько купюр и сам засунул их в её лифчик. Затем дотронулся до этого блестящего банта и медленно развязал его, обнажая прекрасную шею Поппи, чтобы посасывать и покусывать её, пока я пропускал шёлк через ладони — почтительно — будто держал свой эпитрахиль или опоясок.

Я отстранился и обмотал один конец ленты вокруг её шеи, завязывая ту прочным узлом: такой узел обеспечивал мне возможность дёргать за полоску ткани и не беспокоиться, что тот затянется.

Закрепив своеобразный поводок, я однократно обернул свободный конец материала вокруг ладони и для проверки потянул за него. Поппи подалась немного вперёд, издавая удивлённый звук, но её зрачки расширились, а пульс участился, поэтому я почувствовал себя достаточно непринуждённо, чтобы повторить действие, заставляя её осторожно соскользнуть с возвышения и встать на колени. Я сел в кресло и, вынудив её ползти ко мне, наблюдал за тем, как покачивалась её грудь во время движения.

Как только Поппи очутилась между моими коленями, я дёрнул ленту, возможно, немного резче, чем должен был, но в тот момент я почти потерялся в похоти и проиграл своему внутреннему пещерному человеку и своему внутреннему Ироду, который только и желал эти прелестные алые губы на его члене прямо, блядь, сейчас.

Поппи обхватила пальцами пояс моих чёрных боксёров и потянула его вниз, теперь мой член, вырвавшись на свободу, торчал между звеньев расстёгнутой молнии. Пока шёлк не натянулся, я несколько раз наматывал на руку конец поводка, а затем привлёк её голову к своему члену, однако она не открыла сразу рот, её красные губы были сомкнуты. Но появились намёк на улыбку и радостное неповиновение в глазах, тогда я вспомнил стойку на моей кухне недели назад, когда Поппи просила меня украсть её поцелуи — нет, даже не украсть. Она хотела, чтобы я взял их у неё силой.

Поэтому, натянув поводок ещё сильнее, я дёрнул его, и теперь её губы прижимались к нижней части моего пениса — ощущения её дыхания на моей коже было достаточно, чтобы сделать меня диким.

«Играй в игру, Тайлер».

— Я заплатил тебе за то, чтобы ты мне отсосала, — прошипел я. — Ты можешь сделать это по собственной воле, или я заставлю тебя. Так что, если ты не хочешь этого, тебе лучше открыть свой прелестный маленький рот и выполнить свою грёбаную работу.

Поппи покрылась мурашками, и я не упустил того, как она пыталась потереть бёдра друг о друга. Я нетерпеливо просунул палец между её губами и заставил их раскрыться.

— Пусти меня в свой ротик, — предупредил я, — или расплата будет жестокой.

Не надо быть проницательным наблюдателем, чтобы не заметить в её глазах особую вспышку интереса к этой идее; Поппи *желала* нарваться на неприятности, но ещё я думаю, что она хотела мне отсосать, потому что в итоге поместила свои сладкие яблочные губы на кончик моего члена и, встретившись в этот момент со мной взглядом, накрыла его ртом, прижимаясь обжигающим языком к моему стволу.

Крепко удерживая поводок рукой, я откинулся назад, наблюдая за шоу: за тем, как колыхались её груди, пока Поппи трудилась надо мной; как её ореховые глаза окидывали меня тем взглядом, что будет возбуждать меня в душе ещё много лет. И эти губы как великолепный красный ореол вокруг моего члена... Они были единственным ореолом, который я когда-либо захотел бы снова, кольцом грешных желаний и дьявольских наслаждений.

Она двигалась вниз и вверх, иногда прищёлкнувая языком, а иногда проведя им горячую широкую линию вдоль моего ствола. Я толкнулся ей навстречу, ударился о заднюю стенку её горла и, потеряв всякое подобие терпения, схватил её за затылок, чтобы Поппи не удалось отстраниться. Я удерживал её голову обеими руками и вколачивался таким образом несколько долгих секунд, трахая её горло так, как имел её киску: жёстко и бесцеремонно — она заслужила это, будучи такой наглой и бесстыдной дразнилкой.

— Тебе нравится? — спросил я. Поппи осторожно дышала через нос и не могла ответить, поэтому я говорил за неё: — Уверен, что да. Тебе нравится, когда клиент грубо с тобой обращается. Ты становишься влажной, когда к тебе относятся как к шлюхе, не так ли?

Она издала звук, который мог означать как «да», так и «нет», или вовсе быть лишь стоном чистого удовольствия. Как бы то ни было, это заставило сжаться мой желудок, мои руки вцепились в кожу головы Поппи, а яйца напряглись от необходимости освобождения. Но я не хотел кончать ей в рот.

— Стоп, — приказал я, потянув за поводок.

Она подчинилась, выпуская мой член со слезящимися, размазанными глазами и с одной из самых больших улыбок, которую я когда-либо видел на её лице. Я использовал поводок, чтобы приподнять лицо Поппи, и после наклонился к ней:

— Сколько за трах?

Её улыбка постепенно превратилась в нечто более тёмное, и оно обещало мне всё, что я только пожелаю.

— Мы... Мы не должны этого делать, — произнесла она тихо.

— Мне плевать, — прорычал я. — Я хочу трахнуть тебя. Сколько?

— Всё, что у тебя осталось, — ответила она, вызывающе изогнув бровь, и я молча похвалил её за преданность нашей игре.

Я достал бумажник и оставшуюся наличность — около \$700 (чёрт, у Поппи было много денег) — а затем бросил купюры в воздух. Они медленно опустились на пол.

— Собери их ртом.

— Нет.

— Нет? — я дёрнул за ленту достаточно, чтобы она вспомнила о своём положении. — Я хочу получить то, за что заплатил. Теперь. Собери. Их.

Я заметил момент капитуляции Поппи по её осанке, но стоило ей начать нагибаться, чтобы дотянуться до ближайшей купюры, как я наступил на деньги:

— Сначаланими трусики.

Она прикусила нижнюю губу, и я не знаю, как выглядело моё лицо, но его выражение, каким бы оно ни было, всё же убедило Поппи не испытывать меня. Она встала, зацепила большими пальцами свои трусики и скинула их вниз, затем выступила из них, оторвавшись от пола сначала одним золотым каблучком, а потом другим.

После Поппи наклонилась и начала собирать деньги.

Пока она занималась этим, я держал поводок ослабленным, разматывая его, чтобы у неё было достаточно пространства, и в то же время облизывался на её набухшее между ног совершенство. Когда мы вернёмся домой, я хотел бы боготворить её своим ртом, хотел бы, чтобы Поппи кончала на мой язык снова и снова. Она заслужила это, мой ягнёнок, тем, что была готова ради меня на всё, создав эту маленькую игру, в которой я мог бы брать и брать у неё. Да, после этого я собирался вознаградить её.

Но прямо сейчас...

Я опустился на пол позади неё, тоже на колени; не думаю, что она меня услышала, потому что музыка была довольно громкой. Поппи полностью нагнулась вперёд: её лицо на полу, задница высоко в воздухе — я обхватил свой член и одним грубым толчком вошёл в неё целиком, одновременно с тем сильно ударяя её по ягодице.

Она взвизгнула — счастливый звук — и этого стало достаточно, чтобы не подпускать мою совесть близко, поскольку я трахал Поппи жёстче, чем просто по-джентельменски: не слишком быстро, но *резко* и *глубоко*, настолько глубоко, что её пальцы поджимались, а мои яйца бились о её клитор.

И тут та змея снова заскользила — разгневанная, ожесточённая змея — потому как я вспомнил, что являюсь не первым мужчиной, который делал здесь подобное с Поппи, что в этом самом месте её так трахали и раньше; затем эта злость опалила мои ладони и свернулась в моём паху.

Я хотел наказать её. Хотел причинить ей боль, как она сделала больно мне, заставляя меня так сильно беспокоиться, но вместо того, чтобы ранить её, я вышел из неё и встал; мой член был влажным и таким же твёрдым, как грёбаная сталь, пульсировавшим от необходимости трахнуть киску, всё ещё выставленную передо мной в приглашении.

Я не желал быть Иродом. Не совсем.

Я сел в кресло.

— Иди сюда.

Я кивнул в сторону члена, так что Поппи знала, чего я хотел, поэтому без колебаний она забралась ко мне на колени и пронзила себя моим стволом, опускаясь вниз своей тугой, разгорячённой киской, сиськи же её оказались прямо передо мной.

И вот теперь, когда мог видеть её лицо, теперь, когда не мог быть жестоким, я признался:

— Я не могу так. Это заставляет меня желать...

Но я не мог подобрать слова. Они были слишком омерзительны. Вместо этого я зарылся лицом в её груди, вдыхая её лавандовый аромат и запах чистой ткани её лифчика.

Поппи потянула меня за волосы, запрокидывая мою голову назад.

— Хочешь сделать мне больно?

Я закрыл глаза. Не мог смотреть на неё. Поппи должна ненавидеть меня, но она продолжала меня трахать, раскачиваясь назад и вперёд, как делают это женщины — не поднималась и опускалась — и используя мой член лишь для достижения оргазма, будто остальная часть меня не имела значения.

Боже, это было горячо.

— Я и так догадалась сегодня, — сказала она. — Вот почему я привезла нас сюда.

Мои глаза распахнулись:

— Что?

— Ты мужчина, Тайлер. Не имеет значения, что я тебе говорю, даже во что ты хочешь верить... Внутри тебя всегда будет этот неандерталец, желающий заклеить меня. Поправь, если необходимо, но я подумала... — она замедлилась, впервые выглядя неуверенно. — Я подумала, что, если мы вот так поиграем, тебе будет проще отпустить контроль. Удовлетворить ту часть себя, которую ты не хочешь признавать. Ту часть, от которой ты прячешься. Потому что она гораздо больше, чем ты думаешь.

Будто подтверждая свою точку зрения, она провела ногтями вниз по моему животу — сильно — и я настолько быстро шлёпнул её по заднице, что едва осознал свои действия. Поппи издала слабый стон и опустилась на меня.

— Видишь? Ты нуждаешься в этом. И мне это тоже нужно. Я отвезу тебя в каждое место, где когда-либо бывала, и позволю трахнуть меня там, чтобы ты смог переписать мою историю как свою, если, конечно, захочешь, — пообещала она. — Позволь мне дать тебе это.

Я посмотрел на неё с изумлением. С благодарностью. Она была так проникательна и щедра, и мне, разумеется, не нужно было переживать за её самочувствие. Как всегда, она управляла нами обоими, когда отдавала мне контроль.

— Даже не знаю, что сказать, — признался я.

— Скажи «да». Скажи, что доведёшь эту игру до конца.

Я ошибался. Прямо сейчас она не была Саломеей. Она была Эстер (прим.: (Есфиерь или Эсфирь) спасла евреев от истребления, которое замыслил царедворец Аман. Это была тихая, скромная, но энергичная и горячо преданная своему народу и своей религии женщина) и использовала тело для спасения своего королевства — нашего королевства. И как я мог воплощать в жизнь свою первобытную потребность заклеить её, зная это? Зная, насколько великодушной и отважной она была?

— Это не кажется правильным, относиться к тебе вот так... Заявлять на тебя права, будто ты какая-то собственность. И что ещё более важно, я не хочу причинять тебе боль.

— Я хочу, чтобы ты заклеил меня как собственность, — произнесла она, наклонившись, чтобы шепнуть мне на ухо. Изменение позы заставило её щёлку сжать мою длину, и я втянул воздух. — Если ты сделаешь мне больно, я обязательно об этом скажу. Ты доверил мне сказать «стоп», а я доверюсь тебе в том, что ты остановишься, произнеси я это слово. Звучит неплохо?

Блядь, да, звучало хорошо. Это звучало слишком хорошо, чтобы быть правдой, но, опять же, это была моя Поппи, женщина, которую будто сам Бог создал для меня. Возможно,

действительно создал.

Я решил довериться ей. Довериться Ему.

Приняв решение, я подхватил её под бёдра и поднялся, оставляя её таз прижатым к моему, пока шагал к дивану. Я поцеловал Поппи; мягкий, опаляющий поцелуй стал напоминанием того, как сильно я любил её, прежде чем грубая часть меня возьмёт верх, что и произошло сразу, как только наши рты оторвались друг от друга. Я опустил Поппи и перегнул её через подлокотник дивана, таким образом её попка оказалась выше головы, а затем вставил головку члена в её киску.

— Сведи ноги вместе, — приказал я. — Плотнее.

Она повиновалась, и я со стоном погрузился в неё.

— Так туго, — выдавил я. — Ты доставляешь мне столько удовольствия.

Я снова толкнулся в неё, достаточно сильно, чтобы её ноги оторвались от пола, и продолжил в том же темпе; её красивая задница заполняла мои ладони, а атласная щёлка окружала мой ствол, и Поппи стонала, потираясь клитором о твёрдый подлокотник дивана.

И в этот момент её любви — подобной любви Эстер — к нам и будущему, которое было настолько эфемерным, почти несуществующим, мне пришло в голову, что здесь не было никакого греха. Это была любовь, это была жертва, это была противоположность греху, и, может, было сумасшествием чувствовать, будто Бог находился с нами в задней комнате стриптиз-клуба, но я ощущал, что Он явился свидетелем того момента, когда Поппи открыла себя для худшей части меня и стёрла её своей любовью, как делал подобное для нас, грешников, каждый миг каждого дня Бог.

То чувство, которое мы с Поппи разделили в церкви, то ощущение Бога и обещания — прямо сейчас всё это присутствовало здесь, заставляя мою грудь сжиматься, кружа мне голову силой самого воздуха, и я снова почувствовал себя новобрачным, мужчиной, кричащим о своей радости друзьям и семье, а эта комната стала нашей хупой (прим.: балдахин, под которым еврейская пара стоит во время церемонии своего бракосочетания, а также сама эта церемония. Хупа представляет собой ткань или простыню, натянутую или поддерживаемую над четырьмя шестами), нашим свадебным балдахином, тусклые же синие огни — светочами десяти девственниц (прим.: по древнему восточному обычаю жених в сопровождении своих родных и друзей приходил в дом невесты, а так как это обычно совершалось ночью, то подружки невесты, не зная точного времени прибытия жениха, запасались ламповым маслом и ждали участников торжества. После прихода жениха двери дома закрывались, подписывался брачный договор и начинался свадебный пир); наши тела вторили присоединению Бога, уже сковавшего наши бессмертные души.

Как это не назвать браком? Что ещё могло быть более обязывающим и более интимным, нежели обнажённые мы в присутствии Бога? По крайней мере, это было обручение, обещание, клятва.

Я жёстко трахал Поппи, схватив синие волосы, рассыпавшиеся по её спине и изящным линиям тонкой талии, которая перетекала в совершенные бёдра и попку, её влажная киска крепко держала меня, а розовая дырочка её задницы манила — всё это было моим. Я являлся монархом всего, что исследовал, — нет, я был хозяином: шлёпал, впивался ногтями и вонзался в неё своим членом снова и снова, пока она, пульсируя вокруг меня — наконец, наконец — не издала звук, бывший полувоплем, полувздохом; её руки скребли по коже, поскольку она была потеряна для всего, лишь её тело реагировало на меня.

Я тоже был потерян: в том моменте, когда переписал историю, историю её тела, в

которой эта комната стала принадлежать *мне*, и в оргазмах, полученных ею от *меня*. Когда я сделал её *своей* и ничьей больше, когда дал брачную клятву в моём сердце, и именно *это* заставило меня выйти из неё и поставить на колени. Я хотел, чтобы Поппи стала свидетелем моего оргазма, чтобы она увидела, что давала мне.

Одна рука была занята поводком, в другой же я сжал железной хваткой свой член и использовал влажность, которую она оставила на мне, как смазку — потребовалось всего несколько грубых рывков, чтобы выстрелить струями спермы на её ждущие губы, эту лебединую шею и кончики её длинных ресниц.

Кончиком языка, заострённого и розового, Поппи слизала капельку с верхней губы и после одарила меня нежным, счастливым взглядом, за которым последовала ещё одна струя, приземлившаяся на её ключицу.

Какое-то мгновение мы оба тяжело дышали, наслаждение по-прежнему витало в комнате, и оно было единственным, что ощущалось сейчас в воздухе: напряжение, горечь и гнев исчезли. Это сработало — игра Поппи сработала. Я смог побороть ревность и примитивные желания, в то же время ушло что-то ещё. Моя вина, возможно, или чувство греха. Что-то поменялось, как это случилось со мной в те минуты на алтаре, когда граница между духовным и мирским полностью размылась: мне казалось, будто я только что участвовал в чём-то священном, будто только что прижал свои обнажённые ладони к трону милосердия в облаке из ладана и пота.

Я встал перед ней на колени и, развязав шёлковый ошейник, использовал этот материал, чтобы аккуратно очистить её лицо от моей кульминации.

— Игра окончена, — нежно сказал я, проведя кончиком носа вдоль её челюсти.

— Кто, по-твоему, победил? — пробормотала она.

Поцеловав Поппи в макушку, я обнял её и притянул к себе.

— Ты ещё спрашиваешь? Ты, ягнёнок, — она прильнула ко мне, и я покачивал её вперёд и назад, мою драгоценность, мою сладкую женщину. — Это всегда ты.

ГЛАВА 21.

Пока мы ехали домой, машину снаружи окутывала осенняя ночь, а я не сводил глаз с профиля Поппи, освещённого лампочками на панели управления и напоминающего силуэт на фоне бархатной темноты за окном.

То, что произошло в клубе... Было порочно, но несло очищение и возбуждение, хотя я не мог чётко сформулировать себе точную причину. Ответ на этот вопрос был недостижим, мерцая за завесой, к которой едва мог прикоснуться лишь кончиками пальцев моих мыслей, и я, когда мы покинули город, попадая в сельскую местность, перестал пытаться и просто позволил себе наслаждаться величием моей Эстер, моей королевы.

Я хотел бы, чтобы она стала моей невестой.

Я хотел бы, чтобы она стала моей невестой.

Мысль пришла с решительностью холодной стали, определённая и истинная, и не была больше тем, что я чувствовал в миг единения секса и Бога, теперь она несла в себе спокойствие и здравомыслие. Я любил Поппи. И я хотел жениться на ней.

И затем завеса наконец-то спала, и я *понял*. Понял, что Бог пытался мне сказать последние два месяца. Понял, почему церковь была названа Невестой Христа; понял, почему

в Библии была «Песнь песней»; понял, почему «Откровение» приравнивало спасение мира к брачному пиру.

Почему я когда-либо чувствовал, словно это был выбор между Поппи и Богом? Так никогда не было, выбор никогда не стоял между одним или вторым, потому что Бог присутствовал в сексе и браке так же, как Он обитал в безбрачии и службе, а в жизни мужа и отца могло быть столько же святости, сколько и в жизни пастора. Разве Аарон не был женат? Царь Давид? Святой Пётр?

Почему я убедил себя, будто единственный способ, которым мужчина мог быть полезным Богу, заключался в духовенстве?

Теперь Поппи подпевала радио, звук был едва слышным из-за угрюмого рёва «Фиата» на шоссе, и я закрыл глаза, прислушиваясь к нему, пока молился.

«Такую ли волю Ты уготовил для меня? Поддамся ли я похоти? Или наконец-то обрету то, что Ты запланировал для моей жизни?»

Я не давал разуму высказаться, замерев всем телом в ожидании вины или рокошущего голоса с Небес, который сказал бы мне, что я проклят. Но была только тишина. Не то пустое безмолвие, которое я ощущал прежде, словно Бог оставил меня, а умиротворённая тишина без чувства вины и позора, настолько безмятежная, что находишь её лишь поистине познав Бога. Это было именно то чувство, охватившее меня перед табернаклем, в храме с Поппи и на алтаре, когда я наконец сделал её своей.

И позже, как только мы оказались в постели, с моим лицом между её бёдер, в памяти всплыла двадцать девятая глава из «Книги пророка Иеремии», став ответом на мои молитвы:

«Берите жён и рождайте сыновей и дочерей... Ибо только Я знаю намерения, какие имею о вас, намерения во благо, а не на зло, чтобы дать вам будущность и надежду...»

Я не рассказал Поппи о своём прозрении. Вместо этого я заставлял её кончать раз за разом и после отправился в собственную постель, желая уснуть наедине с этим новым знанием, этой новой уверенностью.

И когда этим ранним утром я проснулся, чтобы подготовиться к мессе, та уверенность всё ещё была во мне, ярко и невесомо светясь в моей груди, и я принял решение.

Эта месса станет последней мессой, которую я отслужу.

— И если соблазняет тебя рука твоя, отсеки её: лучше тебе увечному войти в жизнь, нежели с двумя руками идти в геенну, в огонь неугасимый... И если глаз твой соблазняет тебя, вырви его: лучше тебе с одним глазом войти в Царствие Божие, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную...

Я посмотрел вверх и оглядел стоящую передо мной паству, храм, переполненный из-за меня, из-за трёх лет непрерывного тяжёлого труда и усилий. Я снова взглянул на «Апостол» (прим.: богослужбная книга) и продолжил чтение «Евангелия», выбранного на сегодняшний день.

— Соль — добрая вещь; но ежели соль не солоната будет, чем вы её поправите? Имейте в себе соль и мир имейте между собою., — я перевёл дыхание. — Евангелие Господа Бога.

— Хвала тебе, Господь наш Бог Иисус Христос, — процитировали пришедшие, а затем сели.

Я заметил Поппи, которая сидела в задней части церкви, на ней было мятного цвета платье с широким кожаным ремнём на талии. А затем солнце пробилось через окно,

окутывая её своими лучами, словно сам Господь напомнил мне о моём решении, о том, почему я делаю это.

Я позволил своему взгляду задержаться на мгновение дольше на моём ягнёнке, сияющем в лучах света, пробивающихся через мозаику окна, а затем наклонился вперёд поцеловать только что прочитанный текст, бормоча тихую молитву, что должен был произнести в этот момент, а затем молча попросил о храбрости.

Аккуратно закрыв «Апостол», я достал телефон с заметками о пасторском наставлении. Я неохотно написал такую проповедь, которую вы бы ожидали с этим чтением «Евангелия»: о природе собственной жертвы во избежание греха, о важности самоотречения и дисциплины. О сохранении в себе праведности для деяний Господа.

Лицемерие преследовало меня, пока я печатал каждое слово, лицемерие и стыд, и теперь, просматривая эти заметки, я едва мог вспомнить агонию, в которой находился бы разрывающийся между двумя абсолютно неправильными вариантами человек. Сейчас путь, ожидающий впереди, был ясным. От меня требовалось лишь сделать первый шаг.

Перевернув телефон экраном вниз, я поднял глаза к людям, которые доверяли мне, которые заботились обо мне, которые подпитывали веру в живое тело Христа.

— Я потратил неделю, чтобы написать краткую проповедь к этому отрывку. А потом, проснувшись сегодня утром, решил отправить её в корзину, — я сделал паузу. — Образно говоря, конечно. Поскольку она на моём телефоне, а даже я не настолько святой, чтобы отказаться от своего iPhone.

Люди хихикнули, и этот звук придал мне смелости.

— Этот фрагмент был использован многими духовными наставниками в качестве основы для порицания, для последнего слова Иисуса о том, что мы должны отказаться от всех без исключения искушений, иначе потеряем свой шанс на спасение. И моя прежняя проповедь не была далека от этой идеи. Самоотречение и постоянное отрицание искушения и есть путь к небесам, наш путь к маленьким и узким вратам.

Я взглянул на свои руки, лежащие на аналое (прим.: употребляемый при богослужении высокий четырёхугольный столик с покатым верхом; иногда аналои бывают складными), на книгу передо мной.

— Но затем я понял, что опасность этой проповеди в том, что сегодня вы могли бы выйти из этого здания с представлением Господа как маленького и ограниченного бога: бога настолько маленького и ограниченного, как те врата. Я понял, что вы могли бы выйти отсюда и поверить — искренне и по-настоящему поверить — что если вы однажды потерпите неудачу, если поскользнётесь и поступите неправильно, как порочный человек, то Бог от вас отречётся.

Паства молчала. Я выходил за пределы привычной католической теории, и они прекрасно об этом знали, но я не боялся. В действительности я ощущал себя более умиротворённым, чем когда-либо произнося очередную проповедь.

— Иисус в «Евангелии от Марка» — неизвестный бог. Он немногословен, загадочен, непостижим. Его учения резки и неумолимы. Он заявляет о вещах, которые мы могли бы принять как за чудо, так и за безумие: говорение на новых языках, приручение змей, вкушение ядов. И тем не менее он тот же самый бог, которого мы встречаем в главе двадцать второй в «Евангелии от Матфея», говорящий нам, что заповеди любви (прим.: в оригинале «the greatest commandments» — величайшие заповеди, однако в русском языке их принято называть заповедями любви) — это единственные правила, какие мы должны соблюдать:

возлюбите Господа Бога всем сердцем своим, и всюю душою своею, и всем разумением своим и возлюбите ближнего своего, как самого себя. Так какой Иисус прав? Какие же заповеди мы должны использовать, сталкиваясь с вызовом и переменами? Должны ли мы сосредоточиться на укрощении всего злого или же на возвращении любви?

Я вышел из-за аналоя, чувствуя необходимость двигаться, пока говорил, пока обдумывал путь к тому, что хотел донести.

— Думаю, ответ таков: мы следуем за Марком, дабы жить праведной жизнью, но предостережение заключается в том, что мы должны найти новое определение праведности для себя. Что такое праведная жизнь? Это жизнь, где вы любите Бога и любите ближнего своего. Иисус объясняет нам, как надо любить, в «Евангелии от Иоанна»: *«Нет больше любви той, как кто положит душу свою за друзей своих»*. Иисус показал нам эту любовь, когда Он отдал Свою собственную жизнь. За нас. Его друзей.

Подняв глаза, я встретился взглядом с Поппи и не смог сдержать небольшую улыбку, которая тронула мои губы. Она была так прекрасна даже сейчас, когда морщила лоб и прикусывала губу, что походило на беспокойство.

— Бог намного больше, чем наши грехи. Бог хочет видеть вас истинных: оступающих, грешащих, запутавшихся. Всё, что Он требует от нас, — это любовь: любовь к Нему, любовь к другим и любовь к самим себе. Он просит нас пожертвовать наши жизни: не жить как отшельники, лишённые всякого удовольствия или радости, а пожертвовать Ему наши жизни, чтобы Он мог умножить нашу радость и умножить нашу любовь.

Я взирал на приподнятые кверху лица, читал их выражения, которые варьировались от задумчивых и вдохновлённых до откровенно подозрительных.

Это было нормально — я рассчитывал сделать эту проповедь примером для них. Сегодня днём я собирался позвонить епископу Бове и пожертвовать свою собственную жизнь. Сложить свой сан. А затем найти Поппи и предложить ей выйти за меня замуж.

Я проживу свою жизнь, купаясь в любви, как Бог и планировал для меня.

— Для нас, католиков, это не так легко. В некотором смысле легче жить в грехе и с чувством вины, нежели остановиться на любви и прощении, особенно любви и прощении для себя. Но это то, что нам было обещано, и на своём примере я не отрекусь от Божьего обещания истинной, наполненной любовью жизни. А что сделаете вы?

Я сделал шаг назад от аналоя, выдохнув с облегчением. Я сказал то, что мне нужно было сказать.

А теперь настало время сложить свою жизнь.

ГЛАВА 22.

Я не смог найти Поппи после мессы, но всё должно было идти своим черёдом. Мне хотелось сразу же позвонить епископу, пока в мыслях и душе царила уверенность. Я хотел двигаться вперёд, хотел познать эту новую жизнь и познать её прямо, чёрт побери, сейчас.

Только когда я набирал номер епископа Бове, реальность в полной мере накрыла меня.

Мне придётся оставить паству в шатком положении: им предстоит посещать других священников, пока не найдут нового пастора, который останется в церкви Святой Маргариты. Но ещё хуже то, что я повторял судьбу своего предшественника. Да, я уйду, чтобы жениться, а не потому, что меня арестовали, но всё равно. Почувствуют ли мои

прихожане разницу?

Больше никаких комиссий и собраний, борьбы за чистоту в духовенстве. Больше никакой работы во имя Лиззи и от имени Лиззи. Больше никаких молодёжных и мужских групп, никаких блинных завтраков.

Был ли я на самом деле готов отдать всё ради жизни с Поппи?

Впервые ответ стал окончательным «да». Потому что я действительно был готов всё оставить. Я бы нашёл способы служить в качестве мирянина. Я бы служил Богу другими способами и в других местах.

Епископ Бове не ответил; был ещё ранний полдень, и он, возможно, был занят паствой после своей проповеди на мессе. Часть меня знала, что я должен подождать, должен поговорить с ним лично, а не оставлять сообщение, но я не мог ждать, не мог даже думать об ожидании. Несмотря на то, что помимо голосовой почты будет много бесед, я по-прежнему хотел начать разбираться с этим прежде, чем отправлюсь к Поппи. Я хотел прийти к ней свободным мужчиной, способным предложить своё сердце всецело и безоговорочно.

Как только я услышал звук включения голосовой почты, тут же начал говорить. Я старался всё изложить кратко и доходчиво, потому что было невозможно разъяснить всё чётко, не вникая в мои грехи и нарушенные обеты, ведь именно *это* было тем, что я действительно не хотел делать посредством голосовой почты.

Моё сообщение об отставке вместилось в тридцать секунд, после чего я закончил вызов и в течение минуты пялился на стену в своей спальне. Я сделал это. Это на самом деле происходило.

Я перестал быть пастором.

У меня не было кольца, и на свою зарплату я не мог пойти и купить его, но я пошёл в сад возле домика пастора, чтобы собрать букет анемонов — все с белоснежными лепесточками и чёрными, как смоль, серединками — и связал стебли нитью, взятой из комнаты воскресной школы. Цветы были изящными, не слишком вульгарными, как и она; я смотрел на них всю дорогу, и, пока шагал через парк к её дому, моё сердце чуть не выскакивало из горла.

Что я скажу? Как я это скажу? Должен ли я встать на одно колено или так делают только в кино? Должен ли подождать, пока куплю кольцо? Или подождать, пока на моём горизонте не замаячит работа?

Я знал, что она любила меня, что хотела будущего со мной, но что, если я слишком торопился? Что, если вместо восторженного «да» я получу «нет»? Или — что намного хуже — «я не знаю»?

Я сделал глубокий вдох. Несомненно, это то, с чем сталкиваются все мужчины, готовые сделать предложение руки и сердца. Просто я никогда не думал, что в моём будущем когда-нибудь будет предложение, по крайней мере не в течение последних шести лет, и поэтому не считал нужным даже размышлять о том, как я буду его делать или что буду говорить.

«Пожалуйста, пусть она скажет «да», — молился я про себя. — Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста».

И затем я покачал головой и улыбнулся. Это была женщина, с которой я был прошлой ночью под нашей собственной хупой, а Бог окружал нас. Это была женщина, которая была моим личным причастием на церковном алтаре. Женщина, которую Бог сотворил для меня и

привёл ко мне... Почему тогда я сомневаюсь? Она любила меня, а я любил её, и, конечно, она скажет «да».

Я слишком поздно понял, что на мне всё ещё была колоратка, нечто, от чего я уже официально (вроде как) отказался, но я был уже на полпути через парк и с цветами в руках и не хотел возвращаться назад ради мелочи, которая теперь казалась такой банальной. Эта ирония, на самом деле, заставила меня ухмыльнуться. Пастор делает предложение руки и сердца в своём воротнике. Это звучало как основа для плохой шутки.

Поппи тоже посчитает это забавным. Я уже представлял себе эту её небольшую улыбку, когда она попытается сдержать смех, её сжатые губы, её щёчки с ямочками и яркие ореховые глаза. Чёрт, она была особенно красива, когда смеялась. Смех Поппи напоминал смех принцесс, которых я воображал, будучи мальчиком: солнечный, беззаботный, с царственным звоном в голосе.

Я отворил калитку в её сад; мой желудок сжался в тугий узел, щёки болели от улыбки, а рука дрожала вокруг букета свежих цветов, которые всё ещё были влажными после утренней мороси.

Я шёл мимо цветов и растений, думая о «Песни Песней», о женихе, идущем к своей невесте с песней на устах. Я точно знаю, как он себя должен был чувствовать.

«Что лилия между тёрнами, то возлюбленная моя между девицами».

Я поднялся на крыльцо и, как только оказался у задней двери, крепко сжал цветы.

«Пленила ты сердце моё, невеста моя! Пленила ты сердце моё одним взглядом очей твоих...»

Я пробормотал другие стихи про себя, готовясь открыть дверь. Возможно, я прошепчу ей их позже, возможно, начерчу их пальцами на её обнажённой спине.

Дверь не была заперта, и, войдя в дом, я ощутил принадлежащий Поппи аромат лаванды, но не нашёл её ни в гостиной, ни на кухне. Она, вероятно, была в спальне или в душе, хотя я надеялся, что Поппи ещё не сняла то платье цвета мяты. Я сам хотел стянуть его с неё чуть позже, оголяя каждый дюйм её бледной кожи, пока она бы шептала мне «да» снова и снова. Я хотел отбросить его подальше от нас, взять её на руки и наконец-то заняться с ней любовью как свободный мужчина.

Завернув в коридоре за угол, я сделал глубокий вдох, готовый заявить о своём присутствии, но потом нечто заставило меня остановиться. Возможно, инстинкт, а возможно, сам Бог. Но что бы это ни было, я мешкал, моё дыхание застряло в горле, и затем я услышал это.

Смех.

Смех Поппи.

Не просто обычный смех. Он был низким, и хриплым, и немного нервным.

А следом прозвучал мужской голос:

— Поппи, ну же. Ты же знаешь, что хочешь этого.

Я знал, кому принадлежал этот голос. Слышал его лишь однажды, но узнал сразу же, будто происходило это каждый день моей жизни, и когда я сделал ещё один шаг в коридоре, мне удалось заглянуть в её спальню — передо мной предстала вся сцена.

Стерлинг. Стерлинг стоял здесь, в доме Поппи, в её спальне, его пиджак был небрежно брошен на кровать, а галстук ослаблен.

И Поппи тоже была там, по-прежнему в том платье мятного цвета, но без обуви и с покрасневшими щеками.

Стерлинг и Поппи.

Стерлинг и Поппи вместе, и теперь он держал Поппи в своих объятиях, его лицо склонилось к её лицу, а её руки упирались ему в грудь.

«Оттолкни его, — внутри меня умолял отчаянный голос. — Оттолкни же его».

На мгновение я подумал, что Поппи так и сделает, поскольку она отклонилась в сторону и сделала шаг назад. Но потом нечто промелькнуло на её лице — решительность, возможно, или смирение — я не мог сказать точно, потому что затылок его идеально ухоженной головы заслонил мне взор.

И он поцеловал её. Стерлинг поцеловал её, и Поппи позволила ему. Она не только позволила, но и поцеловала его в ответ, раскрывая эти сладкие алые губы. Я был словно Иона (прим.: древнейший из еврейских пророков, писание которого дошло до нашего времени. И он же был единственным ветхозаветным пророком, который «попытался убежать от Бога»), которого поглотил кит, я был Ионой после того, как червь подточил корень растения, кое скрывало его в тени...

Нет, я был Иовом (прим.: в иудаистических и христианских преданиях страдающий праведник, испытываемый сатаной с дозволения Господа; главный персонаж ветхозаветной книги Иова), Иовом после потери всего и всех, и для меня не осталось больше ничего, потому что теперь её ладонь скользнула на его шею. Поппи выдохнула ему в рот, а Стерлинг усмехнулся победным смешком, вжимая её в стену позади них.

Я мог ощутить вкус пепла во рту.

Цветы, должно быть, выпали из моей руки, поскольку на обратном пути к пасторскому дому у меня их уже не было, и я не знал, упали ли они в доме, или в саду, или на пути через парк. Не знал, потому что не мог вспомнить ни единой грёбаной детали о том, как добрался домой: шумел ли я, покидая её дом, заметили ли они меня, на самом ли деле хлестала кровь из моей груди или же я лишь ощущал себя так.

Я действительно помнил только то, что снова начался дождь, затяжной проливной дождь, октябрьский дождь, и у меня получилось осознать это исключительно потому, что я был мокрым и продрогшим, когда пришёл в себя, замерев в оцепенении в моей тусклой кухне.

Мне следовало быть в ярости в ту минуту. Я должен был быть опустошён. Я читал романы, видел фильмы, и это был тот момент, когда камера увеличила бы изображение моего измученного лица, где месяцы горя поместились бы в двухминутную подборку. Но я не чувствовал ничего. Абсолютно ничего, за исключением сырости и холода.

Передо мной простиралось шоссе.

Я не был точно уверен, какая совокупность решений привела меня к этому, за исключением усилившейся бури и сильного грома, из-за чего всё на моей кухне внезапно напомнило мне те ощущения, что я испытал в родительском гараже, который стал моим первым и единственным местом, где моя жизнь рассыпалась в прах.

Я злился на Бога, когда умерла Лиззи, но не сердился на Него сейчас — я был опустошён и одинок, потому что от всего отказался: от своих обетов, от своего призвания, от своей миссии во имя сестры — всё это было вознаграждено самым подлым предательством, и знаете что? Я заслужил. Если это было наказанием, то я его заслужил. Я заслужил каждую унцию этой чистой боли, заслужил всеми украденными мгновениями пронзительного,

сладкого удовольствия...

Так вот как себя чувствовал Адам? Изгнанный из сада на холодную, каменистую почву безразличного мира, и всё из-за того, что не смог до последнего сопротивляться Еве?

Я отправился в Канзас-Сити и, оказавшись там, колесил в течение нескольких часов. Следовал в никуда, смотрел в никуда. Я чувствовал всю тяжесть измены Поппи, всё нелёгкое бремя предательства моих обетов и — хуже всего — ощущал конец чего-то, что значило для меня всё, даже если и продлилось краткий миг.

Я не взял с собой телефон и не мог вспомнить, намеренно сделал это или нет, решил ли поменять молчание на её условиях на молчание на моих условиях, потому что в глубине души знал, что Поппи не позвонила бы мне и не послала бы сообщение. Она никогда не делала этого, когда мы ссорились, и также я понимал, что стану ещё более несчастным из-за постоянных проверок и разочарования, когда на экране не будет ничего, кроме времени.

Когда в полночь я постучал в двери Джордана, он открыл их мне и неустанному дождю и не оттолкнул меня, как это случилось в последний раз. Он одарил меня долгим взглядом — пронзительным, но не суровым — и затем кивнул:

— Входи.

Я исповедался прямо в гостиной Джордана. Это выглядело чертовски жалко.

Я был не уверен в том, с чего начать или как всё объяснить, и просто рассказал ему про первый день, когда встретил Поппи. Тот день, когда впервые услышал её голос. Каким хриплым он был, как сочетались в нём неуверенность и боль. И тогда я поведал обо всём: о всей похоти, о всей вине, о тысячах крошечных способах, которыми я влюбился, и о тысячах крошечных способах того, как удалялся от сана. Я рассказал ему о звонке епископу Бове, о моём собранном букетике. А затем я поведал ему о Стерлинге, об увиденном мной поцелуе и о том, как это ощущалось, словно все страхи и паранойя, которые у меня были на их счёт, переродились в нечто чудовищное и рычащее. Неверность — это ужасно, но насколько хуже она могла быть, если вы всё время подозревали, что между теми двумя что-то было? Мой мозг не переставал кричать мне, что я должен был знать лучше — *я должен был знать* — и чего мне было ожидать? Я действительно ожидал счастливого финала? Ни одни отношения с таким греховным началом никогда не приведут к счастью. Теперь я в этом убедился.

Джордан терпеливо слушал, его лицо было лишено всякого осуждения или отвращения. Иногда он закрывал глаза, и мне было интересно, что ещё, помимо моего голоса, он слышал — точнее, кого ещё — но я понял, что у меня не было сил думать о чём-либо большем, за исключением своей собственной истории, которая замирала на мучительном моменте, когда я добрался до той части, где застал Стерлинга и Поппи. Что ещё мне нужно было рассказать? Что ещё я должен был почувствовать?

Я опустил голову на руки, но не стал плакать: гнев и горе по-прежнему неуловимо парили вне досягаемости, были только шок и пустота, оглушительное осознание поражения, сравнимое лишь с чувством, возникающим тогда, когда ты покидаешь зону боевых действий.

Я вдохнул и выдохнул сквозь пальцы; голос Джордана доносился будто издалека, хотя мы сидели достаточно близко, чтобы наши колени соприкасались.

— Ты действительно её любишь? — поинтересовался он.

— Да, — произнёс я в свои руки.

— И ты думаешь, что между вами всё закончилось?

Я ответил не сразу, не потому, что я не знал, а потому, что слова было трудно вымолвить.

— Я не представляю, как это может продолжаться. Поппи хочет быть со Стерлингом. Она ясно дала это понять.

Конечно, покажись она на пороге Джордана, я бы сгрёб её в объятия без лишних слов. Меньше безусловной любви к Богу — больше страстной нужды наркомана.

— Без неё... — Джордан встретился со мной взглядом. — Думаешь, тебе по-прежнему хотелось бы отказаться от сана?

Вопрос Джордана ударил меня с силой пушечного ядра. Честно, я не знал, чего мне хотелось прямо сейчас. Я имею в виду, что никогда не желал быть с женщиной больше, чем быть пастором, но я желал быть с *Поппи* больше, чем оставаться пастором. Мне не нужна была свобода, чтобы трахаться, я хотел свободно трахать её. Я не хотел семью, я хотел семью с ней.

А если я не мог иметь её, тогда и не желал этой другой жизни. Я хотел быть с Богом и хотел, чтобы всё было как прежде.

Полагаю, я мог бы позвонить епископу, всё объяснить ему и надеяться, что он позволит мне остаться в духовенстве. Будет сложно жить в Вестоне и знать, что Поппи рядом, видеть все те места, где мы были друг с другом, но у меня, опять же, были мой приход и миссии, дабы заполнить всё время. Чем больше я думал об этом, тем лучше это звучало: по меньшей мере я мог сохранить кусочек моей жизни такой, какой она была. Я мог следовать своему призванию, даже если и потерял своё сердце.

— Не думаю, что всё ещё хочу уйти, — ответил я.

Джордан молчал минуту и после произнёс:

— Ты готов к епитимье (прим.: вид церковного наказания для мирян в христианской Церкви; имеет значение нравственно-исправительной меры)? — я кивнул, так и не потрудившись поднять голову. — Ты посвятишь Богу один полный день, день безоговорочного и абсолютного единения с Ним. Он хочет поговорить с тобой, Тайлер. Он хочет быть с тобой в это время страдания и смятения, и ты не должен закрываться от Него в своей скорби.

— Нет, — пробормотал я. — Подобного покаяния недостаточно. Мне необходимо нечто большее, ибо я заслуживаю чего-то худшего, чего-то посложнее...

— Чего? Власяницы? (прим.: власяница (или вретиче) — длинная грубая рубашка из волос или козьей шерсти; аскеты носили её на голом теле для умерщвления плоти). Хождения босиком в течение трёх месяцев? Жестокого самобичевания?

Я поднял глаза, чтобы взглянуть на него:

— Я не шучу.

— Как и я. Ты пришёл ко мне за отпущением грехов, и я даю тебе его наряду с Божьим посланием. По сути, этот день покаяния должен наступить завтра. Оставайся сегодня со мной, и независимо от происходящего ты проведёшь завтрашний день здесь. После утренней мессы церковь будет в твоём распоряжении, а значит, достаточно места и времени для молитвы.

Лицо Джордана было таким, как и всегда — спокойным и блаженным одновременно — и я без тени сомнения знал, что он прав. День размышлений после пьянящего возбуждения последних трёх месяцев не был для меня мелочью: он был именно тем, в чём я нуждался. Будет мучительно провести часы самопознания и в откровенных беседах с Богом, но

обязательства часто причиняют боль.

— Ты прав, — уступил я. — Хорошо.

Джордан кивнул и прочитал тихую молитву об отпущении грехов, а потом мы молча сидели на протяжении нескольких минут. Большинство людей чувствовали себя неуютно в тишине, но Джордан не из их числа — он чувствовал себя как дома. В согласии с собой. И от этого мне было немного легче стать *самим собой*, даже со всеми невыраженными чувствами, которые всё ещё нависали надо мной.

До того момента, пока не зазвонил телефон.

Вырванные из наших грёз, мы оба взглянули на мобильный Джордана на кухонной стойке. На часах было почти два ночи, Джордан быстро встал, потому что звонки в это время, как правило, сулили плохие новости: автомобильные аварии, неожиданный поворот в худшую сторону, пациенты хосписа в ожидании своего последнего вдоха. Новости того типа, когда люди нуждались в священнике рядом.

Я наблюдал за тем, как он поднял трубку, и молча молился, чтобы никто серьёзно не пострадал — молился исключительно по привычке, проговаривая выученные наизусть слова — а затем заметил, как его взгляд метнулся ко мне.

— Да, он со мной, — тихо проговорил Джордан, а моё сердце забило в неустойчивом ритме стаккато, потому что это не могла быть Поппи, не могла, но что, если это была она?

О Боже, я бы всё отдал, будь это так.

— Конечно, подождите минуту, — произнёс Джордан и передал телефон мне. — Это епископ, — прошептал он.

В тот же момент моё сердце перестало биться, резко ухнув в живот. Епископ в два часа ночи?

— Алло? — сказал я.

— Тайлер.

И этого одного слова было достаточно, чтобы я понял, что произошло нечто серьёзное, тревожное и неправильное, потому что я никогда не слышал своего наставника настолько расстроенным. Могло ли это быть лишь из-за моего ухода?

— По поводу моего голосового сообщения, — начал я, — мне очень жаль, что я не смог дождаться, чтобы поговорить с вами должным образом. И теперь, когда у меня появилось время подумать, я не уверен, что хочу оставить духовенство. Понимаю, мне придётся искупить немало грехов и многое объяснить, но сегодня для меня всё изменилось, и...

Голос епископа звучал напряжённо, когда он прервал меня:

— К сожалению, но, увы, некоторые другие подробности стали известны... публично, я боюсь.

Дерьмо.

— Какие подробности?

— Я весь день пытался дозвониться тебе и даже связался с твоими родителями и с некоторыми из твоих прихожан, но никто не знал, где ты. И только вечером я подумал, что ты мог бы отправиться к своему духовнику.

Казалось, словно он тянул время, словно не решался мне сказать о чём бы то ни было, но я должен был знать.

— Епископ, пожалуйста.

Он вздохнул:

— Некие фото были опубликованы. В социальных сетях. Ты и женщина, твоя

прихожанка, полагаю, Поппи Дэнфорс.

Фотографии. Те, которыми Стерлинг меня шантажировал.

Я понимал, что у меня серьёзные проблемы и Стерлинг сдержал своё слово и уничтожил мою жизнь, но в данную минуту главным стало прозвучавшее из чужих уст имя Поппи, как будто оно, произнесённое вслух, было заклинанием, и именно оно меня наконец-то разорвало на куски, пробило в моей груди дыру, словно пуля, прошедшая через банку с содовой.

Слёзы начали катиться по моему лицу, горячие и быстрые, но мне удалось сохранить свой голос ровным:

— Хорошо.

— Хорошо, значит, ты уже знал о тех снимках?

— Да, — пробормотал я.

— Чёрт возьми, Тайлер, — выругался епископ. — Просто... *Чёрт возьми.*

— Знаю.

Теперь я открыто заплакал, и затем что-то толкнулось в мою руку. Стакан виски, янтарного цвета и с одним округлым кусочком льда в центре. Джордан нависал надо мной и кивал головой на стакан.

Дела были действительно плохи, раз Джордан Брэиди вручал мне выпивку. Я даже не догадывался, что у него была припрятана хоть одна бутылка крепкого спиртного напитка.

— Тайлер... — обратился епископ, — я не хочу отстранять тебя от службы.

Смысл его слов был ясен. Он хотел, чтобы я ушёл сам. *«Таким образом в прессе будет меньше грязи»*, — подумал я. Раскаивающийся пастор, по своей воле отрёкшийся от сана, выглядит куда лучше, чем пастор с сексуальными извращениями, которого вынуждены были уволить.

— Для меня есть только два выхода? Уйти самому или быть изгнанным?

— Полагаю, что... если отношения закончились...

— Так и есть.

— ...должно быть наказание и, конечно, переезд...

Я ожидал этого, но подтверждение опустошило меня. Я должен был переехать. Новый приход, новые лица — всё новое, тогда как старый приход погрязнет в тумане слухов о моих грехах. Независимо от причин, независимо от того, пройдёт ли всё остальное идеально, я всё равно потерял это. Мой приход. Моих прихожан.

Моя вина.

— ...и даже тогда я не знаю, что скажет кардинал, Тайлер, — епископ казался уставшим, но было что-то ещё — нежность. Она слышалась глубоко в его голосе. Он любил меня, и это заставляло меня почувствовать более глубокий стыд и сожаление во время разговора с ним. — Если ты действительно хочешь остаться в духовенстве, значит, мы проясним наши дальнейшие действия.

Я не чувствовал облегчения, возможно, потому, что до сих пор был настолько не уверен в своём желании, но произнёс:

— Спасибо вам.

Так или иначе, я знал, какой огромный пиздец устроил для епархии, и даже мысли о том, чтобы остаться в духовенстве, могли усугубить его.

— Поговорим завтра вечером, — сказал епископ. — До тех пор не общайся с прессой и даже не выходи в интернет. Нет смысла всё усложнять, пока мы не узнаем наверняка, как

действовать дальше.

Мы попрощались и отключились, затем я осушил свой стакан с виски и провалился в глубокий сон без сновидений на жёстком и неудобном диване Джордана.

ГЛАВА 23.

Ранним утром следующего дня я отправился на мессу Джордана, которая была значительно лучше моих собственных. Как только проснулся, я позвонил Милли, дабы объяснить ей, где нахожусь и как со мной связаться. Милли, бродившая по реддиту и тамблеру (прим.: служба микроблогов, включающая в себя множество картинок, статей, видео и gif-изображений по разным тематикам и позволяющая пользователям публиковать посты в их тамблелог) даже больше меня, уже знала о фото, но не сказала *«я же тебе говорила»* и не была переполнена ненавистью, поэтому я надеялся, что она простит меня в своём собственном причудливом стиле. Также она вызвалась повесить табличку на дверь, гласившую, что рабочие часы и будние мессы временно приостановлены; и теперь, позаботившись о своих церковных делах, я мог сосредоточиться на настоящем.

И всё равно я не удержался.

— Ты видела Поппи? — спросил я, прежде чем мы попрощались, и буквально возненавидел себя за это.

Милли, казалось, всё поняла.

— Нет. На самом деле, её машину не видно на подъездной дорожке с прошлой ночи.

— Хорошо, — произнёс я тягостно и устало, не понимая, какое чувство испытываю после этой новости. Но я знал наверняка: оно не улучшило ощущение того, что на месте, где должно быть моё сердце, гигантский кратер.

— Отец, пожалуйста, береги себя. Несмотря ни на что, прихожане тебя любят, — сказала она, и мне так хотелось, чтобы эти слова оказались правдой, но как они могли любить меня после того, как я всё разрушил?

После мессы я остался в храме. Церковь Джордана была старинной — ей более ста лет — и состояла практически полностью из камня и витражей. Ни вытопанного красного ковра, ни искусственной деревянной облицовки. Она казалась настоящим храмом, древним и гулким, местом, где незримой дымкой, искрящейся среди балок, парит Святой Дух.

Поппи бы здесь понравилось.

Я был неуверенным и опустошённым после пролитых прошлой ночью слёз, словно моя душа вытекла из меня вместе с солёными каплями. Я должен был встать на колени, понимал, что обязан стоять на коленях, закрыв глаза и склонив голову, но вместо этого я лежал на одной из скамеек. Она была сделана из жёсткой древесины, твёрдой и холодной, но у меня не было сил держаться на ногах ни секундой больше, поэтому я остался на ней и смотрел невидящим взглядом на спинку скамьи передо мной, где хранились служебники, карточки посещаемости и маленькие затупившиеся карандаши.

«Господи, скажи, что же мне делать».

Полагаю, часть меня надеялась, что я проснусь и всё это окажется кошмаром, каким-то наваждением, посланным, чтобы испытать мою веру, но нет, этого не случилось. Я

действительно вчера застал Поппи и Стерлинга. Я на самом деле влюбился, просто чтобы оказаться по уши в дерьме (благодаря той самой женщине, на которой хотел жениться).

«Должен ли я покинуть духовенство и надеяться, что Поппи примет меня обратно? Попробовать ли мне найти её? Поговорить с ней? И будет ли для Церкви лучше, если я останусь? Церковь важнее Поппи?»

Ответа не последовало. Были лишь отдалённый гул городского движения на улице и угрюмый свет, тускло мерцающий на деревянной скамье.

«Я сейчас даже дуновения не получу? Даже сейчас? За всё время именно сейчас я не получу ничего?»

Я прекрасно знал, что был нетерпелив, но меня это не заботило. Даже Иаков (прим.: герой Пятикнижия, третий из библейских патриархов, младший из сыновей-близнецов патриарха Исаака и Ревекки, родившей после двадцатилетнего бесплодного брака. Отец 12 сыновей, родоначальников колен Израилевых. Почитается во всех авраамических религиях: в иудаизме, христианстве и исламе) должен был бороться за Божье благословение, поэтому, если мне придётся биться ради того, чтобы получить своё, я это сделаю.

Вот только я устал. И был опустошён. Я не мог продолжать ныть, даже если бы и хотел, так что вместо этого мои мысли блуждали, а молитвы становились бесцельными — даже без слов — пока я просто осознавал, где в итоге оказался. Здесь, в церкви, которая не была моей, одинокий и уязвлённый. Своими действиями я навлёк неприятности на мой приход и предал доверие епископа и прихожан — поступок, который я изо всех сил пытался не совершить с тех пор, как стал священником.

Я потерпел неудачу.

Я потерпел неудачу как пастор, как человек и как друг.

Пялясь на каменный пол, я медленно моргал в тишине. Остаться ли мне? Будет ли лучшим искуплением то, что я останусь священником? Будет ли так лучше для Церкви? Для моей души? Уйти сейчас — не на моих условиях — было похоже на дерзкую ненависть к самому себе, на поступок в стиле *«я всё испортил, так что уволюсь»*, и какое бы решение я ни принял касательно будущего, оно должно прийти откуда угодно, но не от подобных эмоций.

Оно должно прийти от Бога.

К сожалению, сегодня у Него не было настроения для разговоров.

Возможно, настоящий вопрос состоял в том, смогу ли я представить свою дальнейшую жизнь без духовенства и Поппи? Я решил уйти из-за моей любви к ней, но как только сделал это, то почувствовал, как передо мной проносятся всевозможные сценарии моего будущего: вдохновляющего, будоражащего, воодушевляющего. Было так много способов, позволяющих мне служить Господу, а что, если всё к этому и вело? Не к тому, что мы с Поппи будем вместе, а к тому, что меня вытолкнут из комфортного пузыря, который я для себя создал? Пузыря, где я мог бы сделать так много и где всегда находил бы причину работать больше и лучше; пузыря, где было легко развивать чувство покоя и умиротворения во имя смиренного служения.

Существовало так много всего, что я хотел сделать, когда был моложе — то, что совершила Поппи, например, длительные миссионерские поездки — но это стало невозможным, как только я получил свой приход. Однако, будь я свободен, мог бы бороться с голодом в Эфиопии, или провести лето, преподавая английский язык в Беларуси, или копать колодцы в Кении. Я мог бы отправиться куда угодно когда угодно.

С кем угодно.

Ну, не с кем угодно. Закрыв глаза, я представлял пыльные равнины народности покот (прим.: народ из культурно-языковой группы нилотов, живут на территории западной Кении на границе с Угандой) или леса Беларуси и терялся в безмолвных фантазиях о будущем, потому что лишь одного человека я рисовал рядом с собой. Кое-кого невысокого и худенького, с тёмными волосами и красными губами. Её, приносящую вместе со мной воду, а возможно, новые тетради для детей, или, вероятно, перед моими глазами были её солнечные очки, пока мы, переплетя пальцы, шли на собрание общины. Или она лежала бы надо мной в гамаке, откуда я мог разглядеть на её коже следы в форме ромбиков, которые оставили нити гамака, а может, мы бы разделили холодную, неотопливаемую общую спальню, свернувшись на нашей жёсткой постели подобно двойным кавычкам.

Но где бы ни оказались, мы бы помогали людям. Адресно, физически, иногда лично — тем же образом, как помогал людям Иисус. Исцелять больного его руками, излечивать слепоту землёй и слюной. Делать его руки грязными, а сандалии пыльными. Это было одним из реальных различий между Иисусом и фарисеями (прим.: религиозно-общественное течение в Иудее в эпоху Второго Храма, одна из трёх древнееврейских философских школ, возникших в эпоху расцвета Маккавеев (II в. до н. э.), хотя возникновение фарисейского учения может быть отнесено к времени Ездры. Учение фарисеев лежит в основе Галахи и современного ортодоксального иудаизма), не так ли? Один вышел с народом, тогда как другие оставались внутри, споря над пожелтевшими свитками, пока безразличная империя жестоко обходилась с их людьми.

Я вспомнил момент, когда решил стать священником, то волнение, жгучее предвкушение, которое ощущал. И я чувствовал его сейчас, словно прикосновение крыльев голубя и крещение огнём одновременно, потому что теперь всё стало ясно. Не только ясно, но и очевидно.

Я сел.

Бог хотел, чтобы я остался в реальном мире и вёл обычную жизнь среди Его народа. Возможно, Его планы на Тайлера Белла были более захватывающими и прекрасными, чем я когда-либо рассчитывал.

«Это то, чего Ты хочешь? — спросил я. — Чтобы я ушёл не ради Поппи, не ради епископа, а ради себя? Ради Тебя?»

И слово прозвучало в моей голове с таким спокойствием, с такой властью: *«Да»*.

Да.

Пришло время мне остановиться. Пришло время оставить свою жизнь пастора позади.

Вот тот ответ, который я хотел; путь, который искал, только он не был тем, о котором я просил, потому что раньше я задавал неправильный вопрос.

На этот раз не было ничего эффектного: ни горящего куста, ни покаяния, ни солнечных лучей. Лишь тихий, безмятежный покой и знание, что мои ноги теперь на правильном пути. Мне нужно было сделать только первый шаг.

И когда ближе к вечеру я позвонил епископу, чтобы сообщить о своём решении, мой новообретённый покой никуда не исчез. Мы оба знали, что оно было верным — для меня и для церкви — и вот так жизнь как пастора, как Отца Тайлера Белла подошла к плавному и мрачному концу.

На следующих выходных проходил Ирландский фестиваль, а я уже попрощался со своими прихожанами и собрал вещи в доме священника, поэтому у меня не было причин туда ехать, хоть мне и было ненавистно то, что я пропускал начало сбора средств для церкви.

— Боишься, что они забьют тебя камнями? — поинтересовался Шон, когда я сказал, что не собираюсь идти (я остался у него, пока не нашёл себе жильё).

Я покачал головой. На самом деле, несмотря на всенародный всплеск в социальных сетях, где меня приравнивали к демону и одновременно сделали знаменитостью из-за внешности, мои прихожане отреагировали намного лучше, чем я того заслуживал. Они сказали мне, что хотят, чтобы я остался: некоторые буквально умоляли меня об этом, другие благодарили за открытые дискуссии о насилии, кто-то же просто обнимал меня и желал всего хорошего.

И я дал им честные ответы на все заданные вопросы; они заслужили, по крайней мере, это: искреннее и открытое признание во всех моих грехах, так чтобы не было ни тени сомнения, ни распускания слухов. Я не хотел, чтобы мой грех порочил общину больше, чем это уже было сделано.

Но в то же время, несмотря на их тепло и любовь, возвращение не казалось мне разумным. Хоть я и упаковал свои вещи на прошлой неделе, призрак Поппи всё ещё преследовал меня. После того как мы с отцом погрузили всё в фургон, я придумал оправдание, что мне нужно попроситься с ещё несколькими людьми, и отправился к её дому. Я не представлял, что могу ей сказать, ведь даже тогда не знал с точностью, злился я на неё или же отчаянно нуждался в ней, а может, то и другое — ещё одно предательское чувство, будто только её тело в состоянии исцелить меня, хотя оно же и причинило мне боль.

Но это не имело значения. Она исчезла, как и все её вещи: iMac, выпивка, книги. Я заглянул в окна опустевшего дома, прижимаясь лицом к стеклу будто ребёнок к витрине магазина. У меня появилось нелепое ощущение, что если бы я мог только зайти внутрь, то почувствовал бы себя лучше. Я был бы счастлив хотя бы на минуту.

Руководствуясь рассуждениями зависимого человека как рациональными, я пошёл за запасным ключом на заднее крыльцо, но, естественно, его там не оказалось, а все двери были заперты. Также я попытался открыть одно из окон, прежде чем наконец-то взял себя в руки. Она уехала жить к Стерлингу, а я был здесь, и меня вот-вот арестуют за взлом и незаконное проникновение.

«По крайней мере, мать твою, держи себя в руках, пока не доберёшься до дома и не выпьешь», — успокаивал я себя, и мне удалось выполнить это. Мы с отцом выгрузили содержимое фургона в подвал его дома, а затем разделили несколько стаканов виски, не произнося при этом ни одного слова. Ещё больше скорби по-ирландски.

Хоть Вестон теперь и нёс только болезненные воспоминания, я по-прежнему был рад видеть, что после фестиваля Kickstarter сработал именно так, как и планировала Поппи: к началу ноября на реставрацию Святой Маргариты было собрано почти десять тысяч долларов.

Немного больно вспоминать об этом проекте, который отнял у меня столько времени и сил и который теперь будет передан другому пастору. А ещё слегка раздражало то, что многие из этих онлайн-пожертвований поступили от «тайлеретов» — интернет фан-группы, появившейся вскоре после обнародования тех фотографий. «Тайлереты» казались больше заинтересованными в рассуждениях о статусе моих отношений или поиске моих фото без

рубашки из колледжа, нежели в благотворительности. Но я предполагал, что, раз это было для высшего блага, тогда всё в порядке.

— По крайней мере, ты можешь получить киску, когда тебе захочется, — сказал Шон, когда мы ели еду на вынос в гостиной его пентхауса однажды вечером пару недель спустя.

— Да пошёл ты, — ответил я безразлично.

Это на самом деле было неважно. Существовала лишь одна женщина, которую я хотел, но она ушла, и никто из числа фанаток (и фанатов) из интернета не мог изменить этого.

— Умоляю, скажи, что теперь, когда *секундировался*, ты не собираешься придерживаться этой безбрачной шутки.

— *Секуляризировался* (прим.: освободить от церковного влияния), и это не твоего грёбаного ума дело.

Шон бросил пакетик из-под соевого соуса мне в голову и, казалось, немного наслаждался эффектом, поэтому кинул ещё несколько, идиот, а потом, когда я метнул контейнер из-под кисло-сладкого соуса ему в грудь, который оставил розовое пятно на его новенькой рубашке от Hugo Boss, надул губы.

— Это было лишним, *придурак*, — пробормотал он, безуспешно очищая ткань.

В основном это и была моя жизнь: споры с братом, дерьмовая еда и абсолютное отсутствие идей о том, что делать дальше. Я постоянно думал о Поппи, независимо от того, изучал ли программы постуниверситетского образования или проводил время с родителями, которые поддерживали, но осторожничали, будто боялись, что неправильное слово всколыхнёт в моей голове воспоминание о Вьетнаме и я начну ползать по полу с ножом в зубах (прим.: автор ссылается на ПТСР («вьетнамский синдром») у солдат после одного из крупнейших военных конфликтов второй половины XX века, оставивший заметный след в культуре и занимающий существенное место в новейшей истории Вьетнама, а также США и СССР, сыгравших в нём немаловажную роль).

— Они боятся, что ты взорвёшься из-за тех материалов в интернете, и думают, что, возможно, ты подавляешь свои эмоции, ну или что-то в этом роде, — доброжелательно объяснил Райан, случайно услышав, как я упоминаю об этом в разговоре с Эйденем и Шоном. — Теперь ты знаешь. Не взрывайся.

«*Не взрывайся*». Как иронично. Если уж на то пошло, я иссыхал, сжимался и превращался в маленького, более слабого мужчину. Без Поппи я словно забывал всё то, что делало меня Тайлером Беллом. Я тосковал по ней, как человек тоскует по воздуху, беспрестанно задыхаясь, и это чувство оставляло так мало пространства для мыслей о чём-нибудь ещё. Я даже не мог посмотреть «*Ходячих мертвецов*», потому что сериал сильно напоминал мне о ней.

— Я растерян, — признался я Джордану через день после Дня благодарения. — Знаю, что поступил верно, оставив духовенство, но теперь передо мной так много возможностей: столько мест, куда я могу отправиться, столько всего, что я могу сделать. Как я должен догадаться, какая из них правильная?

— Это потому, что все они ощущаются неправильными без неё?

Я вообще не упоминал о Поппи при нём, поэтому его острота расстроила меня, хотя к этому времени мне уже нужно было это осознать.

— Да, — честно ответил я. — Я скучаю по ней так сильно, что от этого мне больно.

— Она пыталась связаться с тобой?

Я посмотрел на стол.

— Нет.

Ни сообщений. Ни писем по электронной почте. Ни звонков. Ничего. Она покончила со мной. Я предположил, что она увидела меня в тот день у своего дома и была в курсе, что я знал о Стерлинге, но от этого ситуация становилась хуже. Ни объяснений? Ни извинений? Даже никакой глупой суеты с ничтожными оправданиями и наилучшими пожеланиями на будущее?

Я знал, что Поппи уехала из Вестона (Милли еженедельно звонила мне, чтобы сообщить новости о церкви и о моих бывших прихожанах), но понятия не имел, куда она отправилась, хоть и предполагал, что в Нью-Йорк вместе со Стерлингом.

— Думаю, ты должен попытаться найти её, — сказал Джордан. — Чтобы прояснить ситуацию.

Вот как в декабре я оказался в стрип-клубе с Шоном. Он практически воспламенился от желания, когда я попросил его взять меня с собой, а после болтал о том, что мне надо перепихнуться, что и ему нужно перепихнуться, и о том, чтобы мы взяли собой Эйдена, но не сегодня, потому что он хочет сосредоточиться на моей игре.

— Я не хочу трахаться со стриптизёршей, — запротестовал я уже в десятитысячный раз, пока мы поднимались на лифте.

— Что, теперь они слишком хороши для тебя? Ты трахал одну пару месяцев назад.

Боже, уже минуло два месяца? Казалось, времени прошло меньше, не считая тех случаев, когда часы тянулись дольше, случаев, когда я был уверен, что позади остались годы с тех пор, как я в последний раз пробовал сладость тела Поппи, с тех пор, как ощущал своим членом тепло и влажность её киски; это были те моменты, когда я чувствовал такую невыносимую боль в паху, что едва ли мог дышать. К счастью, Шон отчаянно пытался подняться по карьерной лестнице и задерживался на работе до поздней ночи, поэтому я проводил в пентхаусе большую часть времени один. Не то чтобы мастурбация когда-либо помогала: не имело значения, как часто я кончал в свою руку с мыслями о Поппи, боль от её потери никогда не притуплялась, а удар от её предательства никогда не смягчался. Изменила она или нет — моё тело по-прежнему желало её.

Я по-прежнему желал её.

— Это было по-другому, — ответил я Шону, пока мы выходили из лифта, но он лишь пожал плечами.

Я знал, что никогда не смогу донести это до него, потому что он в жизни не был влюблён. «*Киска есть киска*», — говорил Шон всякий раз, когда я пытался заставить его понять, почему не хочу трахаться с какой-то случайной девушкой, которую он знал, почему вообще не хочу встречаться с девушками. Что такого особенного в ней было?

Клуб был набит до отказа — вечер субботы — и понадобилось всего две порции водки с тоником, чтобы убедить Шона заняться своими делами. Оставшись возле бара, я потягивал мартини с Bombay Sapphire и наблюдал за танцующими на площадке, вспоминая, как Поппи исполняла стриптиз для меня одного.

Что бы я только ни отдал, чтобы вернуть некоторые из тех моментов обратно: Поппи и меня и ту проклятую шёлковую вещицу на её шее. Со вздохом я поставил свой напиток. Я пришёл сюда не предаваться воспоминаниям. Я пришёл сюда узнать, куда уехала Поппи.

Девушка-бармен подошла ко мне, протирая прилавок.

— Повторить? — поинтересовалась она, указывая на мой мартини.

— Нет, спасибо. Вообще-то, я кое-кого ищу.

Она приподняла бровь:

— Танцовщицу? Мы обычно не даём никакой информации о расписании девушек.

«Ради безопасности», — я видел, что она хотела добавить это, но не стала.

Я даже не мог оскорбиться, потому что знал, как это выглядело для неё.

— По правде говоря, меня не волнует расписание танцовщиц. Я ищу Поппи Дэнфорс...

Думаю, она раньше работала здесь?

Глаза девушки расширились, как только она всё поняла:

— Боже мой, ты — тот священник, так ведь?

Я прочистил горло:

— Эм, да. Я имею в виду, что технически больше не священник, но был им.

Девушка усмехнулась:

— То фото, где ты играешь с фрисби в колледже, стоит на заставке рабочего стола на компьютере моей сестры. А ты видел мемы «Горячий Пастор»?

Я действительно видел — к счастью или к сожалению — мемы «Горячий Пастор». Они были сделаны с помощью фотографии, которая когда-то висела на сайте церкви Святой Маргариты, той, которую, как призналась Поппи, она искала несколько месяцев назад.

— Я подумала, может, будет лучше, если я узнаю, как вы выглядите.

— Помогло?

— Не очень

Теперь, когда мы выяснили, что я не был каким-то случайным парнем, домогающимся танцовщиц, я попробовал ещё раз:

— Ты знаешь, куда уехала Поппи?

Во взгляде девушки появилось сожаление:

— Нет. Она так внезапно сообщила о своём увольнении, никому не рассказала о причине или о месте, куда собралась, но мы все знали о снимках, поэтому и предположили, что причина в них. Она не сказала тебе?

— Нет, — произнёс я и снова поднял мой мартини.

Иногда правда лучше воспринимается с алкоголем.

Она повесила полотенце на крючок, а затем снова повернулась ко мне:

— Знаешь, я вспомнила, что Поппи оставила кое-что здесь, когда пришла собирать свои вещи. Сейчас принесу.

Я постукивал пальцами по барной стойке из нержавеющей стали, не позволяя себе поверить в то, что это было чем-то настолько важным, как письмо, оставленное специально для меня, но всё ещё страстно желая этого. Как она могла уехать просто так? Без единого слова?

Неужели для неё это было так незначительно?

Не в первый раз мою грудь сжимало от душевной боли. Боли от невзаимной любви, от знания, что я любил её больше, чем она меня.

Это ли всё время чувствует Бог?

Какая отрезвляющая мысль.

Бармен вернулась с пухлым белым конвертом. На нём стояло моё имя, поспешно выведенное маркером. Взяв его в руки, я сразу понял, что находилось внутри, но всё равно вскрыл упаковку. Как только я вытащил чётки Лиззи и почувствовал их вес в своей руке, ещё больше боли прошло сквозь меня.

Я поднял их всего на минуту, наблюдая за безумным вращением крестика в

приглушённом свете танцпола, затем поблагодарил девушку за стойкой, проглотил оставшуюся часть мартини и ушёл, оставив Шона с его стрип-приключениями.

Это был конец. Собственно говоря, это произошло ещё тогда, когда я увидел поцелуй Стерлинга и Поппи, но почему-то именно сейчас я осознал, что чётки стали её окончательным сигналом о том, что между нами ничего не осталось. Хотя я и отдал их ей в качестве подарка, мне ни разу не приходила в голову мысль забрать их обратно. Поппи же видела в них своего рода связь, какой-то долг, и она отвергла эту связь, как отвергла и меня.

Да. Пришло время принять это.

Всё было кончено.

ГЛАВА 24.

Хотел бы я сказать, что, выйдя из клуба, использовал это новообретённое прозрение, чтобы взять себя в руки. Хотел бы сказать вам, что, порхая крыльями, появился белый голубь, небеса разверзлись и Бог указал мне точно, куда идти и что делать.

Больше всего хотел бы сказать вам, что чётки — и их скрытое послание — исцелили моё разбитое сердце и я не провёл ни одной ночи в мыслях о Поппи и не искал в интернете упоминания о ней.

Но это заняло намного больше времени. Следующие две недели я провёл так же, как и две предыдущие до получения чёток: слушал саундтрек из фильма «Страна садов» (прим.: Garden State — вышедший в 2004 году драматический фильм. В нём показана свежая и энергичная история любви двух людей с проблемами) и апатично заполнял заявления для всевозможных академических программ, воображая в ярких деталях, что Поппи делает в то же время (и с кем это делает). Я ходил в церковь Джордана, бормотал что-то на мессах и постоянно тренировался. Начал интенсивно упражняться, как только покончил со всей дерьмовой едой и выпивкой, которую употреблял больше, чем мои ирландские братья-холостяки.

Пришло Рождество. В семье Белл была традиция обсуждать за праздничным ужином, каким бы был наш идеальный подарок: повышение, новый автомобиль, отпуск или что-то вроде того. И когда мы заняли места за столом, я понял, чего хотел больше всего.

— Я хочу *заняться* чем-нибудь, — произнёс я, вспомнив, как лежал на скамье Джордана и фантазировал о далёких берегах и пыльных холмах.

— Так займись, — сказал Эйден. — Ты можешь сделать всё, что тебе захочется. У тебя же миллион учёных степеней.

Две. У меня их две.

— Значит, займусь, — решил я.

— И чем *это* будет? — спросила мама.

— Понятия не имею. Но это не здесь.

И через две недели я сидел на борту самолёта до Кении, направляясь в регион народности покот с целью рыть колодцы, впервые не убегая, а двигаясь *навстречу* чему-то.

Семь месяцев спустя

— Так ты теперь у нас ламберсексуал? (прим.: или дровосексуал — мужчина-горожанин, придерживающийся, в противоположность метросексуалу, нарочито грубого стиля в одежде и причёске: толстые свитера, фланелевые рубашки, рабочие ботинки, борода; хипстер, прикидывающийся дровосеком. Ламберсексуальность — проявление запроса общества на возврат к маскулинности, свидетельство усталости от навязываемых ему стандартов мужской изнеженности)

— Да пошёл ты.

Я бросил сумку в грудь Шона, чтобы порыться в карманах и найти немного мелочи для торгового автомата в аэропорту. «Доктор Пеппер» — фонтан молодости. Я чуть не заплакал после первого глотка сладкого, холодного, газированного напитка, который последний раз пил в аэропорту Найроби.

— В Африке разве нет газировки? — спросил Эйден, когда я забрал свою сумку и мы вышли из аэропорта.

— Видимо, и бритвы тоже, — добавил Шон, потянувшись к моей бороде и сильно дёрнув за неё.

Я ударил его по бицепсу, а он взвизгнул как девчонка.

Да, у меня была довольно длинная борода наряду со стойким загаром и значительно подтянутым телом.

— Больше никаких мальчишеских мышц, — заметил папа после того, как я вошёл в дом и он обнял меня. — Вот это наработанные настоящим трудом мышцы мужчины.

Мама только поджала губы:

— Ты выглядишь как Чарлтон Хестон в «Десяти заповедях».

Я чувствовал себя немного похожим на Моисея: чужаком и среди египтян, и среди мадианитян (прим.: полукочевой народ, упоминаемый в Библии и Коране. Считались потомками Авраама), чужаком везде. Позже той же ночью, после самого длинного душа в своей жизни (месяцы одноминутных прохладных душей привили мне глубокую любовь к горячей воде), я лёг на кровать и думал обо всём. Лица людей — рабочих и сельских жителей — с которыми я довольно близко общался. Я узнал, почему их дети были названы теми или иными именами, узнал, что они любят футбол и «*Top Gear*» (прим.: британская телепередача, посвящённая автомобилям), и узнал, кого из мальчиков хотел бы в свою команду, когда по вечерам мы играли в импровизированное регби. Работа была тяжёлой — они занимались строительством средней школы наряду с улучшением инфраструктуры водоснабжения — дни тянулись долго, и временами я чувствовал себя ненужным или чрезмерно нужным, иногда же труд был бессмысленным, словно спасение «Титаника» банкой из-под кофе, как сказал бы папа. А затем я отправлялся спать с кружащимися в голове молитвами и, проснувшись на следующий день, был свеж и полон решимости стать лучше.

Честно говоря, я бы не уехал, если бы во время ежемесячного звонка по спутниковой связи мама не рассказала мне о кипе писем о моём зачислении, ожидающей меня дома. Я действительно мог выбрать из моего списка лучших университетов; после долгих размышлений я решил вернуться домой и продолжить свой путь к получению степени доктора философии в Принстоне — не в католической семинарии, но меня это не волновало. Пресвитериане (прим.: последователи протестантского вероучения, выступающие за независимую от государства церковь, отвергающие власть епископа и признающие лишь пресвитера) были не так уж плохи.

Я вытащил из кармана чётки Лиззи и наблюдал за тем, как вращался крестик в свете приглушённых городских огней, пробивавшихся с улицы сквозь окно. Я брал их собой к покот и множество ночей засыпал, сжав бусины в руке, будто, держась за них, мог держаться за кого-то другого, вот только я не знал, к кому пытался оказаться ближе. Возможно, к Лиззи или к Богу. Или к Поппи.

Сны начали сниться на вторую ночь, сначала спокойные и предсказуемые. Грёзы о вздохах и плоти, бывшие настолько реальными, что я просыпался с её запахом в ноздрях и её вкусом на языке. Потом они превратились в странные зашифрованные видения из табернаклей и хуп, танцевальных туфель и опрокинутых стопок книг. Ореховые глаза, блестящие от слёз, и опущенные вниз в бесконечном несчастье уголки красных губ.

«Ветхозаветные сны, — сказал Джордан, когда я ему позвонил в один из месяцев, а затем процитировал: — Старцам вашим будут сниться сны, и юноши ваши будут видеть видения».

— И кем я буду, старцем или юношей? — задал я вслух вопрос.

Ни огромное количество молитв, ни огромный объём тяжёлого, изнурительного труда на протяжении дня не заставили сны уйти. И я понятия не имел, что они значили, за исключением того, что Поппи всё ещё оставалась в моём сердце, как бы я ни отвлекался во время бодрствования.

Я хотел увидеть Поппи снова. И во мне уже не говорил уязвлённый любовник, желавший этого, больше не было гнева и похоти, требовавших сатисфакции. Я всего лишь хотел узнать, что она в порядке, и вернуть ей чётки. Это был подарок, который Поппи должна была хранить.

Даже если она была с *грёбаным* Стерлингом.

Однажды у меня возникла эта мысль, и я уже не смог от неё избавиться, так что идея полностью укоренилась в моих планах. Я собирался переехать в Нью-Джерси, а там и до Нью-Йорка было недалеко. Я найду Поппи и верну ей чётки.

«Вместе с твоим прощением, — пришёл голос из ниоткуда. Божья мысль. — Она должна знать, что ты простил её».

Так ли это? Простил ли я её? Я ударил по крестик, чтобы он снова завертелся. Полагаю, да. Было больно — слишком — думать о ней и Стерлинге вместе, но мой гнев пролился на африканскую пыль: пролился и окропил почву как пот, и слёзы, и кровь.

Да. Для нас обоих так будет лучше. Прозрение. И возможно, как только чётки окажутся у неё, сны прекратятся, а я смогу двигаться дальше своей дорогой.

На следующий день, который был моим последним днём дома, с почти жутким ликованием мама взяла ножницы, чтобы подстричь мою бороду.

— Она выглядела не так уж плохо, — бубнил я, пока мама работала.

Райан запрыгнул на столешницу и был впервые без своего телефона. Вместо гаджета у него в руке был пакетик с «Читос».

— Нет, чувак. Если ты не пытался выглядеть как Рик Граймс (прим.: главный герой в сериале «Ходячие мертвецы», который Тайлер так любит).

— Почему бы и нет? Он мой герой.

Мама фыркнула:

— Студенты Принстона не похожи на Пола Баньяна (прим.: вымышленный гигантский дровосек, персонаж американского фольклора), Тайлер. Не ёрзай. Нет, Райан, он не может есть «Читос», пока я его стрижу.

Сунув пачку в мою протянутую руку, Райан спрыгнул вниз, чтобы найти свой телефон («Офигеть. Я должен показать это в Перископе») (прим.: Райан имеет в виду приложение Periscope, служба потокового вещания видео через специализированные приложения для Android и iOS).

Я вздохнул и опустил «Читос» вниз.

— Я буду скучать по тебе, — голос мамы прозвучал словно из ниоткуда.

— Это просто учёба. Я частенько буду приезжать.

Она закончила стричь и отложила ножницы в сторону.

— Знаю. Просто все вы, ребята, остались так близко к дому. Меня разбаловало то, что все мои мальчики живут рядом.

А потом мама разрыдалась, потому что всех нас не было дома, всех нас уже не было дома, как только умерла Лиззи.

— Мам ... — я встал и крепко её обнял. — Я люблю тебя. И это не навсегда, а всего лишь на несколько лет.

Она кивнула в мою грудь, а затем шмыгнула носом и отстранилась.

— Мне грустно, потому что я буду скучать по тебе, но я плачу не из-за того, что хочу, чтобы ты остался, — мама взглянула в мои зелёные глаза, так похожие на её. — Вы, мальчики, должны жить своей жизнью, не будучи скованными обязательствами или горем. Я рада, что вы делаете что-то пугающее, что-то новое. Отправляйся получать новые воспоминания и не беспокойся о своей глупой матери здесь, в Канзас-Сити. Со мной всё будет отлично, плюс со мной до сих пор Шон, Эйден и Райан.

Как бы мне ни хотелось рассмеяться, я не мог. Шон и Эйден были по-своему внимательными, никогда не пропускали семейные обеды, всегда выкраивали время, чтобы позвонить или написать смс на протяжении всей недели, да и папа был здесь. Тем не менее. Я беспокоился.

— Ладно.

— Садись, мне нужно закончить с этой уродливой бородой.

Я сел, раздумывая о том, что оставляю дом позади. Будучи священником, я видел достаточно горя, чтобы знать, что люди никогда по-настоящему не двигаются дальше, по крайней мере не тем последовательным и размеренным темпом, которого ожидает от нас наша культура. Вместо этого у мамы бывают хорошие и плохие дни: дни, когда она возвращается к своей боли, и дни, когда она улыбается и суетится, например, с бородой и стоимостью страховки автомобиля Райана.

По большей части я понимал, что не мог пережить боль мамы за неё, даже если бы и остался здесь. Каждый из нас должен был найти собственный образ жизни с призраком Лиззи, и мы должны это сделать в своё время. Мне казалось, я уже начал, и мама, возможно, тоже.

— Теперь иди сбривай, — приказала она мне, обтирая моё лицо сухим полотенцем и оставляя лёгкий поцелуй у меня на лбу. — Если ещё не научился этого делать.

Переехать было не так уж и трудно. Я нашёл недорогую квартиру не слишком далеко от кампуса и положил свои тающие сбережения на депозит. Я стал не только студентом, но и ассистентом преподавателя, поэтому стипендии хватало для покрытия расходов на проживание и питание, хотя мне и придётся взять несколько кредитов на обучение.

Фактически мне особо нечего было перевозить, ибо вся моя мебель относилась к пасторскому дому, мои же гантели и штанга остались в Канзас-Сити. Были лишь одежда и книги, а диван и стол я нашёл на крейглисте (прим.: сайт электронных объявлений, пользующийся большой популярностью у американских пользователей Интернета. Крейгслист возник в городе Сан-Франциско, США в 1995 году).

Устроившись, я провёл день или два в попытках отследить в интернете новый адрес Поппи, да хотя бы место работы, но всё было тщетно. Она или очень осторожничала, или залегла на дно, или оба варианта сразу: последними упоминаниями о ней, которые мне удалось найти, стали окончание ею Дартмута и несколько танцевальных выступлений со времён её учёбы в университете Канзаса.

Я не смог обнаружить никаких её следов и дошёл даже до того, что позвонил её родителям: отцу — по номеру, обнаруженному на сайте его компании, и матери — по номеру её некоммерческой организации. Но они хорошо охранялись кучей помощников и администраторов, ни один из которых не хотел выдавать мне какую-либо информацию о Поппи или её родителях. Не то чтобы я мог винить их; вероятно, я бы тоже не стал выдавать информацию чужому человеку, но это всё равно чертовски разочаровывало.

Почему она покинула Вестон? Почему отдала чётки? Возможно, если бы она этого не сделала, я бы не был так одержим идеей вернуть ей их...

Был один человек, который — я знал почти наверняка — готов поговорить со мной о Поппи, и мысль о том, что я увижу его снова, наполняла меня беспредельным отвращением, но других вариантов не было. Семестр должен был скоро начаться, и у меня не будет времени шататься по восточному побережью в поисках моей бывшей... Девушки? Любовницы? И я не мог представить себе, что такой идеалистический, абсолютно безнадежный квест завершится успехом раньше Рождества.

Через два часа автобусов и поездов разной степени переполненности я находился в финансовом районе Манхэттена и пялился на огромную конструкцию из стали и стекла, принадлежащую семье Хаверфорд. Я бродил внутри, окружённый мрамором, вечно занятыми людьми и всеохватывающим духом суеты, и всё это не изменилось, даже когда лифт доставил меня в главный офис на шестидесятом этаже. *«Неудивительно, что Поппи выбрала Стерлинга»*. Я бы никогда не смог предложить ей нечто подобное. У меня не было парка чёрных автомобилей и портфелей инвестиций, не было империи с мраморными полами. У меня были лишь колоратка и дом, которые не принадлежали мне по закону, теперь же я не имел даже их.

Боже, я был таким дураком, думая, что смогу удержать Поппи Дэнфорс. Вот тот мир, из которого она пришла. Конечно, сюда она и вернулась бы.

Секретарь была красивой блондинкой, и мурак внутри меня гадал, переспал ли с ней Стерлинг тоже, была ли его жизнь лишь парадом измен и денег, парадом без каких-либо последствий и без единой заботы, за исключением того, как ему получить желаемое.

— Эм, привет, — произнёс я, когда подошёл к её столу. — Могу я увидеть мистера Хаверфорда?

Она даже не удосужилась оторвать взгляд от монитора:

— У вас назначена встреча?

— Боюсь, что нет, — ответил я.

— Никто не может попасть к нему без назначенной... — её голос затих, как только она посмотрела на меня, а потом её глаза расширились. — О мой Бог! Вы тот парень из мема

«Горячий Пастор»!

Вдох.

— Ага, он самый.

Она заговорщически понизила голос:

— Я слежу за тамблером «тайлеретов». Правда, что вы уезжали в Африку? Вы скрывались? В «*Entertainment Tonight*» говорилось, что да.

— Это была волонтерская поездка, — объяснил я. — Рытьё колодцев, — хотя отсутствие интернета у покот точно стало бонусом.

Издав пронзительный «оуу», она уставилась на меня своими большими карими глазами, внезапно выглядя такой юной.

— Вы ездили помогать людям? Это так мило! — она закусил губу и оглядела пустую приёмную. — Знаете, мистер Хаверфорд никогда не следит за своим расписанием. Он даже не узнает, были ли вы внесены в список его встреч или нет, — она нажала несколько клавиш. — А теперь вы официально в нём.

— Вау, спасибо, — ответил я, чувствуя благодарность до тех пор, пока она не вручила мне визитную карточку с номером, нацарапанным на обратной стороне.

— Это мой номер телефона, — произнесла секретарь немного застенчиво. — На случай, если вы когда-нибудь снова захотите нарушить свои обеты.

Вдох.

— Спасибо, — поблагодарил я настолько вежливо, насколько мог.

Не было смысла объяснять ей моё нынешнее недуховное положение или то, что существовала только одна причина, почему я нарушил свои обеты и находился сейчас в цитадели моего врага номер один.

— Мы можем сделать селфи?

Прежде чем я успел ответить, она оказалась на ногах по другую сторону своего стола и, встав рядом со мной, вытянула телефон перед нами.

— Улыбочку, — сказала она, прижавшись ко мне и положив свою светлую голову мне на плечо, а я послушно улыбнулся, в то же время понимая, насколько глубоко в моей голове засела Поппи.

У меня под рукой была стройная блондинка, тёплая и готовая, но мне хотелось лишь избавиться от неё. Я предпочёл бы оказаться в соседней комнате и драться со Стерлингом, чем выдерживать кокетливое наступление этой девушки. Шону было бы стыдно за меня.

— Если хотите, можете войти прямо сейчас. У него перерыв между встречами, — прошептала она всё так же заговорщически, быстро набирая что-то на своём телефоне, пока выкладывала селфи на своих всевозможных страницах в интернете.

Офис Стерлинга был столь же впечатляющим, как и остальное здание: головокружительный вид, массивный стол и небольшой бар, наполненный дорогим виски. Затем я заметил Стерлинга собственной персоной, восседающего как король на своём троне и подписывающего стопку покрытых мелким шрифтом документов.

Он поднял глаза, явно ожидая одного из своих сотрудников, а потом, увидев меня вместо них, раскрыл рот. Я предполагал, что на его лице будут злость или ликование — возможно, он даже попросил бы меня уйти — но я никак не ожидал, что Стерлинг поднимется, подойдёт ко мне и протянет мне руку в знак приветствия, словно мы были старыми деловыми партнёрами.

Я проигнорировал этот жест. Возможно, я и был священником, но даже у меня

существовал предел.

Однако моё хамство, похоже, не побеспокоило его ни в малейшей степени.

— Тайлер Белл — прости — *Отец* Белл, — воскликнул он, отпрянув назад, чтобы посмотреть мне в лицо. — Как, чёрт побери, поживаешь?

Я потёр затылок, чувствуя себя не в своей тарелке. Пока ехал сюда, я подготовился к любому оттенку сволочизма Стерлинга, но ни разу не рассматривал возможность того, что он может быть, ну, *дружелюбным*.

— Больше уже не Отец. Я ушёл из духовенства.

Стерлинг усмехнулся:

— Надеюсь, не из-за тех фотографий. Буду честен, чувствовал я себя немного скверно после того, как опубликовал их. Хочешь чего-нибудь выпить? У меня есть изумительный виски Lagavulin 21.

Эм...

— Конечно.

Стерлинг подошёл к бару, и хоть мне и было ненавистно это признавать, но теперь, когда он больше не считал меня своим врагом, я мог понять, что Поппи однажды увидела в нём. В его манере поведения была определённая харизма, сочетающаяся с особой искущённостью, которая, когда вы просто находились рядом с ним, заставляла вас ощутить себя искущённым тоже.

— Что ж, полагаю, ты пришёл позлорадствовать, а я, должен признать, это заслужил. Я по-мужски это вытерплю, — он откупорил Lagavulin и налил нам обоим хорошую порцию. Затем подошёл и протянул один из стаканов мне. — Я удивлён, что ты не пришёл раньше.

Я буквально понятия не имел, о чём он, чёрт возьми, говорит. Сделал глоток виски, чтобы скрыть своё смущение.

Стерлинг опёрся на край стола, взбалтывая виски умелым движением руки.

— Как она?

Он говорил о Поппи? Не может быть, он ведь жил с Поппи, но если подумать, то она была единственным звеном, которое связывало нас двоих.

— Вообще-то, я пришёл сюда задать тот же вопрос.

Стерлинг удивлённо поднял брови.

— Так вы двое... — он указал на меня стаканом. — ...вы не вместе?

Я прищурился:

— Я думал, *вы* живете вместе.

Вспышка боли — настоящей боли, не разочарования или гнева — промелькнула на его лице.

— Нет. Мы не вместе... и не были. Между нами оказалось не то, что я думал.

Я поймал себя на том — смешно — что мне жаль его. А затем смысл его слов начал проникать в моё сознание, и маленький цветок надежды расцвёл в моей груди...

— Но я видел, как вы двое целовались.

Он нахмурился:

— Ты видел? О, это, наверное, было в её доме.

— В тот день ты опубликовал те снимки.

— Мне действительно стыдно за это.

Да, да, да. Это не было делом давно минувших дней, но я был гораздо больше заинтересован в том, что же случилось между поцелуем в её спальне и тем, что они сейчас

не были вместе. Теперь я должен был заглушить эту надежду, прежде чем та по-настоящему пустила бы корни, хотя мне было сложно заставить себя. Но почему, если Поппи не была со Стерлингом, она не попыталась связаться со мной?

«*Один вопрос за раз*», — наставлял я себя.

Стерлинг, должно быть, понял смысл выражения моего лица; сделав глоток, он поставил стакан и объяснил:

— Мне уже надоело ждать, и в тот день я приехал в этот чёртов город — без обид — и пригрозил ей опубликовать те фотографии, если она не пообещает быть со мной. Поппи стояла у окна, а потом, вдруг начав подталкивать меня в свою спальню, сняла мой пиджак. Я поцеловал её, подумав, что это то, чего она хотела. Но нет. После одного поцелуя она оттолкнула меня и прогнала прочь, — то, как он потёр челюсть, заставило меня задаться вопросом, означало ли «*прогнать прочь*» то, что она ударила его в челюсть. Я очень на это надеялся. — Я ушёл и опубликовал снимки, потому что был зол — по понятным причинам, думаю, учитывая все обстоятельства.

Я сел в ближайшее кресло и уставился на виски в руке, пытаюсь разобраться, что всё это значит.

— Вы поцеловались только один раз? И она не покинула штат Миссури, чтобы быть с тобой?

— Очевидно, что нет, — ответил он. — Я предполагал, она сразу же побежала к тебе.

— Нет. Она этого не сделала.

— Ох, не повезло, старина, — сказал он сочувственно.

Я пытался переварить информацию. Поппи поцеловала Стерлинга один раз, а затем потребовала, чтобы он ушёл. Стерлинг либо ужасно целуется, либо она вообще не хотела быть с ним, но если она не хотела быть с ним, то почему не осталась со мной? И после того, как эти фотографии были опубликованы, после того, как я оставил духовенство, она ни разу не позвонила. Я полагал, что из-за её отношений со Стерлингом, но теперь, когда я узнал правду, это ужалило ещё сильнее. Она могла хотя бы попроситься, или извиниться, или сказать что-нибудь ещё, да что угодно.

Моё сердце скрутило словно потрёпанную мочалку, которую всё ещё выжимали. «*Чётки, — напомнил я себе. — Нужно вернуть ей чётки и дать прощение. Но ты не можешь простить её, если злишься из-за произошедшего*».

К тому же она не была со Стерлингом. И от этого было уже немножко легче.

— Знаешь, где она сейчас? — спросил я. — Я хочу поговорить с ней.

Безусловно, он знал. Стерлинг вернулся к столу, нашёл свой телефон, и через несколько секунд я уже держал в руках листок бумаги с аккуратными печатными буквами. Адрес.

— Я прекратил следить за ней в прошлом году, но это та собственность, которую фонд искусств Дэнфорс приобрёл вскоре после того, как я вернулся домой. Танцевальная студия в Нью-Йорке.

Я изучал адрес, а потом взглянул на него.

— Спасибо, — и я не кривил душой.

Он пожал плечами, а потом осушил свой стакан.

— Без проблем.

Почему-то я протянул руку, чувствуя себя немного скверно из-за того, что проигнорировал его приветствие ранее. Он принял её, и мы коротко, но вежливо пожали руки. Передо мной стоял человек, который разрушил мою карьеру и, как я думал, увёз мою

Поппи подальше от меня, но теперь я уходил, не ощущая к нему никакой ненависти или злости, и дело было не только в виски за полторы тысячи долларов.

Я простил его. Я собирался выйти за эту дверь, найти Поппи и вернуть ей чётки, а затем наконец-то жить дальше своей жизнью.

ГЛАВА 25.

Танцевальная студия находилась в Куинсе, красочном, но захудалом районе, казавшемся застывшим на пороге джентрификации (прим.: реконструкция и обновление строений в прежде не фешенебельных городских кварталах, либо согласно программе запланированного городского восстановления, либо в результате решений, принимаемых профессионалами и управляющими. В результате джентрификации происходит повышение среднего уровня доходов населения района за счёт замены жителей с низкими доходами на более состоятельных), когда застройщики ещё не взялись за него, однако уже появилось множество художников и хипстеров.

Студия «Маленький Цветок», как я смог узнать из интернет-поиска на своём телефоне, пока ехал в метро, была некоммерческой организацией, которая давала бесплатные уроки танцев для молодёжи, и казалась особенно нацеленной на молодых женщин. На сайте не упоминалась Поппи, хотя студия открылась спустя всего два месяца после её отъезда из Вестона, а весь проект финансировался фондом её семьи.

Это было высокое трёхэтажное здание из кирпича, и фасад, вероятно, недавно обновили. Высокие окна открывали вид на главный танцевальный зал, внутри которого было светлое дерево и сверкающие зеркала.

К сожалению, так как была середина дня, казалось, в самой студии было пусто. Свет был погашен, дверь заперта, и никто не открыл, когда я нажал на звонок. Также я попробовал дозвониться по номеру телефона студии, но снова и снова смотрел, как тот стоит на стойке регистрации и звонит. Не было никого, чтобы поднять трубку.

Я бы мог проторчать здесь, пока кто-нибудь не придёт — кто-нибудь, кем, я надеялся, окажется Поппи — или мог бы вернуться домой и попробовать приехать в другой день. Было невероятно жарко, и я волновался, что мои туфли могут растаять, если я слишком долго простою на тротуаре, а снаружи студии даже не было тени. Настолько ли была хороша идея остаться здесь и превратиться в потную жертву солнечного удара?

Но мысль об отъезде из Нью-Йорка без того, чтобы увидеть Поппи и поговорить с ней была мыслью, которую я не мог вытерпеть дольше нескольких секунд. Последние десять месяцев я провёл в страданиях. И не был готов провести ещё один подобный день.

Бог, видимо, услышал меня.

Я повернул к станции метро — увидел винную лавку рядом, и мне захотелось бутылку воды — и заметил блик шпиля между двумя рядами домов. Церковь. Ноги сами понесли меня туда, хотя я не успел даже осознать этого. Думаю, я надеялся на кондиционер и, возможно, на место, чтобы помолиться, пока студия танцев не откроется, но ещё я желал (сильно) найти нечто другое внутри.

И нашёл.

За передними дверьми располагалось просторное фойе, в котором стояли наполненные святой водой чаши, двери же в святилище были распахнуты, принося благословенный

прохладный воздух ко входу, но не это я заметил первым.

Первой я заметил женщину в передней части алтаря, она стояла на коленях с опущенной головой. Её тёмные волосы были собраны сзади в тугой пучок — как у танцовщицы — а её длинная шея и худые плечи не были скрыты чёрной майкой. Я узнал танцевальную одежду, пока, пытаясь не шуметь, тихо приближался к Поппи, но это, похоже, не имело значения. Она была настолько поглощена молитвой, что даже не шевельнулась, когда я скользнул на скамью позади неё.

Я мог бы тщательно вывести каждый дюйм её спины даже после стольких месяцев по памяти. Каждую веснушку, каждую линию мышц, каждый выступ её лопаток. И оттенок её волос — тёмный и такой же насыщенный, как кофе — я помнил совершенно точно. И теперь, когда она была настолько близко, все мои благие намерения и чистые помыслы были поглощены чем-то более, более порочным. Я хотел распуścić этот пучок, а затем намотать её шелковистые волосы на свою руку. Хотел оттянуть верх майки и наслаждаться её грудью. Хотел тереть её мягкость между ног через эластичные танцевальные штаны, пока те не стали бы влажными.

Нет, даже сейчас я не был честен с самим собой, потому что в действительности хотел сделать намного хуже. Я хотел услышать звук шлепка моей ладони по её попке. Хотел вынудить её ползать, умолять, хотел тереться своей щетиной о кожу внутренней поверхности её бёдер. Хотел заставить Поппи вытерпеть каждую минуту той боли, которую я ощущал из-за неё, — уничтожить те минуты с помощью её рта, и пальцев, и её сладкой, горячей киски.

Я чувствовал соблазн сделать всё это: схватить Поппи, перебросить через плечо, найти какое-то укромное местечко — её студию, мотель, переулок, меня это не очень волновало — и показать ей именно то, что десять месяцев нашей разлуки сотворили со мной.

«То, что она не со Стерлингом, не означает, что она хочет быть с тобой, — напомнил я себе. — Ты здесь, чтобы отдать ей чётки, вот и всё.»

Но возможно, одно прикосновение, только одно прикосновение, прежде чем я отдам чётки и попрощаюсь навсегда...»

Я встал на колени и подался вперёд, протянул один палец, а затем, когда был в паре дюймов от её кожи, пробормотал то прозвище, которое дал ей:

— Ягнёнок, — произнёс я. — Маленький ягнёнок.

Поппи выпрямилась, когда я задел пальцем кремовую кожу на её шее. Она повернулась, открыв в неверии рот в форме буквы «О».

— Тайлер, — прошептала она.

— Поппи, — было моим ответом.

А затем её глаза наполнились слезами.

Я должен был подождать, чтобы увидеть, что она чувствовала ко мне, должен был спросить, могу ли её коснуться, — я знал обо всём этом. Но теперь Поппи плакала, плакала так сильно, что единственным местом, которому она принадлежала, были мои объятия, поэтому я двинулся к ней и притянул к себе.

Она прильнула ко мне и, уткнувшись лицом в мою грудь, обняла за талию, содрогаясь всем телом.

— Как ты меня нашёл? — пробормотала она.

— Стерлинг.

— Ты разговаривал со Стерлингом? — отстранившись, спросила она.

Я наклонился, чтобы встретиться с её взглядом.

— Да. И он рассказал мне, что случилось в тот день. В тот день, когда вы целовались...

Моя собственная решимость дала трещину: несмотря на работу и жизнь на другом континенте, я увидел её теперь и вспомнил огромную дыру, появившуюся в моей груди в момент их со Стерлингом поцелуя. И это было слишком для меня.

Она заплакала сильнее:

— Ты, наверное, ненавидишь меня.

— Нет. На самом деле я хотел найти тебя, чтобы сказать именно это.

— Я думала, что должна была, Тайлер, — пробормотала Поппи, уставившись на пол.

— Должна была что?

— Я должна была заставить тебя бросить меня, — прошептала она.

Даже мой пульс остановился, чтобы расслышать это.

— Что?

В её глазах читались боль и вина.

— Я понимала, что вместе мы могли бы противостоять Стерлингу, но я не могла справиться с мыслью о том, что ты оставишь духовенство... Оставишь *ради меня*, — она посмотрела на меня с мольбой на лице. — Я бы не смогла жить с этим, зная, что ты это сделал. Зная, что отняла у тебя твоё призвание — всю твою жизнь — лишь потому, что не смогла контролировать свои чувства к тебе...

— Нет. Поппи, это не так. Я тоже был там, помнишь? Я выбирал то же, что и ты. Поэтому ты не можешь нести это бремя в одиночку.

Она покачала головой, слёзы всё ещё катились по щекам:

— Но если бы ты никогда не встретился со мной, то никогда бы не подумал об уходе.

— Если бы я никогда не встретил тебя, я бы и не узнал, что такое настоящая жизнь.

— О боже, Тайлер, — она закрыла лицо руками. — Представляю, что, вероятно, ты думал обо мне все эти месяцы. Мне ненавистно это. Я ненавидела себя. В тот момент, когда губы Стерлинга коснулись моих, мне хотелось умереть, потому что я видела, как ты бежишь через парк, и знала, что ты был там, знала, что причинила тебе боль, но я должна была это сделать. Я хотела, чтобы ты забыл обо мне и продолжал жить так, как желал того Бог.

— Это больно, — признался я. — Это очень больно.

— Я так сильно ненавидела Стерлинга, — пробормотала она в свои руки. — Я ненавидела его так же сильно, как любила тебя. Я никогда не хотела его, Тайлер, я хотела тебя. Но как я могла быть с тобой, зная о том, что ты всё потеряешь? Я говорила себе, что будет лучше оттолкнуть тебя, чем смотреть, как ты чахнешь.

Я убрал её пальцы от лица.

— Я сейчас зачахший? Потому что я ушёл, Поппи, и это не из-за тебя или опубликованных снимков Стерлинга, а из-за того, что я постиг то, что хотел от меня Бог. Он хотел, чтобы я жил другой жизнью и в другом месте.

— Ты ушёл? — прошептала она. — Я думала, они заставили тебя уйти, когда эти фото всплыли.

— Я сам принял такое решение. Я думал... Полагал, ты поймёшь это.

— Но слухи... Все говорили... — она глубоко вздохнула, глядя на меня. — Я просто посчитала, что эти фото уничтожили тебя. И знание того, что я частично причастна к этому, убивало меня, потому что Стерлинг, не будь меня, никогда бы не нацелился на тебя. Понимание разрывало моё сердце пополам, и я не смогла принять этого. У меня больше не было сердца, чтобы разбить его. Я так сильно скучала по тебе.

— Я тоже скучал по тебе, — я достал чётки и вложил их в её ладонь. — Я принёс их, чтобы вернуть обратно, — проговорил я, сжимая её пальцы на чётках. — Я хочу, чтобы ты приняла их. Потому что я прощаю тебя.

«Но это не вся правда, Тайлер».

Я сделал глубокий вдох:

— Есть ещё кое-что. Мне было так больно — настолько, что это опустошило меня — из-за того, что ты сделала. И сейчас я зол на тебя за то, сколько боли это принесло нам обоим. Ты должна была поговорить со мной, Поппи, должна была сказать мне, что чувствовала всё это время.

— Я пыталась, — призналась она. — Я пыталась так много раз, но это было так, будто ты не слышал меня, будто не понимал. Мне нужно было заставить тебя забыть меня, чтобы не разрушить твою жизнь.

Я вздохнул. Она была права. Она пыталась сказать мне. И я был настолько охвачен нашей любовью, настолько охвачен своей собственной борьбой и собственным выбором, что на самом деле не услышал её.

— Мне жаль, — признался я, вкладывая в эти два слова больше, чем любой человек когда-либо вкладывал прежде. — Мне очень жаль. Я должен был услышать. Должен был сказать тебе, что не имеет никакого значения, что случилось бы с моей работой, с нами, потому что, в конце концов, я верю, что Бог присматривает за тобой и мной. Я верю, что у Бога есть план для нас. И везде, куда бы я ни шёл, куда бы мы ни шли, независимо от того, сколько случилось плохих событий, мы будем вознаграждены его любовью.

Она кивнула, слёзы текли по её щекам. И в этот момент что-то произошло, вдохновение или пробуждение, потому что я кое-что понял.

Я по-прежнему хотел её.

Я по-прежнему любил её.

Я по-прежнему должен был быть с ней до конца своей жизни.

И хоть это не имело никакого смысла, хоть я и узнал всего лишь несколько минут назад, что она и Стерлинг не вместе и никогда не были вместе, всё равно я сделал это. Я опустился на одно колено перед ней:

— В тот день я шёл к тебе, чтобы сделать предложение. И если ты примешь меня, то я по-прежнему хочу на тебе жениться, Поппи. У меня нет кольца. Нет денег. Нет постоянной работы в данный момент. Но я знаю то, что ты единственный и самый удивительный человек, которого Бог когда-либо мне посылал, жизнь без тебя разбивает мне сердце.

— Тайлер ... — выдохнула она.

— Выходи за меня, ягнёнок. Скажи «да».

Она посмотрела вниз на чётки, а затем снова на меня. И её ясное, полное слёз «да» достигло моих ушей тогда же, когда её губы коснулись моих, целуя меня жадно, и ликующе, и отчаянно. И мне было всё равно на то, где мы находились или кто нас увидит: я расстегнул свои джинсы, сдёрнул её штаны до колен, устроился напротив её горячего центра и ощутил влажный жар. Я сражался с узким проходом между скамьями, пока мне не удалось развести её ноги коленом и толкнуться внутрь.

Это было быстро, грубо и громко, но ещё это было идеально: только я, и Поппи, и Бог в своей обители, стоящий над нами обоими. Я хотел эту женщину до конца вечности и хотел, чтобы эта вечность началась как можно скорее.

ЭПИЛОГ.

Поппи.

Твоя рука накрыла мой рот, тогда как другая зарылась под слои из кружева и шёлка в поисках моей киски — голой по твоей просьбе. Голой именно для этого момента.

Снаружи гости начинают проходить в церковь, в католическую церковь, несмотря на игривые протесты моих родителей; и в обмен на католическую свадьбу они добились от нас того, чтобы мы, стиснув зубы, позволили им расщедриться, как они и хотели для их принцессы: фейерверки, море шампанского и огней под звёздным небом Род-Айленда.

Но сейчас я не чья-то принцесса. Я — задыхающийся и извивающийся в твоих руках ягнёнок, как только твои пальцы находят мой клитор — уже готовый и опухший — и щипают его, нежно. Я хочу, чтобы ты сорвал с меня эти дизайнерские шелка и кружева за тысячи долларов, обвивающие мою талию, сорвал подвязки и чулки и выставил мою оголённую киску на обозрение. Но ты этого не делаешь.

Вместо этого ты шепчешь мне на ухо:

— Ты сделала так, как было велено. Хороший ягнёнок.

Ты убираешь руку с моего рта, чтобы обхватить ею мою грудь.

Я опираюсь на тебя спиной:

— Разве не говорят, что нельзя видеть невесту до свадьбы?

— Говорят, это плохая примета, но я думаю, что начинать семейную жизнь сексом только к счастью, ты так не думаешь?

Мы в небольшой молельне сбоку от главного зала с занавешенным окошком, которое выход в святилище. Сложно разглядеть, что творится внутри, потому как мы заперли тонкую деревянную дверь, но она не помогает заглушить звуки, а с учётом того, какая я тихая, невозможно ни с чем спутать шелест юбок моего платья и бешеное дыхание, когда твои пальцы двигаются по моему клитору, перемещаясь на влажные складки влагалища.

А затем ты разворачиваешь меня, впиваясь голодными зелёными глазами. Ты побрился сегодня утром, твоя квадратная челюсть гладкая и чистая, и хоть твоя мама возилась с твоей причёской чуть ранее, несколько непослушных прядей спадают тебе на лоб. Тянусь, чтобы убрать их, но ты ловишь моё запястье, прежде чем я успеваю это сделать. Нет надобности останавливать меня, ведь ты можешь просто притянуть меня к себе, прижимая нежную кожу моей киски к штанам своего смокинга. Я ощущаю твою эрекцию — горячую, твёрдую длину — и стону.

Рука снова накрывает мой рот, а твоё обычно улыбающееся лицо становится серьёзным.

— Ещё один изданный вами звук, миссис Белл, — шипишь ты мне на ухо, — и в следующий раз я трахну твою чертовски хорошенькую попку.

Это должно стать наказанием?

— Я ещё не миссис Белл, — дразню я.

— Но ты всё равно принадлежишь мне.

Не могу с этим поспорить. Я принадлежала тебе с тех самых пор, как в первый раз села к тебе в исповедальню.

Платье — с V-образным декольте, поясом на талии и юбками, которые слоями дорогой

лёгкой тюли спускаются вниз — словно облако вокруг моих бёдер, и оно мешает мне увидеть, как твои руки тянутся вниз, чтобы освободить член. Когда твоя ладонь скользит по моей талии к моим ногам, я оказываюсь наполовину поднята, наполовину прижата к стене.

Чувствую, как толстая головка твоего члена упирается в мои складки; ты не даёшь мне и минуты, чтобы сделать вдох, и сразу пронзаешь меня без предупреждений, пока я стараюсь не застонать, но это так восхитительно: ты в своём смокинге, я в свадебном платье, задранном словно платье подростка в отельном номере, а твоя рука так сильно и настойчиво прижимается к моему рту, пока ты грубо и неустово толкаешься в меня.

— Все те люди там, — выдыхаешь ты, — они не имеют ни малейшего представления, что ты так близко к ним и что тебя жёстко трахают. Трахают в свадебном платье, как маленькую шлюшку, которая не может себя сдержат.

Моё сердце бьётся, как птица в клетке — быстро и трепетно — бёдра же напрягаются напротив грубой ткани твоих брюк. Я уже давно оставила попытки понять, почему мне так нравится, когда ты называешь меня этими словами, тем более что за пределами спальни ты такой неизменно вежливый и уважительный. Возможно, это энергетика шаловливого пастора, радующегося, что у него не отняли новую ступеньку академической карьеры, или, возможно, потому, то ты очень **хороший** человек, а это просто захватывающе: видеть, как теряешь контроль и ведёшь себя больше как грешник, нежели святой. В любом случае это сводит меня с ума, а ты это знаешь и шепчешь мне на ухо всякие ужасные слова: «возьми его», и «грязная чертовка», и «кончи для меня, тебе, блядь, лучше кончить для меня».

Что я и делаю. Стоны теряются в твоей руке, пока ты продолжаешь вбиваться в меня, с каждым толчком вжимая сильнее в стену, и с каждым толчком вытаскивая мой оргазм всё ближе и ближе к поверхности, а затем поднимаешь голову и смотришь мне в глаза. Ты так близко, и я думаю, что всё то время, когда мы занимались сексом, всё то время, когда я просыпалась от ощущения твоего рта у меня между ног, пока влага стекала по ним, всё то время мы трахали друг друга, будто переносясь из реального — обычного — мира в какое-то новое, мерцающее и волшебное место. Я чувствую это сейчас, когда смотрю в твои глаза и наблюдаю за тем, как ты кусаешь свою губу, словно борешься, пытаясь сдержаться.

— *Si vis amari, ama*, — говоришь ты мне. **Если хочешь быть любимым, люби.**

Слова, которыми мы обменивались словно миллион лет назад.

Твоя любовь свела нас снова вместе, твоя неустанная любовь, которая возродилась вопреки моему обману и одиночеству. Я думала, что принесла правильные жертвы ради тебя и твоего желания быть с Богом, но всё то время я ошибалась. Теперь мы оба с Богом, и мы вместе отказываемся от нашей личной жизни сегодня, чтобы слиться в одну вечную душу.

«**Нет большей любви, чем эта...**» Я мечтательно задумываюсь, пока ты теряешь весь свой контроль, твоя рука движется от моего рта к моей другой ноге, чтобы ты мог удерживать меня открытой для себя, пока преследуешь своё освобождение, твоя тёмная голова зарывается в мою шею, губы целуют и кусывают.

— *Te amo*, — шепчешь ты в моё ухо. На латинском «я люблю тебя». — *Te amo, te amo, te amo.*

Чёрт, я тоже люблю тебя, затем ты настолько сильно кончаешь, что всё твоё тело

содрогается, руки впиваются в мои бёдра в чулках, а твоя кульминация посылает ещё один оргазм через меня. Вместе мы пульсируем, словно мы одно сердцебиение, словно мощные волны единого океана, пока не затихаем со вздохом.

Где-то в церкви орган начинает играть что-то красивое и светлое, приглашая всех занять свои места. Мои подружки и мать наверняка паникуют.

Ты опускаешь меня вниз и используешь шёлковый платок из кармана смокинга, чтобы убрать свои следы с моих ног. Затем ты складываешь его и помещаешь обратно в карман другой стороной, совершенно чистой и аккуратной, но мы оба знаем, что скрыто внутри.

— Просто небольшое напоминание, — поглаживая карман, говоришь ты мне с улыбкой, от которой на щеках появляются ямочки.

— Трофей, ты имеешь в виду.

Ты не опровергаешь этого, по-прежнему ухмыляясь моей обожаемой ирландской улыбкой, когда помогаешь мне расправить платье и выпрямить длинную вуаль.

Ты смотришь вниз на свою ладонь, вымазанную моей помадой, и твой рот приоткрывается, а глаза темнеют. Клянусь, я снова вижу, как ты твердеешь.

— Тебе стоит подправить макияж, — напоминаешь мне ты, а твои глаза задерживаются на моём рте.

Я должна оттолкнуть тебя, потому что, если ты ещё раз поцелуешь меня, я не буду в состоянии сказать «нет», и тогда мы опоздаем на нашу свадьбу.

— Что мы скажем, объясняя им, чем тут занимались?

Теперь ты застёгиваешься и поправляешь одежду, в твоих глазах пляшут огоньки:

— Это же часовня. Скажем, что молились.

— И ты думаешь, они поверят нам?

Снова ирландская усмешка:

— Ну, однажды я был пастором, знаешь ли.

Я думаю об этом на протяжении всего дня: когда обновляю помаду на губах, а потом, когда мой отец ведёт меня по проходу и когда вижу, как ты пытаешься спрятать слёзы, когда папа перекладывает мою руку в твою. Когда мы причащаемся, оба вспоминаем наши совсем другие клятвы, разделённые нами. А затем, когда ты целуешь меня — долго, и сильно, и глубоко — поцелуем, от которого даже в храме Божьем моя киска снова становится мокрой, а соски твёрдыми.

Однажды ты был пастором.

Я всё ещё скорблю по тем временам, но теперь понимаю, что в нашем воссоединении столько же святости, сколько и мудрости. Когда-нибудь мы создадим семью. Мы вместе сотворим новую жизнь, и это будет самое божественное деяние, которое может сделать человек, и я задаюсь вопросом, когда мы танцуем под нежным майским небом, а вдруг у нас родится сын.

Возможно, он тоже станет пастором.

Больше книг на сайте - Knigolub.net